

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

220-летие КФУ

Том 166

Книга 1

2024

Ученые записки Казанского университета.

Серия Гуманитарные науки

рецензируемый научный журнал

2024

Т. 166,

кн. 1

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАНЫ В 1834 ГОДУ

Редакционный совет

- Д.А. Таюрский* (председатель редакционного совета) – первый проректор – проректор по научной деятельности, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- А.И. Алиев* – д-р юрид. наук, проф., Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика
- Й. Баберовски* – д-р наук, проф., Берлинский университет имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия
- Б.А. Байтанаев* – д-р ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки МОН, г. Алматы, Республика Казахстан
- Б.М. Гонгало* – д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия
- Л.П. Грамова* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
- А. Квятковская* – д-р психол. наук, Институт психологии, Польская академия наук, г. Варшава, Польша
- Х. Миклас* – д-р наук, проф., Венский университет, г. Вена, Австрия
- В.М. Мокиенко* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия
- М.М. Мюллер* – д-р наук, проф., Лейпцигский университет, г. Лейпциг, Германия
- Л.П. Репина* – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
- Л. Росси* – проф. по рус. лит., Миланский государственный университет, г. Милан, Италия
- А.Г. Студиков* – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- И.А. Тарханов* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Д.В. Ушаков* – д-р психол. наук, акад. РАН, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия
- Т.Я. Хабриева* – д-р юрид. наук, акад. РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
- А.Н. Чумаков* – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- М.Д. Щелкунов* – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редакционная коллегия

- А.О. Прохоров* (главный редактор) – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Л.Р. Ахмерова* (секретарь) – канд. филол. наук, доц. Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Е.М. Абайдельдинов* – д-р юрид. наук, проф., Евразийский национальный университет Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан
- Н.Ф. Алефиренко* – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
- Б.С. Алишев* – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- С.А. Балащенко* – д-р юрид. наук, проф., Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
- Д.Х. Валеев* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Г.А. Волков* – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- Г.Х. Гилзетдинова* – д-р филол. наук, проф., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия
- С.Ю. Головина* – д-р юрид. наук, проф., Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург, Россия
- О.Ф. Жолобов* – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

А.М. Лушиков – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия
Н.Л. Люттов – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Д.Е. Мартынов – д-р ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
О.М. Мельникова – д-р ист. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия
Г.П. Мясков – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
И.А. Невская – д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
Е.М. Николаева – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
В. Норман – д-р наук, проф., Университет Потсдама, г. Потсдам, Германия
Ф.Ш. Нуриева – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Паикуров – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Парог – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Й. Ситко – д-р наук, проф., Прешовский университет в Прешове, г. Прешов, Словакия
М.В. Талан – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Ю Хаймей – д-р права, Нанкинский педагогический университет, Институт правовой модернизации Китая, г. Нанкин, Китай
Й. Эккенга – д-р юрид. наук, проф., Университет имени Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия
Р. Ястшембски – д-р права, проф., Варшавский университет, г. Варшава, Польша

Выпускающий редактор *Е.А. Горобец* – канд. филол. наук, доц.

Научный редактор *Е.А. Горобец* – канд. филол. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редактор *Л.Р. Ахмерова*
Редактор английского текста *А.О. Кармазина*

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41876 от 27 августа 2010 г.

Журнал реферируется/индексируется в DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, КиберЛенинка.
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс 19421. Цена свободная

Адрес издателя и редакции «Ученые записки Казанского университета»: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
Телефон: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-rus/gum>

Дата выхода в свет 2.04.2024.
Формат 70x 108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,65. Уч.-изд. л. 11,98.
Тираж 300 экз. Заказ 10/4.

Отпечатано в типографии Издательства
Казанского университета
420008, Казань, ул. проф. Нужина, д. 1/37

Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta.

2024

Seriya Gumanitarnye Nauki

Vol. 166,

(Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series)

no. 1

Peer-Reviewed Scientific Journal

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA FOUNDED IN 1834

Editorial Council

- D.A. Tayurskii* (Chairman of the Editorial Council) – First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Activities, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- A.I. Aliiev* – Doctor of Law, Professor, Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan
- J. Baberowski* – Doctor of History, Professor, Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany
- B.A. Baitanaev* – Doctor of History, Professor, A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Republic of Kazakhstan
- B.M. Gongalo* – Doctor of Law, Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
- L.P. Gromova* – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- A. Kwiatkowska* – Doctor of Psychology, Institute of Psychology of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
- H. Miklas* – Doctor of Philology, Professor, University of Vienna, Vienna, Austria
- V.M. Mokienko* – Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; University of Greifswald, Greifswald, Germany
- M.M. Müller* – Professor of Psychology, University of Leipzig, Leipzig, Germany
- L.P. Repina* – Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Universal History, Moscow, Russia
- L. Rossi* – Professor of Russian Literature, University of Milan, Milan, Italy
- A.G. Sitdikov* – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- I.A. Tarkhanov* – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- D.V. Ushakov* – Doctor of Psychology, Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, Russia
- T.Ya. Khabrieva* – Doctor of Law, Member of Russian Academy of Sciences, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- A.N. Chumakov* – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
- M.D. Schelkunov* – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editorial Board of Humanities Sciences

- A.O. Prokhorov* (Editor-in-Chief) – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- L.R. Akhmerova* (Secretary) – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- E.M. Abaidel'dinov* – Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan
- N.F. Alefirenko* – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia
- B.S. Alishev* – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- S.A. Balashenko* — Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
- D.Kh. Valeev* – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- G.A. Volkov* – Doctor of Law, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
- G.Kh. Gilazetdinova* – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
- S.Yu. Golovina* – Doctor of Law, Professor, Ural State Law Academy, Yekaterinburg, Russia
- O.F. Zholobov* – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- A.M. Lushnikov* – Doctor of Law, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
- N.L. Lyutov* – Doctor of Law, Associate Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
- D.E. Martynov* – Doctor of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
- O.M. Mel'nikova* – Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Nevskaya – Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
E.M. Nikolaeva – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
W. Norman – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam, Potsdam, Germany
F.Sh. Nurieva – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Pashkurov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Rarog – Doctor of Law, Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
J. Sipko – Doctor of Science, Professor, University of Presov, Presov, Slovakia
M.V. Talan – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
Yu Haimei – Doctor of Law, Nanjing Normal University, Institute for Chinese Legal Modernization Studies, Nanjing, China
J. Ekkenga – Doctor of Law, Professor, Justus Liebig University Giessen, Giessen, Germany
R. Yastshembski – Doctor of Law, Professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Managing Editor: *E.A. Gorobets* – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Science Editor: *E.A. Gorobets* – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editors: *L.R. Akhmerova*
English Editor: *A.O. Karmazina*

Founder and Publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kazan (Volga Region) Federal University”.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technologies and Mass Media
Registration certificate PI No. FS77-41876 dated August 27, 2010.

The journal is abstracted and/or indexed in DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Cyberleninka, Ulrich’s Periodicals Directory, WorldCat.
The journal is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main results
of dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees.

Subscription index: 19421. Free price

Contacts: Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, ul. Kremlevskaya 18, Kazan, 420008 Russia
Phone: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-eng/hum>

Date of publication: April 2, 2024.
Page size: 70*108/16. Offset printing. Conventional
printing sheet: 13.65. Publisher’s signature: 11.98.
Circulation: 300 copies. Order: 10/4.

Printed in KFU Publishing House
ul. Prof. Nuzhina 1/37, Kazan, 420008
Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Морфология и словообразование

- Залялова Р.Р., Гатауллина А.Г.* Словообразовательное гнездо с вершиной *тьютор* в современном русском языке 7
- Напольнова Е.М.* Использование падежных форм для выражения временных представлений в современном турецком языке..... 22

Лингвокультурология

- Усачева О.А., Осипова А.С.* Семантическая структура образа «зрение» в русской языковой картине мира 34
- Алексеев А.Б.* Концепт “outsider” в политическом и спортивном дискурсах (на материале английского языка) 47
- Лукоянова Т.Л., Гиматова Л.И., Лукоянова Ю.К.* Особенности перевода на русский и немецкий языки английских глаголов лексико-семантической группы «Поведение человека» (на материале романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия»)..... 66

Язык рекламы

- Гайнутдинова А.А.* Роль метонимии в отражении рекламной картины мира (на материале рекламы бытовой техники и электроники) 80
- Дугалич Н.М.* Медицинская реклама как жанр поликодового текста..... 93

Онтолингвистика

- Доброва Г.Р., Трифонова П.М.* Понимание незнакомого слова в тексте: различные тактики детей-монолингвов и детей-инофонов 108
- Елисеева М.Б.* Словообразовательные окказионализмы в речи одного ребенка в возрасте от 4 до 5 лет 118
- Трифорова Т.А.* Особенности языковой рефлексии детей с различными стратегиями освоения языка (по результатам исследования спонтанной речи)..... 131

Критика и библиография

- Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.* Новые материалы к биографии и библиографии Ивана Антоновича Ефремова..... 144

CONTENTS

Morphology and Word Formation

- Zalalova R.R., Gataullina A.G.* The Word Family with the Headword *Tutor*
in the Modern Russian Language7
- Napolnova E.M.* Using Case Forms for Expressing Temporal Relations
in Modern Turkish Language 22

Linguoculturology

- Usacheva O.A., A.S. Osipova* The Semantic Structure of the Image of “Vision”
in the Russian Linguistic Worldview 34
- Alexeyev A.B.* The Concept of “Outsider” in Political and Sports Discourses
(Based on the English Language)..... 47
- Lukoyanova T.L., Gimatova L.I., Lukoyanova Y.K.* Translation of English Verbs Belonging
to the Lexico-Semantic Group of Human Behavior into Russian
and German (Based on W. Thackeray’s Novel “Vanity Fair”)66

Language of Advertising

- Gaynutdinova A.A.* The Role of Metonymy in Shaping the Advertising Worldview
(Based on the Appliance and Electronics Advertisements)..... 80
- Dugalich N.M.* Medical Advertising as a Polycode Text Genre 93

Ontolinguistics

- Dobrova G.R., Trifonova P.M.* Understanding Unfamiliar Words in a Text: Different Tactics
Used by Monolingual and Foreign-Language-Speaking Children 108
- Eliseeva M.B.* Derivational Occasionalisms in the Speech of One Child Aged
from Four to Five Years..... 118
- Trifonova T.A.* Linguistic Reflection in Children with Different Language Acquisition
Strategies (Based on the Study of Spontaneous Speech) 131

Criticism and Bibliography

- Martynov D.E., Martynova Yu.A.* The Biography and Bibliography
of Ivan Antonovich Efremov Expanded with New Materials 144

МОРФОЛОГИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373.611

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.7-21

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО С ВЕРШИНОЙ *ТЬЮТОР* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Р.Р. Залялова, А.Г. Гатауллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В настоящей статье на материале словарей, Национального корпуса русского языка, текстов научных статей педагогической тематики и массмедиа рассмотрены особенности лексем словообразовательного гнезда с вершиной *тьютор*, служащих для наименования лиц, признаков, действий, процессов, явлений популярной в современном образовании тьюторской деятельности. В работе описаны значения заимствованного слова *тьютор*, многозначность и широкая употребительность которого явились предпосылкой для его словообразовательной активности. Исследование слов, вошедших в обиход современной русской письменной и устной речи, но отсутствующих в лексикографических источниках, является актуальным, поскольку позволяет с помощью описательного метода и метода сплошной выборки фактического материала определить значения новых номинаций, охарактеризовать особенности их сочетаемости, отметить их синтагматический потенциал. Проведенный словообразовательный анализ позволил выделить словообразовательные цепочки и парадигмы, описать словообразовательные значения и определить способы образования слов, восходящих к исходному *тьютор*.

Ключевые слова: заимствование, неологизмы в сфере образования, словообразовательное гнездо, слово *тьютор* и его производные

На развитие современного русского языка значительное влияние оказывают заимствования, которые используются в разных сферах человеческой деятельности: экономической, культурной, туристической, научной, технической, образовательной. В популярном проекте «Слово года» победителем может быть признано «новое слово, возникшее как реакция на новое явление» [1, с. 104]. Нередко заимствованные слова, еще не зафиксированные в словарях, начинают активно использоваться в языке СМИ, но являются непонятными широкому кругу читателей, что препятствует успешной коммуникации [2, с. 154]. В связи с этим необходимым и актуальным является изучение семантики заимствованных слов, их правильное толкование.

Большой интерес, на наш взгляд, представляют словообразовательные неологизмы. С появлением в русском языке заимствованного слова происходит процесс порождения целого словообразовательного гнезда, что является важной особенностью русского языка конца XX – начала XXI в.: «Словообразова-

ние на базе иноязычий становится на рубеже веков доминирующим источником обновления лексической системы русского литературного языка» [3, с. 205]. О специфике деривации заимствованных лексических элементов пишут многие современные исследователи. Так, описаны разные особенности словообразовательных гнезд, в которых вершиной является иноязычное слово [4]; изучено образование композитов на основе иностранных слов [5]; исследовано словообразовательное гнездо с вершиной *пиар* в современном русском языке [6]; представлены пути адаптации иноязычной лексики в словообразовательной системе русского языка [7]; дана словообразовательная характеристика заимствованиям из английского сленга [8]. Словообразовательный потенциал заимствований активно исследуется и в английском языке [9–12]. Ярким примером порождения новых лексем являются так называемые коронавирусные неологизмы, которые стали ключевыми словами эпохи вследствие пандемии коронавирусной инфекции COVID-19: *корона*, *коронавирус*, *коронавирусный* и значительное количество сложных слов с началом *корона-* [13, с. 60]. Так, были исследованы словообразовательные гнезда с вершинами *коронавирус* и *ковид* [14]. Как видно, речь идет о словообразовательной адаптации иностранной лексики в русском языке. Е.А. Земская, исследовавшая словообразовательные особенности слов, производных от заимствований, отмечала, что зачастую основой для образования слов выступают самые важные слова эпохи, ключевые слова, которые находятся в центре социального внимания [15, с. 138].

В современных языках фиксируется много новых лексических единиц, входящих в семантическое поле «Образование». Например, подобные неологизмы рассматриваются в английском [16], немецком [17], русском [18] языках. Н.В. Катермина отмечает, что в мировоззрении людей разных стран меняется отношение к образованию, а изучение новой лексики в упомянутой сфере может способствовать пониманию взглядов общества при решении важных проблем в образовательной сфере [19, р. 613]. В настоящее время к наиболее актуальным темам для исследования в образовательной сфере относится получившая широкое распространение тьюторская деятельность. В связи с этим лексема *тьютор* является весьма частотной в современном русском языке, что обуславливает ее деривационную активность. Наблюдается интенсивный процесс образования новых слов с основой *тьютор-*, это связано с необходимостью номинации новых явлений, процессов, признаков, характеризующих современное российское образование. Как отмечает Е.А. Земская, «современное словообразование имеет ярко выраженный антропоцентрический характер», так как в качестве базовых основ активно используются наименования лиц [15, с. 138]. Современные исследования по педагогике свидетельствуют о частотности употребления слова *тьютор* и его производных. Научные работы посвящены истории становления тьюторства в России [20], проблемам тьюторского сопровождения [21], особенностям профессиональной деятельности тьютора [22], тьюторским практикам в высших учебных заведениях [23–28], вопросам тьюторского сопровождения при подготовке педагогических кадров [29, 30]. Новый вид педагогической деятельности также находится в центре внимания СМИ, поэтому лексема *тьютор* и ее производные встречаются в газетных текстах, в сети Интернет. Актуальность темы настоящего исследования обусловлена тем, что слова, производные от основы *тьютор-*, активно

употребляются в современной письменной и устной речи, однако не отмечены в словарных источниках и справочной литературе, ввиду чего необходимым является изучение особенностей функционирования указанных слов.

Цель настоящего исследования – определить и проанализировать функционально-семантические особенности слов с основой *тьютор*- в современном русском языке. О научной новизне работы свидетельствует впервые проведенное исследование всех элементов словообразовательного гнезда с вершиной *тьютор*. В работе были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить слова с основой *тьютор*- в современном русском языке, указать сферы их функционирования;
- 2) прояснить значения производных слов с основой *тьютор*-;
- 3) рассмотреть способы образования описываемых неологизмов;
- 4) раскрыть особенности сочетаемости выявленных единиц.

Исследование было выполнено на материале толкового и словообразовательного словарей русского языка, словаря терминов образовательного процесса, а также текстов Национального корпуса русского языка с 2010 по 2023 г. (далее – НКРЯ). Кроме этого, в качестве источников языкового материала были использованы публикации современной прессы, сети Интернет. Обращение к языку массмедиа объясняется тем, что он характеризуется обилием неологизмов и наиболее наглядно отражает активные языковые процессы, что, безусловно, представляет большой интерес в аспекте изучения как лексического состава, так и словообразовательных возможностей современного русского языка.

Перед тем как обратиться к интересующим нас новообразованиям, необходимо определить семантику исходного слова *тьютор*, послужившего основой для словообразовательной деривации. Согласно материалам словарей, оно имеет следующие значения:

- 1) ‘должность, соответствующая должности классного руководителя, но с функциями обеспечения благоприятных условий деятельности для каждого учащегося с целью их подготовки к выбору профессии на основе выявления способностей путем тестирования’ (СОП);
- 2) ‘индивидуальный научный руководитель учащихся колледжа или университета, помогающий им наиболее разумно организовать учебный процесс’ (Ефр.);
- 3) ‘куратор, воспитатель в учебном заведении’ (Ефр.);
- 4) ‘преподаватель-консультант в системе дистанционного обучения’ (Шаг).

Для сравнения: в современном английском языке уже функционируют такие неологизмы, как *zoomtutor*, *onlinetutor* или *Skype tutor*, которые указывают на новые функции тьюторов, использующих различные информационные онлайн-платформы [31, р. 38].

Кроме значений, зафиксированных в лексикографических источниках, лексема *тьютор* стала обозначать консультанта, который обучает взрослых, обеспечивает сопровождение индивидуальной траектории образования и развития педагога в системе повышения квалификации, а также специалиста в области кадрового менеджмента, психологии и в сфере социальных услуг (*карьерный тьютор*, *тьютор развития эмоционального состояния*, *социальный тьютор*). Как видно, благодаря расширению семантики исследуемое

слово активно используется в разных сферах деятельности и как общеупотребительное, и как профессионально маркированное. Многозначность слова *тьютор* и его широкая употребительность позволяют ему быть основой для словообразовательной деривации.

На данный момент словообразовательное гнездо с вершиной *тьютор* включает 13 производных, которые функционируют как в научных, так и в публицистических текстах. Большинство из них имеют терминологическое значение. Основа *тьютор-* мотивирует такие новые слова, как *тьюторство*, *тьюторствовать*, *тьюторинг*, *тьюторинговый*, *тьюториал*, *тьюториада*, *тьюторский*, *тьюториальный*, *тьюторант*, *тьюторантка*, *тьюторизация*, *тьюторша*, *тьюторить*. Некоторые из вышеперечисленных слов были заимствованы из английского языка с иноязычными суффиксами (*тьюторинг*, *тьюториал*, *тьюторизация*, *тьюторант*), другие были образованы по русским словообразовательным моделям (*тьюторство*, *тьюторский*, *тьюториальный*, *тьюториада*, *тьюторить*).

От основы *тьютор-* с помощью продуктивного в живой разговорной речи суффикса *-и(а)* была образована новая лексическая единица *тьюторша* (ср.: *аниматорша*, *спикерша*, *риелторша* и др.) – существительное женского пола со значением лица по профессии, деятельности, названной словом, от которого оно образовано. Это слово отсутствует в материалах НКРЯ, но встречается в современных художественных текстах на литературных порталах, а также в студенческих форумах. Например: «*Тьюторша вышла и скрылась в одной из комнат, оставив дверь приоткрытой*» (Пример 1).

Участниками тьюторской деятельности являются два лица: обучающий и обучающийся. Наименованием первого служит слово *тьютор*, а для наименования второго употребляется лексема *тьюторант*, где суффикс *-ант* имеет значение «участник совместного действия». Термин *тьюторант* особенно часто используется в методических разработках педагогов, а также в научных статьях: «*Задача тьютора и состоит в том, чтобы вместе со своим тьюторантом увидеть и проанализировать всю инфраструктурную карту образовательных возможностей с точки зрения их ресурсности для реализации его индивидуальной образовательной программы*» [32, с. 175]. По аналогии с парами *студент – студентка*, *магистрант – магистрантка* появилось параллельное наименование лица по роду занятий женского пола *тьюторантка*.

Прилагательное *тьюторский* (27 примеров вхождения в НКРЯ) образовано при помощи продуктивного суффикса *-ск(ий)* и имеет словообразовательное значение «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом». Процесс образования с помощью данного суффикса от заимствованных наименований лица прилагательных является в современном русском языке актуальным (например, *риэлтер – риэлтерский*, *хакер – хакерский*). Для лексемы *тьюторский* характерна сочетаемость с абстрактными существительными: *тьюторская деятельность*, *тьюторское сопровождение*, *тьюторские практики*, *тьюторское действие*, *тьюторская компетенция*, *тьюторская ассоциация*, *тьюторская модель*, *тьюторский час*, *тьюторский контроль*, *тьюторский практикум*, *тьюторское движение*.

В словообразовательную парадигму с исходным *тьютор* входят два слова с процессуальной семантикой: *тьюторство* и *тьюторизация*. Для обозначения деятельности тьютора в современной речи функционирует существительное *тью-*

торство (36 примеров вхождения в НКРЯ). Это слово было образовано с помощью суффикса *-ств(о)*, которое имеет значение «деятельность лица, названного мотивирующим словом». Как правило, о тьюторстве говорят как о новом формате преподавания, новом направлении работы в школах. Частотны сочетания данного слова с существительными: *кафедра тьюторства, модели тьюторства, система тьюторства, основы тьюторства, формы тьюторства, курсы тьюторства, центры тьюторства, становление тьюторства, феноменология тьюторства*. При описании типов тьюторства употребляются прилагательные *социальный, дистантный, антропологический*. Кроме этого, слово *тьюторство* встречается в глагольной конструкции *быть под чьим-либо тьюторством*.

Лексема *тьюторизация*, также имеющая процессуальное значение, заимствована из английского языка (от глагола *to tutor* было образовано существительное *tutorization*). Е.А. Земская писала: «Новые социально значимые процессы действительности активно именуется существительными на *-изация*, имеющими значение “наделение тем или свойствами того, что обозначает базовая основа”» [15, с. 108]. В отличие от слова *тьюторство* лексема *тьюторизация* отсутствует в текстах НКРЯ. Однако анализ публикаций по педагогике показал, что в методических исследованиях она встречается, хотя и характеризуется меньшей частотностью употребления. В результате анализа контекстуальных особенностей данной лексемы (*тьюторизация школы, тьюторизация образования, тьюторизация страны, тьюторизация системы образования*) можно определить значение слова *тьюторизация* как ‘важное социально значимое явление индивидуализации образования’.

Кроме слов *тьюторство* и *тьюторизация*, в современном русском языке функционирует еще один термин с абстрактным значением. Это заимствованное из английского языка слово *тьюторинг* (*tutoring*). Данная лексема обозначает форму учебного сопровождения (7 вхождений в НКРЯ): «*Нужна функциональная система сопровождения студентов, облегчающая такой выбор. Например, тьютинга*» (Зачем делить студентов на отдельные личности // Ведомости, 10.2018 (НКРЯ)). Особенно часто она используется в работах, посвященных исследованию педагогических вопросов, методики преподавания. В настоящее время слово *тьюторинг* представляет собой многозначный термин, которым могут обозначать и форму повышения квалификации педагогов, и форму сетевого преподавания, и систему сопровождения студентов. При описании видов такого сопровождения употребляются сочетания с прилагательными *индивидуальный и групповой тьюторинг, электронный тьюторинг, онлайн- и офлайн-тьюторинг*. Зафиксированы сочетания данного термина и с существительными: *возможности тьютинга, принципы, формы, методы тьютинга, реализация тьютинга*.

О развитии семантики изучаемого термина свидетельствует появление словосочетания *карьерный тьюторинг*, под которым понимают психологическое сопровождение карьеры, то есть рекомендации по трудоустройству, консультирование, помогающее молодым специалистам строить профессиональную и деловую карьеру.

Конечным звеном словообразовательной цепочки *тьютор – тьюторинг – тьюторинговый* является прилагательное (ср.: *рейтинг – рейтинговый, маркетинг – маркетинговый, роуминг – роуминговый*). Его можно обнаружить в таких словосочетаниях, как *тьюторинговая деятельность, тьюторинговая работа,*

тьюторинговое сопровождение, тьюторинговая система, тьюторинговые сервисы, тьюторинговое агентство, тьюторинговый центр, тьюторинговые программы, тьюторинговая академия, тьюторинговая модель непрерывного образования, тьюторинговая платформа, тьюторинговый курс. Ярким примером функционирования данного слова является его активное употребление в тексте монографии по педагогике: «*Центральной проблемой организации тьюторинговой деятельности в вузе является проблема построения индивидуального образовательного маршрута*» [33, с. 105].

Фонетическое освоение проникающих в русский язык иностранных слов происходит разными путями. В произношении некоторых слов отмечаются варианты, например, существуют варианты твердого и мягкого произношения согласных в словах *кредо, крем*. В результате заимствования из английского языка слова *tutorial* ('руководство', 'учебное пособие', 'инструкция', 'консультация') в русском языке фиксируются два фонетических и графических варианта, различающихся произношением согласного звука [т]: *тьюториал* и *туториал*.

Лексема *тьюториал* (16 примеров употребления в НКРЯ) функционирует в современном русском языке наряду с синонимичными ей словами *мастер-класс, семинар, тренинг*. В результате анализа функциональных особенностей данного слова можно сказать, что под *тьюториалом* понимают групповые и индивидуальные консультации тьютора, семинары, обучающие видео. Другими словами, *тьюториал* – это форма тьюторского занятия, взаимодействия тьюторанта с тьютором: «*Основными формами тьюторского сопровождения исторически являются различного вида индивидуальные и групповые консультации (тьюториалы)*» [32, с. 176].

Заимствованное слово *туториал* с иным вариантом произношения появилось в молодежном сленге. В материалах социальных сетей наблюдается высокая частотность употребления этой лексемы (209 примеров употребления в НКРЯ) в значении 'обучающая статья, обучающая видеозапись': «*Туториал по созданию анимированного перехода со страницы с помощью Ajax*» (НКРЯ); «*Смотри туториалы и дальше рисовать учись*» (НКРЯ). Туториал представляет собой пошаговую инструкцию, подробный урок, размещенный в интернете. При этом выделяют текстовые, графические туториалы и видеотуториалы. Большая часть примеров функционирования данного слова в НКРЯ свидетельствует о популярности графических туториалов для художников, в которых представлено обучение рисованию. Проанализированный языковой материал НКРЯ позволил выявить следующие особенности сочетаемости данного слова. О тематике туториалов позволяют судить словосочетания: *туториал по макияжу, туториал по монтажу видео, туториал по разработке игр, туториал по тени и свету, туториал по созданию рисунка, туториал для изучения веб-дизайна, мейк-ап туториал*. Встречается конструкция с наименованиями лица по роду занятий (*туториал для кого?*): *туториал для художников, туториал для музыкантов*. Распространенными являются словосочетания, в которых дается характеристика туториала с помощью прилагательных: *краткий, подробный, полезный, свежий, полный, нормальный, популярный, официальный, интересный, объемный туториал*. Среди глагольных словосочетаний можно отметить такие, как *делать туториал, смотреть туториал, искать туториал, выкладывать туториал, записывать туториал, учиться по туториалу*.

В профессиональном языке специалистов IT-сферы слово *туториал* активно употребляется для обозначения уроков для начинающих программистов. В материалах по веб-разработкам можно встретить такую фразу, как: «*Туториал по созданию раздела для комментариев при помощи Flexbox*» (НКРЯ). В жаргоне компьютерных игроков словом *туториал* называют ознакомительную часть с игровым процессом для начинающего игрока (*игровой туториал, эффективный туториал, туториал для начинающих*): «*Это был 10-минутный туториал – обучающий уровень*» (Пример 2).

Исследованный материал показывает, что в русском языке фонетические варианты заимствованного слова определяют различия в семантике и сфере употребления. Слово *тьюториал* в значении ‘консультация тьютора’ является термином в педагогике и методике преподавания, сфера его использования – методические разработки педагогов, научные статьи по методике. *Туториал* – это жаргонное слово, которое функционирует в сфере обучения программированию, веб-дизайну, при создании приложений и игр.

Подобные семантические различия отражены и в прилагательных *тьюториальный* и *туториальный*, которые являются элементами соответствующих словообразовательных цепочек. Слово *тьюториальный* встречается, например, в названии статьи «Технология тьюториального руководства малыми группами учащихся в системе инновационной деятельности школы». Отмечается употребление данного прилагательного в таких словосочетаниях, как *тьюториальная система, тьюториальная группа, тьюториальная модель, тьюториальное сопровождение, тьюториальная среда, тьюториальное понимание, тьюториальный вид сайтов, тьюториальный комплекс, тьюториальный подход, тьюториальный метод, тьюториальная поддержка*.

Прилагательное *туториальный* употребляется в профессиональном жаргоне специалистов по компьютерным технологиям в словосочетаниях *туториальный режим, туториальный формат, туториальный обзор*.

В обиход русской речи вошло слово *тьюториада*, в котором выделяется суффикс *-иад(а)*, знакомый по ряду других слов (*олимпиада, спартакиада, универсиада*). Однако в указанных производных, появившихся в языке еще в XX в., суффикс *-иад(а)* первоначально использовался для образования существительных, обозначающих массовые спортивные мероприятия (соревнования). А слово *тьюториада* служит наименованием конференции для тьюторов, в рамках которой проходят тренинги, мастер-классы и т. п. Данный пример свидетельствует о появлении нового значения словообразовательного аффикса *-иад(а)* – «название мероприятия по лицу, участвующему в нем»: *тьютор – тьюториада, клоун – клоуиада* (наименование фестиваля). Функционируя в речи как определенный вид конференции, лексема *тьюториада* обладает особенностями сочетаемости, присущими слову *конференция*: *участники тьюториады, тьюториада программы, «Тьюториада 2016», региональная тьюториада, нижегородская тьюториада, всероссийская тьюториада; «Формами работы тьютора могут быть представлены индивидуальная тьюторская консультация (беседа); групповая тьюторская консультация; туториал (учебный тьюторский семинар); тренинг (тьюторинг); организация крупного коммуникационного события (презентация, круглый стол, тьюториада)*» [33, с. 6]. Кроме этого, встречается употребление слова *тьюториада* в качестве конкретной формы подготовки тью-

торов: в частности, тьюториадой стали называть летнюю школу тьюторов в форме сплавов по рекам и зимнюю – проводимую на горнолыжных базах: *Первая Уральская сплавная тьюториада* (Пример 3).

Кроме именных новообразований, в гнезде слов с вершиной *тьютор* есть и глаголы: *тьюторствовать* и *тьюторить*. Первый образован от слова *тьютор* с помощью суффикса *-ствова(ть)*, имеющего словообразовательное значение «действие лица, названного мотивирующим словом». В НКРЯ зафиксирован один пример употребления этого глагола. Однако в форумах, на сайтах репетиторов можно встретить примеры его использования в следующих словосочетаниях: *тьюторствовать по предметам медицинской тематики, тьюторствовать в школе; «Начнут лучшие студенты бакалавриата и магистратуры, которым будет предоставлена возможность тьюторствовать»* (Пример 4).

Глагол *тьюторить* образован от существительного *тьютор* с помощью суффикса *-и(ть)*. Тьюторить значит ‘обучать, преподавать’. Употребление этого глагола встречается на сайтах школ тьюторского мастерства, на форумах, в родительских сообществах в следующих конструкциях:

1) *тьюторить* (кого? *тьюторить* детей, *тьюторить* пятиклашек, *тьюторить* близких): «*Это подготовка концерта к новому году, вожатство, когда 8-классники загорелись желанием тьюторить пятиклашек, и «Теплое письмо»* (Пример 5); «*Почему навыком “тьюторить” собственного ребенка нужно владеть?»* (Пример 6); «*На практике будем разбираться – стоит или не стоит тьюторить близких, и если стоит, то при каких условиях»* (Пример 7);

2) *тьюторить* (к чему?): «*Так что родителям стоит проконтролировать, человек с какой квалификацией будет “тьюторить” к труду и обороне его чадо»* (Пример 8);

3) *тьюторить* (что?): «*Общее между ними – способность «тьюторить» авторские проекты молодых коллег»* (Пример 9); «*Роль тьютора в истории до сих пор остается загадкой. В частности, непонятно насколько глубоко он должен понимать материал, который тьюторит (70% по тестам ЛИНК – это вовсе не понимание»* (Пример 10).

Интерес представляют и окказиональные образования *тьюторика*, *тьютория*, *тьюториум*, которые функционируют в качестве имен собственных в названиях языковых центров, колледжей, онлайн-школ иностранных языков, образовательных проектов: *современный языковой центр «Тьюторика» в Красногорске, частный российский колледж нового поколения «Тьютория» в Барнауле, онлайн-школа иностранных языков «Тьюториум*. Данные слова представляют собой яркие, необычные названия школ, которые используются с целью привлечения внимания. Авторы окказиональных слов обращаются к словообразованию как средству реализации творческого подхода в наименовании, поскольку существует потребность в оригинальных, нестандартных номинациях [34, с. 151]. Образование и употребление подобных слов для наименования образовательных учреждений также говорит об актуальности и культурной значимости тьюторства как вида педагогической деятельности.

Таким образом, проведенное исследование дает представление о гнезде слов с вершиной *тьютор* в современном русском языке. Деривационный потенциал заимствованного слова *тьютор* весьма высок, и его основа служит базой для производства целого ряда слов с помощью аффиксации. В словообразовательное

гнездо с исходным *тьютор* входят слова со значениями лица (*тьюторша, тьюторант, тьюторантка*), признака (*тьюторский, тьюториальный, тьюторинговый*), процесса (*тьюторство, тьюторизация*), действия (*тьюторствовать, тьюторить*). Выделяются словообразовательные цепочки: *тьютор – тьюториал – тьюториальный, тьютор – тьюторант – тьюторантка, тьютор – тьюторинг – тьюторинговый, тьютор – тьюторство*. Данные слова являются наименованиями разных компонентов тьюторской деятельности: субъектов (*тьютор, тьюторант*), самой деятельности (*тьюторство*), явления (*тьюторизация*), формы деятельности (*тьюторинг*), учебного занятия (*тьюториал*), обучающего материала (*тьюториал*), мероприятия (*тьюториада*). Появление производных от слова *тьютор*, их закрепление в речи являются одним из примеров адаптации иностранной лексемы в современном русском языке. По словам Л.П. Крысина, если наблюдается активное участие иноязычного слова в словообразовании в каком-либо языке с использованием аффиксов данного языка, то это может считаться признаком его укоренения в нем [35, с. 15]. Исследованное словообразовательное гнездо является открытым для пополнения новыми лексемами. Проведенный анализ словообразовательного гнезда с вершиной-неологизмом *тьютор* позволяет показать значимость соответствующего фрагмента современной действительности и выявить особенный деривационный потенциал входящих в него единиц. Появление описанных выше дериватов от неологизмов и расширение их синтагматического потенциала обусловлены как повсеместным внедрением тьюторской деятельности на образовательном пространстве России, так и живым и чутким отношением языка к изменениям, происходящим в обществе, в частности в сфере современного образования.

Исследование новых словообразовательных гнезд представляется перспективным, так как оно позволяет определить состояние словарного состава русского языка на современном этапе его развития и в перспективе. Появление новых элементов в составе того или иного гнезда слов свидетельствует о большой роли словообразовательной деривации в неологизации русского языка.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: <https://www.ruscorpora.ru>, свободный.
- СОП – Современный образовательный процесс: основные понятия и термины / М.Ю. Олешков, В.М. Уваров М.: Компания Спутник+, 2006. 189 с.
- Ефр. – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 2: П–Я. 1084 с.
- Шаг. – *Шагалова Е.Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 765 с.
- Пример 1 – *Гусина Д.* Ведьмочка в пролёте. URL: <https://my-library.info/books/love-/ljubovno-fantasticheskie-romany/page-37-292257-vedmochka-v-prolete-si-gusina-darya.html>, свободный.
- Пример 2 – *Сабиров В.* Игра в цифры. Как аналитика позволяет видеогам жить лучше. URL: <https://knizhnik.org/vasilij-sabirov/igra-v-cifry-kak-analitika-pozvoljaet-videoigram-zhit-luchshe/2>, свободный.

- Пример 3 – Не проводи занятия, а создавай события. URL: <https://megaobuchalka.ru/16/4562.html?ysclid=lrvtvym58f890267655>, свободный.
- Пример 4 – «Неуроки»: лаборатория для самых маленьких (Вечерний Челябинск, 16.01.2017). URL: <https://vecherka.su/articles/society/125208/>, свободный.
- Пример 5 – Игра в тьютора: позвольте школьнику исследовать свои интересы. Международная школа «Алгоритм» (a-edu.ru). URL: https://vk.com/wall-168732631_1911?ysclid=lruqahfcut47543313, свободный.
- Пример 6 – Мастер-майнд для родителей о тьюторстве! URL: https://vk.com/wall-79496334_1763?ysclid=lr21zfa5y578627142, свободный.
- Пример 7 – Тьюторство близких людей. URL: <https://v-presto.ru/tyutorskaya-intonatsiya?view=article&id=111&catid=24>, свободный.
- Пример 8 – В школу придут тьюторы ГТО (Экспресс газета, 01.06.2014). URL: <https://www.eg.ru/society/42842/>, свободный.
- Пример 9 – Летняя лаборатория фигуративного театра (Проекты (rcfoundation.ru)). URL: <https://konkurs.rcfoundation.ru/public/application/item?id=5ebe19ba-a44e-4c23-98bf-6903cdd2c726&ysclid=lruqg3k8f9493023202>, свободный.
- Пример 10 – Тьюторские посиделки. Философия тьюторского мастерства: оно профессионализм или шарлатанство. URL: <https://open-school.biz/files/694.pdf?ysclid=lr2e9lwg655818077>, свободный.

Литература

1. *Сперанская А.Н.* «Слово года» и «ключевая ситуация»: о пополнении актуального лексикона // Коммуникативные исследования. 2021. № 1. С. 102–114.
2. *Гуляева Е.В., Денисенко М.В., Никитина И.С.* Употребление заимствований в современных СМИ: коммуникативные риски // Вестн. ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. 2021. № 1. С. 146–156.
3. *Маринова Е.В.* Словообразовательная деривация на базе иноязычных слов как источник новых номинаций (на материале русского языка рубежа XX–XXI вв.) // Вестн. ТГУ. 2008. № 4. С. 205–209.
4. *Суханова И.Ю.* Словообразовательные гнезда с вершиной-иноязычным словом (на материале русской лексики рубежа XX–XXI вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 18 с.
5. *Субботина М.В.* Заимствованные слова в деривационных процессах современного русского языка (на материале композитного словообразования) // Вестн. ННГУ. 2013. №3-1. С. 399–405.
6. *Леванова Т.В.* Словообразовательное гнездо с вершиной пиар в современном русском языке // Вестн. МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование» = MCU J. Philol. Theory Linguist. Linguist. Educ. 2018. № 1 (29). С. 117–127.
7. *Болтаева М.Ш.* Пути адаптации иноязычной лексики в словообразовательной системе русского языка // Мировая наука. 2020. № 2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-adaptatsii-inoazychnoy-leksiki-v-slovoobrazovatelnoy-sisteme-russkogo-yazyka>, свободный.
8. *Lackova M., Hundarenko O., Moskalenko O., Demchenko I.* Word-formation characteristics of Anglicisms in the Russian slang // Int. J. Engl. Linguist. 2019. V. 9, No 5. P. 283–300. <https://doi.org/10.5539/ijel.v9n5p283>.
9. *(Metaj) Alimemaj Z.* Web-language and word-formation processes on slang words // Lingua Mobilis. 2012. № 5 (38). P. 119–125.

10. *Azamov S.* Learning word formation processes in English // *The Sci. Heritage.* 2020. № 49-3. P. 36–39.
11. *Al-Salman S., Haider A.S.* COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English // *Russ. J. Linguist.* 2021. V. 25, No 1. P. 24–42. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42>.
12. *Madrahimova M., Boltabayeva S., Rozmetov K.* Morphology and word-formation of social network neologisms of modern English language // *Acad. Res. Educ. Sci.* 2021. V. 2, No 5. P. 560–564. <https://doi.org/10.24411/2181-1385-2021-00925>.
13. *Громенко Е.С.* «Коронный» потенциал русского языка начала 2020-х годов // *Новые слова и словари новых слов / Отв. ред. Н.В. Козловская.* СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. С. 45–63.
14. *Рацибурская Л.В.* Новые словообразовательные гнезда с «коронавирусной» лексикой // *Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева.* СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 355–377.
15. *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык конца XX столетия (1985–1995).* М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 90–141.
16. *Ossokina D., Murzalina B.* English “buzzwords” in education: Origin, features and functions // *Proc. ADVED 2019 – 5th Int. Conf. on Advances in Education and Social Sciences.* Istanbul: Ocerint, 2019. P. 208–206.
17. *Нагуманова В.А.* Неологизмы в сфере образования в период пандемии коронавируса (на примере немецкого языка) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2021. № 9. С. 2797–2801.
18. *Rokotianskaya M.M.* English borrowings in Russian language // *Международный научно-исследовательский журнал = Int. Res. J.* 2015. № 7 (38). С. 61. URL: <https://research-journal.org/archive/7-38-2015-august/english-borrowings-in-russian-language>, свободный.
19. *Katermina V.* Modern nominative processes in English academic discourse // *Proc. X Int. Conf. “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects” (WUT 2020) / Ed. by I.V. Denisova. Ser.: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences / Ed. by Z. Bekirogullari, A. Köiv, A. Belousova, J.A. Kumar.* V. 86. London: Eur. Publ., 2020. P. 613–618. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.72>.
20. *Коджастирова Г.М.* Возникновение и эволюция становления тьюторства в России // *Наука и школа.* 2019. № 1. С. 107–116.
21. *Велиева С.Г., Гасанова М.Д., Аминтаева С.А.* Проблемы тьюторского сопровождения в современном образовании // *Изв. ДГПУ. Психолого-педагогические науки.* 2016. № 3. С. 19–23.
22. *Долуев И.Ю., Большаков А.А.* Особенности профессиональной деятельности тьютора в госпитальной школе // *Педагогические исследования.* 2021. № 3. С. 58–78.
23. *Veiga Simão A.M., Flores M.A., Fernandes S., Figueira C.* Tutoring in higher education: Concepts and practices // *Sísifo. Educ. Sci. J.* 2008. No 7. P. 73–86. URL: https://www.researchgate.net/publication/26572648_Tutoring_in_higher_education_Concepts_and_practices, свободный.
24. *Малиновская Ю.Н.* Тьюторство как образовательная практика индивидуализированного общества // *Вестн. ТГПУ.* 2017. № 12 (189). С. 37–41. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-12-37-41>.
25. *Романова Е.А.* Позиция тьютора в системе современного высшего образования // *Международный научно-исследовательский журнал = Int. Res. J.* 2017. № 4 (58). Ч. 3. P. 53–55. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.138>.

26. *Sergeeva M.G., Stadulskaya N.A., Antipova L.A., Grebneva M.E., Nikolaeva M.V., Sushennikova E.* Je. Tutoring as a Form of Pedagogical Support of Students' Individual Educational trajectories // *Humanit. Soc. Sci. Rev.* 2019. V. 7, No 6. P. 271–275. <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.7648>.
27. *Sergeeva M.G., Poliakova I.V., Petrova M.G., Martynova A.S., Gao J., Yi A., Selvitella A.* Tutoring as the pedagogical technology for the development of research skills in language students // *Rev. Inclusiones.* 2020. V. 7. No S2-2. P. 249–259. URL: <https://revistainclusiones.org/index.php/inclu/article/view/363>.
28. *Ageenko N.V., Startseva N.V.* Tutor support of the project student activity // *Проблемы современного педагогического образования.* 2022. №74-3. С. 11–13.
29. *Tsilitsky V.S., Stolbova E.A., Druzhinina L.A., Lapshina L.M., Osipova L.B.* Quality increase of training of future teachers: Individualization, differentiation and tutor support // *Proc. 3rd Int. Sci. Conf. "Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism Dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich (SCTMG 2020) / Ed. by D.K.-S. Bataev. Ser.: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. / Ed. by Z. Bekirogullari, A. Köiv, A. Belousova, J.A. Kumar.* V. 92. London, Eur. Publ., 2020. P. 2554–2560. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.338>.
30. *Tregubova T., Shibankova L., Kats A.* Tutor's support of teachers' professional development: Conceptual framework and design in Russian and European universities // *Казанский педагогический журнал = Kazan Pedagogical J.* 2022. № 5 (154). С. 7–15. URL: https://kpedj.ru/upload/iblock/f9b/ma7b6ffahsorsrpxc8exk03hsnz94gcg/kpj_5_2022.pdf, свободный.
31. *Astapenko E.V.* Updating the synonyms of the term "teacher" in the vocabulary of modern English (from missionary to zoom tutor) // *Russ. Linguist. Bull.* 2021. No 1 (25). P. 38–43. <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.18>.
32. *Ковалева Т.М.* Оформление новой профессии тьютора в российском образовании // *Вопросы образования.* 2011. № 2. С. 163–179.
33. *Габдулхаков В.Ф.* Тьюторинг творческой деятельности: компоненты педагогической технологии. М.: Московский психолого-социальный ин-т (изд-во НПО «МОДЭК»); Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2013. 250 с.
34. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
35. *Крысин Л.П., Ю Хак Су.* О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов // *Филологические науки.* 1998. № 3. С. 15–21.

Поступила в редакцию 20.10.2023

Принята к публикации 20.12.2023

Залялова Регина Ренатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: zalatova.regina@mail.ru

Гатауллина Алсу Гайсовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: mullagalieva@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.7-21

**The Word Family with the Headword *Tutor*
in the Modern Russian Language**

R.R. Zalalova, A.G. Gataullina

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: zalalova.regina@mail.ru, mullagalieva@yandex.ru

Received October 20, 2023; Accepted December 20, 2023

Abstract

This article provides a detailed description of the family of lexemes derived from the headword *tutor* ('t'yutor') that are commonly used to refer to people, features, actions, processes, or phenomena in the current education landscape of Russia. Such new words have become increasingly popular, yet poorly covered in lexicographical sources on the Russian language. Here, the analysis is based on available dictionary entries, the Russian National Corpus, academic publications on educational practices, and mass media texts. The semantics and functioning of the headword *tutor* were established. Its high derivational, combinability, and syntagmatic potentials were revealed. The methods used include continuous sampling, analysis of dictionary entries, and descriptive survey. Based on the results obtained, the word-formation chains and paradigms were identified. Furthermore, the derivational meanings and the ways to create neologisms with the headword *tutor* were outlined.

Keywords: borrowing, neologisms in education, word family, the word *tutor* and its derivatives

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Speranskaya A.N. "Word of the year" and "key situation": Expanding the current vocabulary. *Kommunikativnyye Issledovaniya*, 2021, no. 1, pp. 102–114. (In Russian)
2. Gulyaeva E.V., Denisenko M.V., Nikitina I.S. Unjustified use of borrowings in modern media: Related communication risks. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2021, no. 1, pp. 146–156. (In Russian)
3. Marinova E.V. Word derivation based on foreign words as a source for naming practices (based on the Russian language between the 20th and 21st centuries). *Vestnik TGU*, 2008, no. 4, pp. 205–209. (In Russian)
4. Sukhanova I.Yu. Word families with foreign headwords (based on the Russian vocabulary between the 20th and 21st centuries). *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Moscow, 2005. 18 p. (In Russian)
5. Subbotina M.V. Borrowed words in the derivational processes of the modern Russian language (based on composite word formation). *Vestnik NNGU*, 2013, no. 3-1, pp. 399–405. (In Russian)
6. Levanova T.V. The word family with the headword *PR* in the modern Russian language. *Vestnik MGPU. Seriya "Filologiya. Teoriya Yazyka. Yazykovoe Obrazovanie" (MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education)*, 2018, no. 1 (29), pp. 117–127. (In Russian)
7. Boltaeva M.Sh. The ways of integrating foreign vocabulary into the word derivation system of the Russian language. *Mirovaya Nauka*, 2020, no. 2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-adaptatsii-inoyazychnoy-leksiki-v-slovoobrazovatelnoy-sisteme-russkogo-yazyka>. (In Russian)
8. Lackova M., Hundarenko O., Moskalenko O., Demchenko I. Word-formation characteristics of Anglicisms in the Russian slang. *International Journal of English Linguistics*, 2019, vol. 9, no. 5, pp. 283–300. <https://doi.org/10.5539/ijel.v9n5p283>.

9. (Metaj) Alimemaj Z. Web-language and word-formation processes on slang words. *Lingua Mobilis*, 2012, no. 49-3, pp. 36–39.
10. Azamov S. Learning word formation processes in English. *The Scientific Heritage*, 2020, no. 49-3, pp. 36–39.
11. Al-Salman S., Haider A.S. COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 24–42. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42>.
12. Madrahimova M., Boltabayeva S., Rozmetov K. Morphology and word-formation of social network neologisms of modern English language. *Academic Research in Educational Sciences*, 2021, vol. 2, no. 5, pp. 560–564. <https://doi.org/10.24411/2181-1385-2021-00925>.
13. Gromenko E. S. The “corona” potential of the Russian language in the early 2020s. In: Kozlovskaya N.V. (Ed.) *Novye slova i slovari novykh slov* [New Words and Dictionaries of New Words]. St. Petersburg, Inst. Lingvist. Issled. Ross. Akad. Nauk, 2020. pp. 45–63. (In Russian)
14. Ratsiburskaya L.V. New word families with “coronavirus” vocabulary. In: Priemysheva M.N. (Ed.) *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi* [Russian Language of the Coronavirus Era]. St. Petersburg, Inst. Lingvist. Issled. Ros. Akad. Nauk, 2021, pp. 355–377. (In Russian)
15. Zemskaya E.A. Active processes of modern word production. In: *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian Language at the End of the 20th Century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki Russ. Kul't., 2000, pp. 90–141. (In Russian)
16. Ossokina D., Murzalina B. English “buzzwords” in education: Origin, features and functions. *Proc. ADVED 2019 5th Int. Conf. on Advances in Education and Social Sciences*. Istanbul, Ocerint, 2019, pp. 208–206.
17. Nagumanova V.A. Neologisms in the field of education amidst the coronavirus pandemic (a case study on the German language). *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2021, no. 9, pp. 2797–2801. (In Russian)
18. Rokotianskaya M.M. English borrowings in Russian language. *Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal (International Research Journal)*, 2015, no. 7 (38), p. 61. Available at: <https://research-journal.org/archive/7-38-2015-august/english-borrowings-in-russian-language.pdf>.
19. Katermina V. Modern nominative processes in English academic discourse. *Proc. X Int. Conf. “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects” (WUT 2020)*. Denisova I.V. (Ed.). Ser.: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Bekirogullari Z., Köiv A., Belousova A., Kumar J.A. (Eds.). Vol. 86. London, Eur. Publ., 2020, pp. 613–618. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.72>.
20. Kodzhaspirova G.M. The emergence and evolution of tutoring in Russia. *Nauka i Shkola*, 2019, no. 1, pp. 107–116. (In Russian)
21. Velieva S.G., Gasanova M.D., Amintaeva S.A. Problems with providing tutor support in modern education. *Izvestiya DGPU. Psikhologo-Pedagogicheskie Nauki*, 2016, no. 3, pp. 19–23. (In Russian)
22. Doluev I.Yu., Bol'shakov A.A. Professional duties of a hospital school tutor. *Pedagogicheskie Issledovaniya*, 2021, no. 3, pp. 58–78. (In Russian)
23. Veiga Simão A.M., Flores M.A., Fernandes S., Figueira C. Tutoring in higher education: Concepts and practices. *Sisifo. Educational Sciences Journal*, 2008, no. 7, pp. 73–86. URL: https://www.researchgate.net/publication/26572648_Tutoring_in_higher_education_Concepts_and_practices.
24. Malinovskaya Yu.N. Tutoring as an educational practice of the individualized society. *Vestnik TGPU*, 2017, no. 12 (189), pp. 37–41. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-12-37-41>. (In Russian)
25. Romanova E.A. Place of a tutor in the system of modern higher education. *Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal (International Research Journal)*, 2017, no. 4 (58), pt. 3, pp. 53–55. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.138>.
26. Sergeeva M. G., Stadul'skaya N.A., Antipova L.A., Grebneva M.E., Nikolaeva M.V., Suslennikova E.Je. Tutoring as a form of pedagogical support of students' individual educational trajectories. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 2019, vol. 7, no. 6, pp. 271–275. <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.7648>.
27. Sergeeva M.G., Poliakova I.V., Petrova M.G., Martynova A.S., Gao J., Yi A., Selvitella A. Tutoring as the pedagogical technology for the development of research skills in language students. *Revista*

- Inclusiones*, 2020, vol. 7, no. S2-2, pp. 249–259. Available at: <https://revistainclusiones.org/index.php/inclu/article/view/363>.
28. Ageenko N.V., Startseva N.V. Tutor support of the project student activity. *Problemy Sovremennogo Pedagogicheskogo Obrazovaniya*, 2022, no. 74-3, pp. 11–13.
 29. Tsilitzky V.S., Stolbova E.A., Druzhinina L.A., Lapshina L.M., Osipova L.B. Quality increase of training of future teachers: Individualization, differentiation and tutor support. *Proc. 3rd Int. Sci. Conf. "Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism Dedicated to the 80th anniversary of Turkeyev Hassan Vakhitovich (SCTMG 2020)*. Bataev D.K.-S. (Ed.). Ser.: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Bekirogullari Z., Köiv A., Belousova A., Kumar J.A. (Eds.). Vol. 92. London, Eur. Publ., 2020, pp. 2554–2560. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.338>.
 30. Tregubova T., Shibankova L., Kats A. Tutor's support of teachers' professional development: Conceptual framework and design in Russian and European universities. *Kazanskii Pedagogicheskii Zhurnal (Kazan Pedagogical Journal)*, 2022, no. 5 (154), pp. 7–15. URL: https://kpedj.ru/upload/iblock/f9b/ma7b6ffahsorpaxc8exk03hsnz94gcg/kpj_5_2022.pdf.
 31. Astapenko E.V. Updating the synonyms of the term "teacher" in the vocabulary of modern English (from missionary to zoom tutor). *Russian Linguistic Bulletin*, 2021, no. 1 (25), pp. 38–43. <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.25.1.18>.
 32. Kovaleva T.M. The emergence of tutoring as a new profession in Russian education. *Voprosy Obrazovaniya*, 2011, no. 2, pp. 163–179. (In Russian)
 33. Gabdulkhakov V.F. *T'yutoring tvorcheskoi deyatel'nosti: komponenty pedagogicheskoi tekhnologii* [Tutoring of Creative Activity: Components of Pedagogical Technique]. Moscow, Mosk. Psikhol.-Sots. Inst. (Izd. NPO "MODEK"); Kazan, Kazan. (Privolzh.) Fed. Univ., 2013. 250 p. (In Russian)
 34. Valgina N.S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active Processes in the Modern Russian Language]. Moscow, Logos, 2003. 304 p. (In Russian)
 35. Krysin L.P., Yu Hak Soo. On the derivational capacity of foreign neologisms. *Filologicheskie Nauki*, 1998, no. 3, pp. 15–21. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Залалова Р.Р., Гатауллина А.Г. Словообразовательное гнездо с вершиной тьютор в современном русском языке // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 7–21. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.7-21>. ⟩

⟨ **For citation:** Zalalova R.R., Gataullina A.G. The word family with the headword *tutor* in the modern Russian Language. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 7–21. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.7-21>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.512.161

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.22-33

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Е.М. Напольнова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, 119991, Россия*

Аннотация

Во многих языках, в том числе современном турецком, отмечается использование лексем с пространственным значением для выражения временных отношений. Однако в турецком языке употребление падежных форм существительных для указания на пространственное положение и перемещение объектов, с одной стороны, и локализацию действий во времени – с другой, обнаруживает существенные отличия, которые носят системный характер и указывают на разницу в восприятии пространственных и временных явлений, а также на историческую смену моделей восприятия времени в картине мира носителей турецкого языка. Этот факт опровергает существующее мнение о первичности пространственных отношений по отношению к временным при восприятии окружающего мира у народов с исконной кочевой культурой, однако требует рассмотрения на материале других тюркских языков. Сделан вывод о том, что для анализа способов выражения такого рода отношений обязательно привлечение фактов разных языковых уровней.

Ключевые слова: турецкий язык, способы выражения временных отношений, использование падежных форм, пространственные падежи

В философии пространство и время признаются основными формами существования материи: «В своем единстве пространство и время составляют объективную универсальную структуру материального мира, лежащую в основе системной организации и закономерного порядка бесконечного многообразия бытия» [1, с. 93]. Формирование философских представлений о сущности пространства и времени заняло много веков, между тем на всем протяжении истории люди были вынуждены тем или иным образом интерпретировать наблюдаемые пространственные и темпоральные явления и находить способы их языкового выражения, безусловно необходимые для адекватной коммуникации. Как известно, на специфику национального восприятия пространственных и временных отношений первым обратил внимание Б. Уорф, исследовавший язык хопи.

С прагматической точки зрения пространственные и временные отношения слишком существенно отличаются друг от друга, чтобы это не нашло отражения в языковых категориях локативности и темпоральности. Пространственное положение и перемещение объектов в основном конкретны и легко наблюдаются визуально. Для указания на положение в пространстве и направление перемещения могут использоваться разнообразные единицы измерения, в том числе при-

митивные антропоцентрические (например, локоть, шаг), и ориентиры разного типа (антропоцентрические, эгоцентрические, неантропоцентрические и неэгоцентрические), главным образом статичные. Пространственное перемещение обратимо, возможно возвращение к исходной точке. Временные отношения не могут наблюдаться визуально, они необратимы, для языкового указания на них существует абсолютная точка отсчета – некий «настоящий момент», который (в соответствии с современными представлениями), как бы непрерывно смещаясь в одном направлении, представляет собой виртуальную границу между прошлым и будущим. Все остальные точки отсчета, которые могут использоваться для языкового указания на временные отношения, вторичны, то есть их отнесенность к плану прошлого или же к плану будущего по отношению к настоящему моменту всегда определена. Маловероятной представляется возможность существования каких-либо антропоцентрических единиц измерения времени.

Современное линейное восприятие темпоральных отношений основано на общепринятой календарной системе летоисчисления и данных довольно сложных измерительных приборов, но изначально наглядным проявлением временных изменений являлись только циклические природные явления и смена поколений. На ранних этапах развития в основе восприятия временных отношений лежали наивные представления человека о течении времени, специфичные для разных культур и для разных уровней их развития. «Первой моделью времени при мифологическом миропонимании была архаическая колебательная модель, сменившаяся циклической моделью, при которой признавалось, что время всегда течет по определенному замкнутому кругу. Циклическая модель времени постепенно преобразуется в модель “спирального времени”, по мере того как между концентрическими временными циклами (кругами) стали устанавливаться определенные взаимосвязи. Раскручивание “спирали времени” в линейную конструкцию, при которой только и может появиться идея истории, происходит уже при других, более поздних формах общественного сознания» [2, с. 63]. Современные и древние модели (или стратегии) времени тесно связаны с особенностями окружающей среды, в которой проживало культурно-языковое общество, со способами его хозяйственной деятельности, а также с его мифологическими воззрениями [3, с. 21; 4, с. 28; 5, с. 75; 6, с. 33–34, 38]. Что касается конкретно тюркских языков, то, по мнению С.Г. Кляшторного, в древнетюркских памятниках обнаруживаются свидетельства наличия у древних тюрков циклической, личностной и линейной систем исчисления времени [7]. Анализ семантики современных турецких лексем с темпоральным значением позволяет выделить четыре различных модели времени [8, с. 250–251].

В лингвистике утвердилось мнение о том, что в основе способов выражения временных отношений чаще всего лежат способы выражения пространственных отношений: «Временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе» [9, с. 538]; «Пространственное понимание времени нашло свое выражение в древних пластах многих языков, и большинство временных понятий первоначально были пространственными» [10, с. 89]. Подобные выводы основаны прежде всего на анализе семантики многочисленных лексем, объединяющих в себе пространственное и темпоральное значения ([11–13] и др.). По мнению Г.Д. Гачева, у кочевых народов пространственные представления в целом превалировали над временными [14].

Что касается грамматики, то исследования темпоральности фокусируются практически исключительно на системах глагольных временных форм. В них, безусловно, также должны были отразиться национальные представления о течении времени, однако хорошо заметные последовательные исторические изменения на данном языковом уровне показывают, что в настоящее время таковые уже слабо прослеживаются, по крайней мере в достаточно детально изученных языках.

В исследованиях, касающихся особенностей языкового выражения временных отношений в сравнении с пространственными, остаются практически не рассмотренными падежные и падежно-предложные/послеложные формы, между тем использование последних непосредственно вытекает из самой функции падежей, заключающейся в выражении отношений между предметами или действием и предметами, а предлоги и послелогичны предназначены для уточнения этих отношений. На практическом уровне грамматическим способам выражения пространственных и временных отношений большое внимание уделяется в процессе преподавания иностранных языков, однако нам не удалось обнаружить теоретических работ, в которых исследовались бы причины использования того или иного способа. В отношении русского языка (например, предложный падеж *в городе, в апреле*, но винительный падеж *в понедельник*; невозможность использования сочетания *в утро* в функции обстоятельства времени в противоположность словосочетанию *в то утро* и др.) можно предположить, что причиной отсутствия соответствующих исследований является десемантизованность падежных форм в сочетании с предлогами. Тем не менее подобное направление исследований может представлять значительный интерес, во-первых, с точки зрения исторического развития временных представлений в рамках изучения языковых картин мира, поскольку сфера грамматики демонстрирует гораздо большую стабильность, чем лексика, и во-вторых – с точки зрения современного коммуникативно-прагматического направления лингвистических исследований, сфокусированного на том, каким образом язык выполняет свои функции.

В современном турецком языке на уровне лексической семантики присутствует большое количество примеров сочетания в лексеме пространственной и временной семантики: *uzun* ‘длинный, долгий’; *kısa* ‘короткий, краткий’; *uzu-* ‘стать дольше, длиннее’; *kısal-* ‘стать короче; стать более кратким’; *üç saatlik yol* (три часовой дорога) ‘трехчасовой путь’; *sür-* ‘тащить, тянуть’, ‘длиться’; *uçag-a yetiş-* (самолет-DAT достать) ‘успеть на самолет’; *üst raf-a yetiş-* (верхний полка достать) ‘достать до верхней полки’; *yol boyunca* (дорога вдоль) ‘вдоль дороги’; *bütün ay boyunca* (целый месяц вдоль) ‘весь месяц, в течение всего месяца’; *aralık* ‘пространство, промежуток’, ‘декабрь’; *ara-sıra* (промежуток-ряд) ‘иногда’; *sıra* ‘ряд’, ‘школьная парта’, ‘очередь, последовательность’; *ders sıra-sı-nda* (урок ряд-POSS3SG-LOC) ‘во время урока’ и др. С учетом того, что количество подобных слов довольно велико, представляется, что только часть из них исконно сочетала в себе пространственные и временные значения, как *uzun* и *kısa*, а другая часть приобрела темпоральную семантику не в ходе естественных языковых процессов, а в результате искусственного создания неологизмов. Этот процесс, именуемый языковой реформой, или языковой революцией (*dil devrimi*), был запущен в 1932 г. и первоначально направлен на замену

арабо-персидских заимствований на тюркские слова или слова, образованные от тюркских корней, а к настоящему времени приобрел практически неконтролируемый характер, когда в ходе «словотворчества» зачастую нарушается семантика исходных слов и морфем. Например, по данным (ЭСТЯ, с. 391–395), глагол *sür-* ‘тянуть, тащить’ ни в одном из тюркских языков, кроме турецкого, не имеет временного значения. Значение этого глагола в турецком языке ‘продолжаться, длиться’, вероятнее всего, восходит к выражению *uzun sür-* ‘долго продолжаться, тянуться, длиться’, в котором первоначально подчеркивалось медленное течение процесса за счет первичного значения глагола *sür-*. В результате от того же корня были образованы существительные *süre* ‘срок’, *süreç* ‘процесс’. От глагола с пространственным значением *dön-* ‘поворачивать(ся), вращаться, возвращаться’ искусственно образовано существительное *dönem* ‘период’, ‘семестр’ и др. Подобные примеры показывают, что соединение в слове пространственной и временной семантики может не уходить корнями в древние пласты языка и в таких случаях не должно приводиться в качестве доказательства первичности пространственных представлений.

Для указания на пространственное положение и направление перемещения объекта в современном турецком языке используются показатели трех пространственных падежей – локатива, датива и аблатива (в исходном и транзитивном значениях). Падежные показатели присоединяются или непосредственно к наименованию ориентира (*oda-ya* (комната-DAT) ‘в комнату’), и при этом дополнительно возможно использование послелога (*oda-ya doğru* (комната-DAT по направлению.к) ‘по направлению к комнате’), или к послелогу-имени, образующему изафетное сочетание с наименованием ориентира и оформленному показателем принадлежности 3 л. (*oda-nın iç-i-ne* (шкаф-GEN нутро-POSS3SG-DAT) ‘внутри комнаты’). Наряду с современными падежными показателями, которые выполняют синтаксические функции, в лексемах с пространственным значением обнаруживаются некоторые древние показатели, например, древний показатель направительности *-ra* (*yukarı* ‘верх-’, *geri* ‘зад-’ и др.) [15, с. 83]. В современном турецком языке он утратил активность, что обусловило возможность присоединения современных падежных показателей (например, *yukarı-dan* (верх-ABL) ‘сверху’), однако значения форм слова с современным показателем датива и без него совпадают (например, *yukarı çık-* (верх подниматься) = *yukarı-ya çık-* (верх-DAT подниматься) ‘подниматься вверх’), то есть значение направленности все еще слабо прослеживается в основе слова. Показатель древнего продольно-направительного падежа *-ça/-çä* [15, с. 83] используется с наименованиями различных единиц измерения в форме множественного числа (например, *kilometre-ler-ce* (километр-PL-*PROS) ‘на протяжении километров’), а также в составе лексемы *boy-u-nca* (длина/рост-POSS3SG-*PROS) ‘вдоль, на протяжении’.

Важным отличием способа выражения временных отношений от пространственных является использование основного падежа ряда существительных, обозначающих временной отрезок, к которому приурочено действие. К таким единицам относятся:

○ существительное *gün* ‘день, светлая часть суток’ в составе различных словосочетаний: *bir gün* (один день) ‘однажды’, *önceki gün* (предшествующий день) ‘позавчера’, *pazar gün-ü* (воскресенье день-POSS3SG) ‘(в) воскресенье’; *bahar gün-ü* (весна день-POSS3SG) ‘весной, в весенний день’ и др.;

○ существительные, именующие другие части суток: *sabah* ‘утро, утром, по утрам’, *sabah-lar-ı* (утро-PL-POSS3SG) ‘утром, по утрам’ (от араб. *ṣabāḥ*) и др.;

○ существительные, именующие циклические временные интервалы: *hafta* ‘неделя’ (от перс. *hefte*) (*önceki hafta* (передний неделя) ‘предыдущая неделя, на предыдущей неделе’), *ay* ‘месяц’ (*gelecek ay* (следующий месяц) ‘следующий месяц, в следующем месяце’), *yıl* = *sene* ‘год’ (от араб. *sene*) (*gelecek yıl/sene* (будущий год) ‘будущий год, в будущем году’, *bütün yıl* ‘целый год, весь год’).

В отношении лексем названных групп, а также наречий *dün* ‘вчера’ и *yarın* ‘завтра’ следует указать, что в случае образования от них прилагательного с помощью адъективизатора *-ki* он присоединяется непосредственно к корню слова (*dün-kü* (вчера-ADJ) ‘вчерашний’, *sabah-ki* (утро-ADJ) ‘утренний’, *geçen yıl-ki* (прошедший год-ADJ) ‘прошлогодний’), а не следует за показателем локатива, как при обозначении пространственных отношений (*okul-da-ki* (школа-LOC-ADJ) ‘находящийся в школе’).

Для отнесения события к сезону наряду с основным падежом древних тюркских лексем используются наречия, в составе которых присутствует показатель древнего орудийного падежа (C1, с. 95): *kış-ın* (зима-*INS) ‘зимой’, *güz-in* (осень-*INS) ‘осенью’.

Для указания на временную соотнесенность действий употребляются также формы трех пространственных падежей – локатива, датива и аблатива. Показатели двух последних используются для указания на момент начала и окончания действия парно, чаще в сочетании с послелогом, уточняющими значения падежей: *sabah-tan akşam-a kadar* (утро-ABL вечер-DAT до) ‘с утра до вечера’.

Для изолированного указания только на момент начала действия вместе с аблативом обычно используются послелог *beri* ‘с (тех пор)’ (*gün-ler-den beri* (день-PL-ABL с.тех.пор) ‘вот уже несколько дней’), *itibaren*, *başlayarak* ‘начиная с’ (*salı-dan itibaren/başlayarak* (вторник-ABL начиная.с) ‘со вторника’). Для указания только на момент окончания действия может использоваться датив в сочетании с послелогом *kadar* ‘до’, *dek* ‘вплоть до’ (*sabah-a kadar* (утро-DAT до) ‘до утра’). Изолированное использование отдельных лексем, обозначающих циклические процессы (части суток, сезоны), с показателем датива получило дополнительные семантические компоненты «ближайший» и «законченность действия»: *sabah-a* (утро-DAT) ‘до завтрашнего утра’, *akşam-a* (вечер-DAT) ‘сегодня до вечера’ (оба признаются лексикализовавшимися наречиями в ТЛО), *yaz-a* (утро-DAT) ‘до будущего лета’; *Bu proje sabah-a hazır ol-acak*¹ (это проект утро-DAT готовый быть-FUT) ‘Этот проект должен быть готов к утру’².

Локатив используется:

○ в большом количестве конструкций, указывающих на суточное время, дату, момент, когда совершается действие: *20. yüzyıl-da/asır-da* (20-й век-LOC) ‘в XIX веке’ (от араб. ‘*aşr*’); *1960’-ta* (1960-LOC) ‘в 1960 г.’, *2000 yıl-ı-nda* (2000 год-POSS3SG-LOC) ‘в 2000 г.’; *6 Ağustos’ta* (5 август-LOC) ‘пятого августа’, *Ocak-ta* (январь-LOC) ‘в январе’, *Şubat ay-ı-nda* (февраль месяц-POSS3SG-LOC) ‘в феврале’; *saat 3’-te* (час 3-LOC) ‘в 3 часа’, *7.10’-de* (7.10-LOC) ‘в 7.10’, *altı buçuk-ta* (6 половина-LOC) ‘в половине седьмого’, *her saat baş-ı-nda* (каждый час голо-

¹ Примеры предложений взяты из личного архива автора.

² Здесь и далее перевод предложений наш. – Е. Н.

ва-POSS3SG-LOC) ‘в начале каждого часа, каждый час’, *hafta baş-ı-nda* (неделя голова-POSS3SG-LOC) ‘в начале недели’, *yıl baş-ı-nda* (год голова-POSS3SG-LOC) ‘в начале года’; *gece yarısı-nda* (ночь половина-POSS3SG-LOC) ‘в полночь’ и др.;

○ с заимствованными названиями сезонов: *ilkbahar-da* (весна-LOC) ‘весной’, *sonbahar-da* (осень-LOC) ‘осенью’ (от перс. *bahār*);

○ в словах, относящих действие к прошлому, настоящему или будущему без указания точного периода или даты: *geç-en-ler-de* (проходить-PC-PL-LOC) ‘на днях (о прошлом)’, *geç-miş-te* (проходить-PRF-LOC) ‘в прошлом’, *bu gün-ler-de* (этот день-PL-LOC) ‘в эти дни, в настоящее время’, *eski zaman-lar-da* (старый время-PL-LOC) ‘в старые времена, в прежние времена’, *gelecek-te* (будущее-LOC) ‘в будущем’;

○ с наименованиями временных событий и явлений с определенной локализацией: *şafak-ta* (рассвет-LOC) ‘на рассвете’, *gün batım-ı-nda* (день тонуть-POSS3SG-LOC) ‘на закате’, *yemek-te* (еда-LOC) ‘за обедом’ и др.;

○ для указания на интервал совершения действия: (*bir*) *gün-de* ((один) день-LOC) ‘за (один) день, за (одни) сутки’, *iki saat-te* (два час-LOC) ‘за два часа, через два часа’, *bir saat iç-i-nde = içeri-si-nde* (один час нутро-POSS3SG-LOC) ‘за час, через час’ и др.;

○ для указания на частоту или кратность: *üç saat-te bir* (три час-LOC один) ‘раз в три часа’, ‘каждые три часа’, *hafta-da bir* (неделя-LOC один) ‘раз в неделю’, *ay-da bir kere/defa* (месяц-LOC один раз) ‘один раз в месяц’ и др.; отдельные существительные с временным значением могут использоваться в форме как основного падежа, так и локатива, при этом в некоторых случаях возможно частичное изменение значения: *zaman* ‘время’ (*o zaman* (тогда) ‘в то время, тогда’, *tam zaman-da* (точный время-LOC) ‘точно вовремя’, *an* ‘момент’ (*şu an(-da)* (этот момент (-LOC) ‘в настоящий момент’), *vakit* ‘время, пора’ (*kış vakt-i* (зима время-POSS3SG) ‘зимой, зимой порой’, *şafak vakt-i* (рассвет время-POSS3SG) ‘рассвет, на рассвете’, *vakt-i-nde* (время-POSS3SG-LOC) ‘вовремя’);

○ при указании возраста с использованием существительного *yaş* ‘год жизни’: *5 yaş-ı-nda* (5 год-POSS3SG-LOC) ‘5 лет, в пять лет’;

○ в лексемах с первичным пространственным значением *ileride* и *geride*, включающих в себя древний показатель направленности и тесно связанных с представлением о пространственном перемещении: соответствия слова *ileri-de* (перед-LOC) в отдельных тюркских языках имеют временное значение (не везде полностью совпадающее с семантикой указанной единицы в турецком языке) (C2, с. 347), турецкая же лексема обозначает местоположение в направлении пространственного перемещения ‘вперед’ и момент ‘в будущем’: *ileri-de-ki meslek-ler* (перед-LOC-ADJ профессия-PL) ‘профессии будущего’, *ileri-de yap-ıl-acak icat-lar* (перед-LOC делать-PASS-FUT изобретение-PL) ‘будущие изобретения’; в противоположность этому в (C1, с. 27–28) отмечается, что для антонимичной лексемы *geri-de* (позади-LOC) ‘позади’, ‘раньше, в прошлом’ в целом более характерно пространственное значение, однако в турецком языке присутствует также и временное: *2 yıl-ı geri-de bırak-tı-k* (2 год-ACC позади-LOC оставлять-PST-1SG) ‘Оставили позади два года’; *Kriz-de en kötü gün-ler geri-de kal-ıyor* (кризис-LOC самый плохой день-PL позади-LOC оставаться-PRS) ‘Самые тяжелые дни кризиса остались в прошлом’, что может быть обусловлено отмеченной выше современной тенденцией к описанию временных отношений через пространственные.

В основе подобных выражений лежит представление об однонаправленном течении времени, и абсолютной точкой отсчета, как и для других временных понятий, для *geri-* и *ileri-* является настоящий момент, причем иную точку отсчета в этом случае указать невозможно. При обозначении пространственного положения необходимо указание ориентира, каковым может являться положение говорящего или актора (*İleri-de kaya-lar parlı-yor-du* (впереди-LOC скала-PL блестять-PRS-PST) 'Впереди блестяли скалы'), а для указания на другой ориентир и удаленность используется изафетная конструкция: *tarla-nın 150 mt ileri-si-nde / geri-si-nde* (поле-GEN 150 м впереди-POSS3SG-LOC / позади-POSS3SG-LOC) 'в 150 метрах перед / за полем'. Таким образом, отмеченное выше различие в характере ориентира для пространственных и временных отношений находит отражение в способе выражения временного и пространственного значений.

Древний показатель продольно-направительного падежа *-ça/-çâ* довольно активно используется в турецком языке наряду с названными выше конструкциями с основным падежом (*bütün gün* 'весь день, целый день' и др.) для указания на продолжение действия в течение всего соответствующего временного периода в составе лексем *boy-u-ncâ* (длина-POSS3SG-*PROS) 'вдоль' / 'на протяжении', *süre-ce* (срок-*PROS) 'на протяжении', а также с названиями единиц измерения времени в форме множественного числа: *üç saat boy-u-ncâ* (три час протяженность-POSS3SG-*PROS) 'на протяжении трех часов', *Almanya'da kal-dığ-ımız süre-ce* (Германия-LOC оставаться-SAF-POSS1PL срок-*PROS) 'на протяжении нашего пребывания в Германии', *gün-ler-ce* (день-PL-*PROS) 'на протяжении нескольких дней'.

Древние падежные показатели присутствуют также в составе лексем *önce* 'до, перед, сначала' (от *Өң* 'перед, передняя часть' (C2, с. 532–534)) и *sonra* 'после, потом' (от *Соң* 'конец' (ЭСТЯ, с. 330–331)), используемых в функции наречия и послелога в сочетании с именем в форме аблатива. В *önce* показатель продольности как бы указывает на «пройденность» расстояния, расположенного «перед» соответствующим моментом, а древний показатель направленности в *sonra* указывает на виртуальное направление движения времени. Для обеих лексем в словаре ТЛЮ отмечается временное и пространственное значения. Там же для *sonra* в пространственном значении приводится следующий пример: *Bahçeden sonra geri-ye dön-erek biraz da sokak-lar-da dolaş-tı-k* (R.N. Güntekin (C2)) (сад-ABL потом назад-DAT поворачивать-CV немного тоже улица-PL-LOC бродить-PST-1PL) букв. 'После сада, повернув назад, мы еще немного побродили по улицам', однако опрос носителей турецкого языка³ показал, что они воспринимают приведенное высказывание не в пространственном значении «Пройдя сад, мы повернули назад и немного побродили по улицам», а только во временном: «Погуляв в саду, мы вернулись назад и немного побродили по улицам». Нам не удалось обнаружить примеров, в которых *önce* и *sonra* имели бы чисто локативное значение, свободное от временного, что определяется представлением о времени как о продвижении от прошлого к будущему.

В производном слове *önce-den* (сначала-ABL) 'сначала, заранее' древний показатель продольно-направительного падежа дополняется современным показателем аблатива с частичным изменением общего значения.

³ Материалы личной беседы автора с носителями турецкого языка.

Изложенные выше языковые факты показывают следующее.

1. В отличие от пространственных отношений для выражения временных используются существительные в форме основного падежа. Аналогично при образовании прилагательных с временным значением, в отличие от пространственного, адъективизатор *-ki* присоединяется непосредственно к корню слов, обозначающих циклически повторяющиеся природные явления, в основном древних тюркских.

2. Использование основного падежа для выражения временного значения возможно только с лексемами (в основном древними тюркскими), обозначающими циклические природные явления (части суток, сезоны), за исключением *sabah* 'утро' и *hafta* 'неделя', которые могли попасть в эту группу по аналогии. Это является отражением древней циклической модели времени и может быть результатом различий в восприятии пространственных и временных явлений.

3. Использование локатива во временном значении связано с выражением современных – линейных – временных представлений (точное время, календарные даты, направление течения времени из прошлого в будущее), а также выражает дополнительные значения интервала, завершенности, частоты, кратности. В линейной модели времени пространственные и временные представления сближаются.

4. В отличие от способов выражения пространственных отношений при использовании лексем в форме аблатива и датива для уточнения того, что речь идет о временных отношениях, обычно дополнительно используются послелого. Аблатив, при обозначении пространственного перемещения имеющий транзитивное значение (*sokak-tan geç-* (улица-ABL проходить/проезжать) 'проходить/проезжать по улице'), не обладает им при выражении временных отношений. Темпоральную семантику выражает древний показатель продолжности в *önce* 'сначала', *günlerce* 'целыми днями' и др. Все вышеизложенное также указывает на различия между временными и пространственными представлениями.

5. Лексемы *ileri* и *geri* сочетают в себе пространственное и временное значения и отражают представление о «продвижении вперед во времени» по аналогии с пространственным перемещением и «оставлении позади» прошедших действий. При этом синтаксические способы выражения пространственных и временных отношений с использованием этих лексем различаются.

6. Лексемы *önce* и *sonra* образованы от основ с пространственным значением, однако в них превалирует темпоральная семантика.

7. Наличие в тюркских языках, начиная с древнетюркского периода, специальной лексемы *yaş* 'год жизни' говорит о наличии у древних тюрков личностной системы исчисления времени, о чем писал С.Г. Кляшторный. Использование *yaş* с показателем локатива показывает отличие личностной системы от циклической и сближает ее с линейной системой.

Таким образом, в семантике многих турецких лексем пространственные значения сочетаются с временными, как это имеет место в различных языках. В противоположность этому в турецком языке особенности использования падежных форм (как современных, так и древних) и послелогов указывают на различия между оязыковленными представлениями о пространственных и временных отношениях, а также демонстрируют историческое изменение моделей (стратегий) времени. Таким образом, мнение Г.Д. Гачева относительно превалирования

пространственных представлений над темпоральными у кочевых народов, видимо, распространяется только на сферу лексической семантики, однако наше предположение требует исследования материала других тюркских языков.

Изучение способов выражения пространственных и временных отношений в различных языках, как правило, основывается на анализе лексического материала. Значительное количество рассмотренных выше языковых фактов и их системный характер показывают, что к исследованиям такого рода должны привлекаться явления разных языковых уровней. При этом выводы, сделанные для других языковых групп, не следует автоматически распространять на тюркские языки, во многих отношениях демонстрирующие свою специфику. Исторические изменения в соотношении пространственных и временных представлений в сознании носителей тюркских языков должны быть системно исследованы в масштабах всей группы.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Глоссы

- ABL – отложительный падеж (аблатив)
- ADJ – показатель имени прилагательного (адъективизатор)
- DAT – дательный падеж (датив)
- FUT – будущее время
- GEN – родительный падеж (генитив)
- İNS – орудийный падеж (инструменталис)
- LOC – местный падеж (локатив)
- PC – причастие
- PL – множественное число
- PRF – перфект (прошедшее заглазное время)
- *PROS – древний продольный падеж (просекутив)
- PRS – настоящее время
- PST – прошедшее время
- SG – единственное число
- 1 – первое лицо
- 3 – третье лицо

Источники

- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003. 446 с.
- C1 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980. 395 с.
- ТЛО – Материалы официального сайта Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu). URL: <https://www.tdk.gov.tr>, свободный.
- C2 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.

Литература

1. *Кучевский В.Б.* Философское учение о бытии и субстанции. М.: Моск. коммер. ун-т, 1993. 128 с.
2. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.; отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 212 с.
3. *Степанов Ю.С.* Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // *Вопр. языкознания*. 1989. № 5. С. 5–31.
4. *Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука, 1983. 207 с.
5. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 203 с.
6. *Тань Аошуан.* Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 231 с.
7. *Кляшторный С.Г.* Представление о времени и пространстве в древнетюркских памятниках // *История Центральной Азии и памятники рунического письма*. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2003. С. 236–242.
8. *Напольнова Е.М.* Пространственные и временные отношения в лексической семантике современного турецкого языка: в 2-х т.: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. Т. 1. 283 с.
9. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
10. *Гуревич А.Я.* Время как проблема истории культуры // *Вопр. философии*. 1969. № 3. С. 74–97.
11. *Арутюнова Н.Д.* Время: модели и метафоры // *Логический анализ языка: Язык и время* / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 51–61.
12. *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Рус. яз., 1982. 262 с.
13. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.
14. *Гачев Г.Д.* О национальных картинах мира // *Народы Азии и Африки*. 1967. № 1. С. 77–92.
15. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология*. М.: Наука, 1988. 557 с.

Поступила в редакцию 14.10.2023

Принята к публикации 14.12.2023

Напольнова Елена Марковна, доктор филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: elenapolnova142@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.22-33

**Using Case Forms for Expressing Temporal Relations
in Modern Turkish Language***E.M. Napolnova**Moscow State University, Moscow, 119991 Russia*E-mail: *elenapolnova142@mail.ru*

Received October 14, 2023; Accepted December 14, 2023

Abstract

Many languages, including modern Turkish, employ lexemes with spatial meaning to express temporal relations. However, the Turkish language stands out for its use of case forms of nouns both to describe the spatial position and movement of objects and to establish the temporal reference of actions and events. These differences are systemic, suggest that native Turkish speakers perceive spatial and temporal phenomena in a unique way, and determine the historical change in their models of time perception. They challenge the belief that spatial relations prevail over temporal ones in the perception of the surrounding world by peoples with nomadic roots but highlight the necessity of considering materials from other Turkic languages. The results obtained show that facts from different linguistic levels should be involved to analyze how temporal relations are conveyed.

Keywords: Turkish language, ways of expressing temporal relations, use of case forms, spatial cases

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Kucheuskii V.B. *Filosofskoe uchenie o bytii i substantsii* [The Philosophical Doctrine of Being and Substance]. Moscow, Mosk. Kommer. Univ., 1993. 128 p. (In Russian)
2. Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Postovalova V.I., et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Role of Human Factor in Language: Language and Worldview]. Serebrennikov B.A. (Ed.). Moscow, Nauka, 1988. 212 p. (In Russian)
3. Stepanov Yu.S. Counting, number names, and alphabetic numbers in Indo-European languages. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 1989, no. 5, pp. 5–31. (In Russian)
4. Klochkov I.S. *Duhovnaya kul'tura Vavilonii: chelovek, sud'ba, vremya* [Spiritual Culture of Babylon: Human, Fate, and Time.], Moscow, Nauka, 1983, 207 p. (In Russian)
5. Tsiv'yan T.V. *Lingvisticheskie osnovy balkanskoi modeli mira* [Linguistic Foundations of the Balkan Model of the World]. Moscow, Nauka, 1990. 203 p. (In Russian)
6. Tan Aoshuang. *Kitaiskaya kartina mira: yazyk, kul'tura, mental'nost'* [Chinese Worldview: Language, Culture, Mentality], Moscow, Yazyki Slavyan. Kul't., 2004. 231 p. (In Russian)
7. Klyashtornyi S.G. The idea of time and space in ancient Turkic inscriptions. In: *Istoriya Tsentral'noi Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma* [History of Central Asia and Runic Monuments]. St. Petersburg, Filol. Fak. SPbGU, 2003, pp. 236–242. (In Russian)
8. Napolnova E.M. Spatial and temporal relations in the lexical semantics of modern Turkish language. Vol. 1. *Doct. Philol. Diss.* Moscow, 2021. 283 p. (In Russian)
9. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language. Grammatical Doctrine of Words]. Moscow, Vyssh. Shk., 1986. 639 p. (In Russian)

10. Gurevich A.Ya. Time as a problem in cultural history. *Voprosy Filosofii*, 1969, no. 3, pp. 74–97. (In Russian)
11. Arutyunova N.D. Time: Models and metaphors. In: *Logicheskii analiz yazyka: Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language: Language and Time]. Arutyunova N.D., Yanko T.E. (Eds.). Moscow, Indrik, 1997, pp. 51–61. (In Russian)
12. Vsevolodova M.V., Vladimirskii E.Yu. *Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnoshenii v sovremennom russkom yazyke* [Ways of Expressing Spatial Relationships in Modern Russian Language]. Moscow, Russ. Yazyk, 1982. 262 p. (In Russian)
13. Yakovleva E.S. *Fragments russkoi yazykovoï kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian Linguistic Worldview (Models of Space, Time, and Perception)]. Moscow, Gnozis, 1994. 343 p. (In Russian)
14. Gachev G.D. About national worldviews. *Narody Azii i Afriki*, 1967, no. 1, pp. 77–92. (In Russian)
15. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages. Morphology]. Moscow, Nauka, 1988. 557 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Напольнова Е.М. Использование падежных форм для выражения временных представлений в современном турецком языке // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 22–33. [https://doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.22-33](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.22-33). ⟩

⟨ **For citation:** Napolnova E.M. Using case forms for expressing temporal relations in modern Turkish language. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 22–33. [https://doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.22-33](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.22-33). (In Russian) ⟩

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1.37

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.34-46

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА «ЗРЕНИЕ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

О.А. Усачева, А.С. Осипова

*Самарский национальный исследовательский университет им. академика
С.П. Королёва, г. Самара, 443086, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрены особенности структурирования образа «зрение» в русской языковой картине мира. Выявлен состав ключевых смыслов, организующих структуру данного образа. В качестве способа организации знания о зрении выбрана пропозиция – логическое представление компонентов ситуации зрительного восприятия. Установлено, что регулярно образуют переносные значения наименования следующих компонентов ситуации: субъекта восприятия; процесса восприятия; признаков субъекта, характеризующих качество восприятия; инструментов. Выявлен состав доминантных смыслов, объединяющих различные элементы пропозиции и семантически структурирующих образ: «способность видеть», «качество зрения», «свет», «опосредованность», «аккомодация». Обозначены основные денотативные области, на которые распространяются знания о зрении: сферы человека, артефактов (преимущественно технических устройств, осуществляющих запись изображения, и искусственных источников света), природы (прежде всего естественных источников света). Сделан вывод о том, что в основе образования большинства метафор, моделирующих сферу человека, лежат представления о тесной связи зрительного восприятия и ментальной деятельности. По такой же логике создаются антропоморфные метафоры, характеризующие технику. Метафорическое осмысление искусственных и естественных источников света определяется взаимосвязью в сознании носителей языка зрения и света.

Ключевые слова: метафора, образ, зрительное восприятие, доминантные смыслы, семантическая структура, пропозиция, русский язык

Введение

В круг задач когнитивной лингвистики входит изучение структурирования информации в сознании носителей языка. Исследователей интересуют вопросы отражения в языке результатов осмысления человеком той или иной реалии, включая экстраполяцию имеющихся о ней знаний на реалии другой категориальной сферы. В частности, в центре внимания ученых оказывается метафора, которая рассматривается как «ментальная операция, объединяющая две понятийные сферы и создающая возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [1, с. 37]. Изучение когни-

тивных механизмов образования метафор нашло отражение в работах многих российских и зарубежных ученых [1–7].

Цель настоящего исследования – выявить и проанализировать структуру метафорического образа «зрение» в русской языковой картине мира.

Вслед за Н.А. Илюхиной под метафорическим образом мы понимаем «когнитивную структуру, отражающую внеязыковую реалию» [3, с. 6]. Понятие образа соотносится с понятием концепта: это концепт, воспроизводимый в функции метафоры. «В проекции на язык концепт эксплицируется ассоциативно-семантическим полем, которое предстает как лексическое множество, объединяющее средства номинации реалии во всем многообразии ее свойств и типовых связей» [3, с. 24].

В статье используется разработанный Н.А. Илюхиной подход к анализу метафорического образа, предполагающий, в частности, выявление наиболее коммуникативно значимых – доминантных – смыслов, имеющих в структуре метафорического образа системообразующий статус [8, с. 68].

При исследовании применялась методика компонентного и контекстуального анализа.

Предметом исследования является структура метафорического образа «зрение» в русском языке.

Лексика зрительного восприятия на протяжении многих лет вызывает неослабевающий интерес лингвистов. Как правило, ученых привлекает семантика глаголов *видеть*, *смотреть*, в частности метафорический перенос «зрительное восприятие – ментальная деятельность». Особенности образования данной метафоры изучаются в работах Н.Д. Арутюновой, Л.В. Балашовой, С.Г. Букаренко, Е.В. Медведевой, А.А. Зализняк, Н.А. Илюхиной [9–13] и др. Исследованию этимологии и семантического развития корней с общим значением зрительного восприятия посвящена диссертация О.М. Романовой [14]. В ряде работ рассматриваются особенности функционирования тех или иных «зрительных» метафор в определенных дискурсах. Так, изучаются метафорические значения глаголов зрительного восприятия в поэтических идиостилиях Ф.И. Тютчева, Б.Л. Пастернака, Н.И. Глазкова [15–17]; образы деформированного зрения и оптических приборов в метропольной литературе [18], прозе В.В. Набокова [19], политическом медиадискурсе [20]; «зрительная» метафора обмана в диалектах [21] и др.

Анализ показал, что проведенные ранее исследования метафор, реализующих образ «зрение», базировались на ограниченном языковом материале. Новизна нашей работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка осуществить комплексное системное описание метафор семантического поля «зрение».

Материалом для анализа послужили более 2500 фрагментов художественных и публицистических текстов XIX–XXI вв., содержащих примеры метафорического употребления компонентов ассоциативно-семантического поля «зрение». Контексты были отобраны при помощи Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Результаты и их обсуждение

При лингвистическом описании концепта исследователь выбирает модель структурирования информации о денотате, способную наиболее полно отразить воплощенные в языке представления о данной реалии [22, с. 19]. Ситуация зри-

тельного восприятия рассматривается нами как концепт-пропозиция – логическая модель ситуации. Наиболее значимыми для процесса метафоризации являются следующие элементы пропозиции:

- субъект восприятия: *зрячий, слепой, слепец, слепыш, слабовидящий, дальтоник, очкарик* и др.;
- процесс восприятия (состояние или действие): *видеть, смотреть, глядеть, лицезреть, глазеть, щуриться, моргать, коситься* и др.;
- признаки субъекта, характеризующие качество восприятия: *зоркость, близорукость, косоглазие, дальтонизм, астигматизм* и др.;
- инструменты: *зрение, глаз, око, глазница, зрачок* и др.; *взгляд; очки, линза, бинокль, пенсне, подзорная труба, микроскоп* и др.

В результате проведенного исследования было выявлено, что при метафорическом употреблении указанных лексем и их производных регулярно актуализируются следующие смыслы: «**способность видеть**», «**качество зрения**», «**свет**», «**опосредованность**», «**аккомодация**».

Перечисленные доминантные смыслы выполняют интегрирующую роль, объединяя разные элементы пропозиции. В контексте, как правило, внимание фокусируется «на одном из компонентов ситуации, но он имплицитно связан с другими компонентами, соответственно, значения, выражаемые при помощи данных метафор, рождаются на основе осмысления ситуации в целом» [23, с. 232].

Рассмотрим особенности употребления каждого из выявленных смыслов.

«**Способность видеть**». В реализации данного смысла могут участвовать обозначения всех компонентов ситуации зрительного восприятия: субъекта (*слепец, слепыш*), процесса (*видеть, не видеть, прозреть, ослепнуть*), признака (*зрячий, незрячий, слепой, слепота*); инструмента (*зрение, глаз, око*).

Метафоры преимущественно характеризуют сферу человека. Значение «способность/неспособность видеть» подвергается переосмыслению, и актуализируются смыслы «наличие/отсутствие интеллекта», «способность/неспособность понимать, чувствовать». Возникновение метафор данной группы определяется тесной связью зрительного восприятия и ментальной деятельности, отраженной в синкретичном значении ключевой лексемы поля «зрение» *видеть* – ‘обладать зрением, знать, понимать’.

Метафоры образуют семантические оппозиции *видеть – не видеть, зрячий – незрячий, слепой; зрение – слепота: Вы видите, где правда и где неправда, а я точно потеряла зрение, ничего не вижу* (НКРЯ); *Революция сделала зрячими миллионы слепцов, в том числе и меня* (НКРЯ).

На наличие/отсутствие умственных способностей человека указывают выражения *интеллектуальное зрение, умственное зрение, глаза интеллекта, интеллектуально зрячий / интеллектуально слепой, интеллектуальная слепота* и др.: *Но знал об этом и интеллектуально зрячий профессор – и подлавливал нас на дополнительных вопросах* (НКРЯ); *Знакомое ужасное чувство интеллектуальной слепоты и магазинного утомления* (НКРЯ).

Образы духовного зрения / слепоты характеризуют душевные способности человека: осознание явлений духовного порядка, причастность к истине, к Богу, чуткость. Используются метафоры *духовное зрение, глаз, око; зрение души / духовная слепота, душевно слепой; внутреннее зрение, нравственное зрение / внутренняя слепота, нравственная слепота: Церковное воспитание помога-*

ет обрести духовное зрение, позволяющее отличать доброе от дурного, Божественное от демонического (НКРЯ); Она [Огудалова] должна поражать зрителя своей духовной слепотой, непониманием истинных человеческих ценностей (НКРЯ).

Посредством образа слепоты нередко осмысливается результат воздействия на человека сильных эмоций. Метафоры актуализируют значение потери контроля над сознанием. Используются конструкции *слепой от потрясения, восторга, ярости, горя, растерянности* и др.; а также образованные по метонимической логике выражения *слепой гнев; слепая ярость, злоба, ненависть; незрячее бешенство* и др.: *Белоголовый пятилетний мальчуган, взбрыкивая, слепой от восторга, неся навстречу солнечному ветру верхом на ореховой палке (НКРЯ); Юра никогда не видел до сих пор, как слепая, нерассуждающая ненависть захлестывает людей (НКРЯ).*

По аналогии с вышеперечисленными выражениями моделируются метафоры, в которых сильные эмоции обозначаются «зрячими». В таких случаях подчеркивается, что человек испытывает эмоции осознанно, не теряя контроля над собой: *Теперь трудно объяснить, каким образом удалось Юлии сделать зрячей мою слепую ярость (НКРЯ).*

Метафорическое осмысление сферы артефактов проявляет себя в наделении зрительными и интеллектуальными способностями техники, связанной с записью и анализом изображения. Следует отметить терминологические метафоры в области искусственного интеллекта *компьютерное зрение, машинное зрение: В том числе это компьютерное зрение, когда машина с помощью камеры может видеть и распознавать изображения (НКРЯ).* Также часто метафорически используются лексемы *глаз, видеть: Как только подозрительный автомобиль попадает «на глаза» камере – в машине звучит тревожный сигнал (НКРЯ); Если где-то растениям стало плохо, компьютер моментально это «видит» (НКРЯ).*

«Качество зрения». Специализированными средствами, выражающими данный доминантный смысл, являются обозначения признаков субъекта, характеризующих качество зрительного восприятия: *зоркость, дальнороркость, близороркость, косоглазие, дальтонизм, астигматизм* и др. Для реализации смысла используются также обозначения некоторых оптических приборов – *бинокль, очки, оптика.*

Метафоры широко используются для осмысления феноменов сферы человека, реже – артефактов и природы.

Особенности функционирования подобных метафор в области характеристики человека во многом определяются наличием в сознании носителей языка тесной связи зрительного восприятия и ментальной деятельности. Они характеризуют качества умственных способностей, понимания, осознания чего-либо, а также степень развитости душевной чуткости.

Наиболее частотными являются метафоры на базе лексем *близорукий* и *зоркий*. Их переносные значения закреплены в толковых словарях: *близорукий* – ‘неспособный предвидеть последствия чего-либо, непроницательный, недалновидный’ (БТС), а *зоркий* – ‘проницательный, внимательный, наблюдательный’ (БТС).

Данные эпитеты часто характеризуют ум, разум, рассудок, мышление человека или его ментальные операции: *мнение, суждение, предсказание, решение,*

анализ, критику, оценку и др.: *Строгая, т. е. верная логика, или, другими словами, зоркий и верный рассудок необходимы как для мужчины, так и для женщины (НКРЯ); Этот ум делается непременно близоруким и мелким; обобщать факты он решительно не умеет (НКРЯ).*

Представление о стратегическом мышлении как об одном из важнейших качеств политика способствует возникновению устойчивого образа политической близорукости/дальнозоркости (зоркости): *Но где был Ваш разум и та политическая дальнозоркость, которой Вам следовало бы обладать?! (НКРЯ); К сожалению, Горбачев не удержался на этой высоте, начал проявлять политическую близорукость и делать крупные ошибки (НКРЯ).*

Большой экспрессией отличаются образы политического косоглазия, астигматизма, дальтонизма, в основном описывающие искаженные представления/суждения о чем-либо: *Политическое косоглазие: в Совете Европы осудили Россию за «нехватку толерантности», а об Украине с ее пытками молчат: видно, считают толерантной (НКРЯ); Российский избиратель в основной своей массе нечувствителен к полутонам и нюансам. Можно сказать, что он – политический дальтоник, плохо различает цвета (НКРЯ).*

Лексика, характеризующая качество зрения, нередко используется для оценки степени развитости душевных качеств человека: *зоркое сердце/душа; близорукая душа, душевный дальтоник и др.; И зоркое сердце укажет: можно служить духовно, издалека, памятью, можно конкретно, бытием своим, работой... (НКРЯ); ...люди разучились думать, стали душевными дальтониками, не разбирающимися цветом, ослепли духовно (НКРЯ).*

«Зрительные» метафоры позволяют охарактеризовать особую чуткость, глубокое, творческое восприятие мира, присущее поэтам, художникам: *Со свойственной ей лаконичностью и поэтической зоркостью Анна Ахматова указала на «монументально-лубочный и вырубленный характер» этой вещи (НКРЯ).*

Интересен образ сложного оптического прибора, подчеркивающий тонкую душевную организацию художницы: *...художники, подобные Ольге Чернышевой, то есть обладающие тончайшей настроенной оптикой художественного зрения, переплавляют традиции своих старых и новых домов в своем творчестве (НКРЯ).*

Наименования оптических приборов относятся к периферии метафорических средств, реализующих смысл «качество зрения». Актуализации данного смысла способствует предназначение приборов для получения увеличенного, более четкого изображения объектов. Так, образ бинокля в следующих контекстах реализует значение ‘улучшение качества понимания, осознания чего-либо’: *Беспощадный дар наблюдательности вооружает писателя сильным биноклем: малое он различает до подробностей, большое не заслоняет его горизонтов... (НКРЯ); Какая я профессорская дочка, я всю жизнь в деревне прожила, это даже и без бинокля видно (НКРЯ). Посредством образа неисправного оптического прибора осмысливается искаженное представление фактов: «Огонек» пытался разобраться, насколько деформирована оптика у чиновников и можно ли верить рейтингам, на основе которых распределяются деньги из казны (НКРЯ).*

Метафорическая модель «зрение – артефакты» реализуется при образной интерпретации аппаратов, передающих запись изображения; предметов, содержащих изображение; искусственных источников света.

При помощи параметра качества зрения осмысляются свойства видеокамеры: *Насколько зоркий «глаз» у аппаратуры, установленной на Международной станции?* (НКРЯ); *По словам экспертов, вместо дорогих закупили отечественные «полуслепые» аппараты ценой около 5 тыс.* (НКРЯ).

На плохое качество изображения указывают метафоры *слепой текст, слепая денежка, полуслепая копия, полуслепая картина, близорукая фотография*. Например: *Вдоль стен стояли старые рамы, а в них – то полуслепая картина, то мутное, будто озеро в ряске, зеркало* (НКРЯ); *Серебряная греческая денежка была слепая, боковой очерк личика почти стерся* (НКРЯ).

При характеристике источников света, как природных, так и искусственных, актуальным оказывается смысл «интенсивность свечения»: яркий свет описывается эпитетом *зоркий*, обозначающим высокое качество зрения; тусклый – лексемами, указывающими на слабое зрение, заболевания органов зрения: *полуслепой, слепой, близорукий*: *Солнце клонится к закату, зоркость светила потихоньку смягчается* (НКРЯ); *...с гипотенузы свисла близорукая лампа* (НКРЯ).

«Свет». Данный смысл имеет широкую репрезентативность. Наиболее часто употребляются лексемы, обозначающие процесс восприятия (*смотреть, глядеть, моргать, жмуриться, озираться* и др.) и органы зрения (*глаз, око, зрачок, зеница* и др.). Приведенные единицы, как правило, используются для метафорической характеристики источников света, природных и искусственных, и процесса излучения света.

К основным причинам включения смысла «свет» в разряд ключевых можно отнести, во-первых, тот факт, что свет является незаменимым условием зрительного восприятия, и, во-вторых, наличие естественного блеска у здоровых органов зрения человека.

Тесная логическая связь процессов зрительного восприятия и свечения отражена в этимологии имени концепта «зрение»: общеславянский корень *zъg- восходит к индоевропейскому *g'her- 'блистать', 'сиять', 'сверкать' (ИЭС, с. 330).

В современном русском языке переносное значение 'светить' реализуют прежде всего глаголы *смотреть, глядеть*, а также их производные, метафорически характеризующие особенности свечения: *высматривать, посматривать, осматривать, засматриваться; заглядывать, подглядывать, оглядеться* и др. В процессе метафоризации важной оказывается представленная в лексическом значении слов *смотреть, глядеть* сема «направленность»: *Он сидит на своей собственной постели, и восходящее солнце смотрит в комнату косыми веселыми лучами* (НКРЯ); *...и трамваи сонными глазами нехотя оглядывали нас* (НКРЯ).

Сами источники света нередко осмысляются носителями языка как глаза. Устойчивую ассоциацию с глазами имеют, прежде всего, небесные светила. Во многих культурах глаз символизирует свет: солнце-глаз является общечеловеческим символом-архетипом. В нашем материале фиксируются метафоры *солнечный глаз, око солнца, лунный глаз, глаза звезд*: *Только середина пруда отражала золотой солнечный глаз, прозрачный и чистый* (НКРЯ); *Вверху сквозь синюю чадру смотрят живые глаза звезд* (НКРЯ).

Метафорическая модель «глаз – источник света» является продуктивной и в сфере артефактов. Метафоризации подвергаются названия осветительных приборов (*фонарь, лампочка, прожектор, фара* и т. д.), а также слово *окно*, имевшее

глубокую ассоциативную связь с глазом уже в сознании древних людей. *Окно* этимологически связано со словом *око* – как известно, окном изначально называлось отверстие в стене для наблюдения. Приведем примеры метафоризации артефактов: *Бледный фонарь – одинокое око – горит над крыльцом прожекторской* (НКРЯ); *Огненный глаз паровоза уже пробивал толщу летящего снега* (НКРЯ); *Окна – это глаза дома* (НКРЯ).

Для характеристики источников света широко используются лексемы, называющие внешние особенности органов зрения: цвет (*желтоглазый фонарь, светлоокий месяц*), размер (*большеглазые фары, глазастые дома*), форму (*узкоглазые избы*), количество (*многоглазый небесный покров, одноглазый мезонин*).

Отсутствие света небесных светил на небе, а также окон или света в окнах в здании образно описывают лексемы *безглазый, слепой: слепое небо, слепой день, безглазая ночь; безглазая стена, слепое здание, безглазые дома; Рассвело мутно, день опять обещал быть слепым* (НКРЯ); *Кругом только пустые, безглазые, никем не охраняемые дома* (НКРЯ).

«Опосредованность». Возникновение данного доминантного смысла обусловлено возможностью человека при зрительном восприятии использовать различные оптические приборы.

Смысл «опосредованность» в основном эксплицируют слова, называющие инструменты. Обычно это обозначения оптических приборов: *очки, линза, лупа, микроскоп, телескоп, подзорная труба, бинокль, объектив* и др. Идея опосредованности выражается также в высказываниях *чужими глазами, другими глазами, сторонним взглядом*.

Названные метафоры часто передают следующие значения:

– ‘искаженное понимание чего-либо’: *смотреть сквозь розовые очки, смотреть сквозь очки мечты и др.*

– ‘зависимость от чужого мнения’: *смотреть сквозь чужие очки, смотреть сквозь французские очки, рассматривать через американскую линзу, смотреть на мир в натовские бинокли и др.*

– ‘оценка объекта восприятия с позиции другого’: *увидеть чужими глазами, посмотреть другими глазами, оценить сторонним взглядом и др.*

Различные номинации оптических приборов характеризуются собственной спецификой в передаче рассматриваемого доминантного смысла.

Так, обозначение инструментов, позволяющих увеличить изображение (*микроскоп, лупа*), в переносном использовании указывают на детальное, обстоятельное исследование какого-либо вопроса. При близости выражаемых значений метафорические номинации имеют семантические различия: лексема *лупа* часто акцентирует смыслы «увеличение», «обнаружение», «привлечение внимания»: *Пандемия как большая лупа, все проблемные места показывает с увеличением* (ЭК). Слово *микроскоп* характеризует наиболее тщательное, скрупулезное исследование: *Политолог Константин Калачев считает, что выборы, которые пройдут в «Сириусе», будут рассматриваться «под микроскопом» из-за важности проекта для Кремля* (НКРЯ).

Наименования оптических приборов, предназначенных для наблюдения удаленных предметов (*бинокль, подзорная труба, телескоп, перископ*), при метафорическом употреблении акцентируют наличие дистанции между наблюда-

телем и объектом наблюдения. Образ зрительного восприятия через данные оптические приборы позволяет выразить следующие смыслы:

– ‘непричастность к чему-либо’: *Например, малопонятно, что такое управленец без практики, ведь он только в бинокль видел настоящий менеджмент (НКРЯ); Непосредственный контакт с русской культурой у нее был, очевидно, только в детской ее части – все остальное она уже видела разве что в подзорную трубу, наведя на Россию фокус из своей квартиры в Бронксе (НКРЯ);*

– ‘воспоминания о прошлом / планирование будущего’: *Это сейчас, спустя десятилетия, я, как в телескоп, рассматриваю события, которые сохранила моя детская цепкая память, и пытаюсь их осмыслить (НКРЯ); Думаю, что если нам рады в НАТО, если они действительно хотят видеть нас членом, то нет смысла смотреть в бинокль, в какое-то отдаленное будущее и обсуждать это будущее (НКРЯ).*

Нередко используется образ перевернутого бинокля, когда наблюдатель видит изображение не через собирающую (увеличивающую) линзу, а через рассеивающую (уменьшающую). С помощью данной метафоры подчеркивается отдаленность событий прошлых лет, неясность воспоминаний: *Из нынешнего дня в прошлое смотришь как в перевернутый бинокль: все такое уменьшенное, а многое и не разобрать (НКРЯ).*

«Аккомодация». Реализация данного смысла обусловлена способностью органов зрения приспособляться к рассматриванию предметов на разных расстояниях.

Актуализация смысла наблюдается при использовании обозначений таких компонентов ситуации, как процесс восприятия (*фокусировать, сфокусироваться, фокусировка, рассмотреть, всматриваться, вглядываться, присмотреться, приглядеться, усмотреть* и др.) и инструменты (*взгляд, фокус, ракурс, угол зрения, точка зрения; бинокль, объектив, линза* и др.).

Как правило, метафоры описывают сосредоточенность мыслей и внимания человека на определенном объекте. В данной группе представлено много стандартных, стертых метафор типа *рассмотреть* – ‘разобрать, обдумать, обсудить’ (БТС); *фокусировать* – ‘сосредоточивать, ставить в центр чего-либо’ (БТС); *взгляд* – ‘мнение, суждение, оценка кого-, чего-л.’ (БТС); *точка зрения* – ‘чьего-либо мнение, взгляд на кого-либо, что-либо’ (БТС) и др.

Изменение сосредоточенности человека, перенос его интереса с одного объекта на другой осмысливается как смещение фокуса: *сместить фокус, перефокусировать зрение, перевести взгляд, изменить ракурс; Чтобы возможность стала реальностью, нужно сместить фокус социальной политики с пожилых на молодых (НКРЯ); Кудрину в любом случае придется перевести взгляд поближе к центру (НКРЯ).*

Яркие, обычно развернутые метафоры создаются при использовании наименований оптических приборов, предполагающих регулирование положения линзы с целью улучшения видимости на определенном расстоянии: *Я вглядываюсь все сосредоточеннее, и вдруг какой-то сдвиг происходит в моем мозгу. Происходит подкручивание шарниров мнимого бинокля, поиски фокуса (НКРЯ); За «Северным потоком» следит множество глаз – холодных, внимательных, жестких или теплых. На него наведены бинокли многих правительств (НКРЯ).*

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о богатом лексическом и семантическом потенциале образа «зрение» в русской языковой картине мира.

Множество разнообразных метафор характеризуется системностью. Образ семантически структурируют определенные смыслы, получающие воплощение при номинации разных элементов ситуации зрительного восприятия. Данные доминантные смыслы отражают имеющиеся в сознании носителей языка основные представления о зрении: способность/неспособность человека к зрительному восприятию; четкость различения объектов; свет как необходимое для зрительного восприятия условие; возможность фокусировать взгляд на различных предметах и использовать оптические приборы, корректирующие зрение или позволяющие наблюдать трудноразличимые объекты.

Значимость зрения в жизнедеятельности человека способствует использованию знаний о нем для осмысления других реалий. Метафоры, реализующие образ «зрение», моделируют, прежде всего, сферу человека. Среди других категориальных областей, на которые распространяются представления о зрении, значимы артефакты (преимущественно техника, связанная с записью изображения, и искусственные источники света) и природа (в основном естественные источники света).

Организирующими факторами для создания разных образов являются представление о тесном взаимодействии зрительного восприятия и ментальной деятельности (для характеристики человека и техники, наделяемой признаками человека) и глубокая ассоциативная связь «зрение – свет» (для осмысления искусственных и естественных источников света).

В качестве перспективы исследования можно обозначить изучение многообразных частных смыслов, реализуемых зрительными метафорами, в том числе связанных с переносным употреблением отдельных лексем.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora.ru>, свободный.
- ЭК – *Чижова С.* Бизнес в пандемию // Элитный квартал. 2020. №12. URL: <https://elitniy.ru/biznes-v-pandemiyu/?ysclid=lnct7g1ra9780122452>, свободный.
- ИЭС – *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 2001. Т. 1. 624 с.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>, свободный.

Литература

1. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / *Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина*; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.

3. *Илюхина Н.А., Долгова И.А., Кириллова Н.О.* Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты. Самара: Самарский ун-т, 2016. 186 с.
4. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
5. Теория метафоры: сборник / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
6. *Johnson M.* The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 1987. 233 p.
7. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 1980. 242 p.
8. *Илюхина Н.А.* Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта: Наука, 2016. 321 с.
9. *Арутюнова Н.Д.* «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 7–30.
10. *Балашова Л.В.* Когнитивный тип метафоры в диахронии (на материале перцептивной лексики русского языка) // Вестн. Ом. ун-та, 1999. Вып. 4. С. 81–84.
11. *Букаренко С.Г., Медведева Е.В.* Глаголы зрительного восприятия *видеть* и *смотреть* // Вестн. Таганрог. ин-та им. А.П. Чехова. 2022. № 1. С. 175–186.
12. *Zalizniak A.A.* Cognitive mechanisms of semantic derivation in the domain of visual perception // Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. Intercognsci 2020 / Ed. by B.M. Velichkovsky, P.M. Balaban, V.L. Ushakov. Ser.: Advances in Intelligent Systems and Computing. V. 1358 / Ed. by J. Kacprzyk. Cham: Springer, 2020. P. 267–274. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71637-0_32.
13. *Илюхина Н.А.* Когнитивный аспект генезиса интеллектуальных метафор // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 1. С. 203–216. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.1.784>.
14. *Романова О.М.* История лексических гнезд с общеславянскими корнями *gled-, *mot-, *vid-, *zъg (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 249 с.
15. *Петрова А.В.* О семантике глаголов зрительного восприятия *видеть*, *смотреть*/*глядеть* в поэзии Ф.И. Тютчева // Вестн. МГОУ. Сер.: Русская филология. 2016. № 2. С. 48–55. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2016-2-48-55>.
16. *Двизова А.В., Крюкова Л.Б.* Лингвистические средства выражения ситуации зрительного восприятия в поэтических текстах Б. Пастернака // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 3 (19). С. 21–29.
17. *Гусева Л.А.* Глаголы *смотреть* и *видеть* в лирике Н. Глазкова // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи. Ярославль: Ярославский гос. педагогический ун-т им. К.Д. Ушинского, 2009. С. 36–42.
18. *Трубецкова Е.Г.* «Близорукость» как оценочная метафора в метрополюной литературе 1920–1930-х годов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 211–216. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-211-216>.
19. *Трубецкова Е.Г.* Глаз и оптические средства: деформация зрения в прозе Владимира Набокова // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 429. С. 58–65. <https://doi.org/10.17223/15617793/429/7>.
20. *Балашова Л.В.* Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX–XXI вв. (динамический аспект) // Политическая лингвистика. 2018. № 2. С. 10–17. <https://doi.org/10.26170/pl18-02-01>.

21. Кучко В.С. «Зрительная» и «слуховая» метафора обмана в русской языковой традиции // Изв. УрФУ. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2015. № 1(136). С. 187–196.
22. Резникова Е.В. Образ-схема как модель описания структуры концепта. М.: Директ-Медиа, 2023. 276 с.
23. Мещанова Н.Г. Об интегрирующей роли доминантных смыслов в структуре образа азартной игры // Вестн. СамГУ. 2011. №1/1 (82). С. 231–235.

Поступила в редакцию 10.09.2023

Принята к публикации 10.11.2023

Усачева Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва
Московское шоссе, д. 34, г. Самара, 443086, Россия
E-mail: usachova-o@yandex.ru

Осипова Анна Сергеевна, магистр филологии

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва
Московское шоссе, д. 34, г. Самара, 443086, Россия
E-mail: anna.samovarnova@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 1, pp. 34–46

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.34-46

The Semantic Structure of the Image of “Vision” in the Russian Linguistic Worldview

O.A. Usacheva, A.S. Osipova

Samara National Research University Named after Academician S.P. Korolev, Samara, 443086 Russia

E-mail: usachova-o@yandex.ru, anna.samovarnova@yandex.ru

Received September 10, 2023; Accepted November 10, 2023

Abstract

This article examines the structure of the image of “vision” in the Russian linguistic worldview. The structural reconstruction was performed through the study of the key meanings of “vision” in the Russian language. The proposition, a logical outline of the components involved in visual perception, was selected as a way by which the knowledge about “vision” is gathered. The following components were found to be a regular source of figurative meanings: the subject of visual perception, the process of visual perception, the subject’s features indicating the quality of visual perception, and the means of visual perception. The dominant meanings of different propositional elements constituting the structural core of the image of “vision” were revealed: “the ability to see,” “the quality of vision,” “light,” “mediation,” and “accommodation.” The main denotative spheres covered by the knowledge about “vision” were distinguished: the human sphere, as well as the spheres of artifacts (technical means of image capture, artificial light sources) and nature (primarily natural light sources). It was shown that the metaphors referring to the human sphere are based on the idea of a close connection between visual perception and mental activity. The anthropomorphic metaphors arising from the artifacts used

to produce images are created following the same logical pattern. The metaphorical understanding of light sources, both artificial and natural, is determined by the association between “vision” and light in the minds of native Russian speakers.

Keywords: metaphor, image, visual perception, dominant meanings, semantic structure, proposition, Russian language

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russian)
2. Kubryakova E.S., Demiankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [The Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Kubryakova E.S. (Ed.). Moscow, Filol. Fak. MGU, 1996. 245 p. (In Russian)
3. Piyukhina N.A., Dolgova I.A., Kirillova N.O. *Metafora i sistemnost': semasiologicheskii i kognitivnyi aspekty* [Metaphor and Consistency: Semasiological and Cognitive Aspects]. Samara, Samar. Univ., 2016. 186 p. (In Russian)
4. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST, Vostok–Zapad, 2007. 314 p. (In Russian)
5. *Teoriya metafory: sbornik* [Metaphor Theory: A Collection of Writings]. Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. (Eds.). Moscow, Progress, 1990. 512 p. (In Russian)
6. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, IL, Univ. of Chicago Press, 1987. 233 p.
7. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, IL, Univ. of Chicago Press, 1980. 242 p.
8. Piyukhina N.A. *Metaforicheskii obraz v semasiologicheskoi interpretatsii* [Metaphorical Imagery through Semasiological Interpretation]. Moscow, Flinta, Nauka, 2016. 321 p. (In Russian)
9. Arutyunova N.D. *Polagat' (to believe) and videt' (to see) (to the problem of mixed propositional attitudes)*. In: *Logicheskii analiz yazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* [Logical Analysis of Language. Problems of Intensional and Pragmatic Contexts]. Moscow, Nauka, 1989, pp. 7–30. (In Russian)
10. Balashova L.V. The cognitive type of metaphor in diachrony (based on the perceptual vocabulary of the Russian language). *Vestnik Omskogo Universiteta*, 1999, no. 4, pp. 81–84. (In Russian)
11. Bukarenko S.G., Medvedeva E.V. The verbs *videt'* (to see) and *smotret'* (to watch) related to visual perception. *Vestnik Taganrogskogo Instituta imeni A.P. Chekhova*, 2022, no. 1, pp. 175–186. (In Russian)
12. Zalizniak A.A. Cognitive mechanisms of semantic derivation in the domain of visual perception. In: Velichkovsky B.M., Balaban P.M., Ushakov V.L. (Eds.) *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics*. Intercognsci 2020. Ser.: Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 1358. Kacprzyk J. (Ed.). Cham, Springer, 2020, pp. 267–274. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71637-0_32.
13. Piyukhina N.A. The cognitive aspect of the genesis of intellectual metaphors. *Quaestio Rossica*, 2023, vol. 11, no. 1, pp. 203–216. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.1.784>. (In Russian)
14. Romanova O.M. The history of lexical families sharing the common Slavic roots *gled-, *mot-, *vid-, and *zъr (based on the Russian language). *Cand. Philol. Diss.* Ufa, 2005. 249 p. (In Russian)
15. Petrova A.V. On the semantics of the verbs of visual perception *videt'* (to see), *smotret'/glyadet'* (to watch/to gaze) in Fedor Tyutchev's poetry. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya Filologiya*, 2016, no. 2, pp. 48–55. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2016-2-48-55>. (In Russian)
16. Dvizova A.V., Kryukova L.B. Linguistic means of expressing the situation of visual perception in B. Pasternak's poetic texts. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*, 2012, no. 3 (19), pp. 21–29. (In Russian)
17. Guseva L.A. Verbs *smotret'* (to look) and *videt'* (to see) in N. Glazkov's lyrics. In: *Semantika i funkcionirovanie yazykovykh edinits v raznykh tipakh rechi* [Semantics and Usage of Linguistic

- Units in Different Types of Speech]. Yaroslavl, Yarosl. Gos. Pedagog. Univ. im. K.D. Ushinskogo, 2009, pp. 36–42. (In Russian)
18. Trubetskova E.G. “Short-sightedness” as an evaluative metaphor in the metropolitan literature between the 1920s and 1930s. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 211–216. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-211-216>. (In Russian)
 19. Trubetskova E.G. The eye and optical means: Vision deformation in Vladimir Nabokov’s prose. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2018, no. 429, pp. 58–65. <https://doi.org/10.17223/15617793/429/7>. (In Russian)
 20. Balashova L.V. Medical conceptual metaphor in the political media discourse during the 20th and 21st centuries (a dynamic aspect). *Politicheskaya Lingvistika*, 2018, no. 2, pp. 10–17. https://doi.org/10.26170/pl18-02-01_. (In Russian)
 21. Kuchko V.S. “Visual” and “auditory” metaphor of deception in the Russian language tradition. *Izvestiya UrFU. Seriya 2: Gumanitarnye Nauki*, 2015, no. 1(136), pp. 187–196. (In Russian)
 22. Reznikova E.V. *Obraz-skhema kak model’ opisaniya struktury kontsepta* [Image Schema as a Model for Defining the Structure of a Concept]. Moscow, Direkt-Media, 2023. 276 p. (In Russian)
 23. Meshchanova N.G. On the central role of dominant meanings in shaping the image of gambling. *Vestnik Samarского Gosudarstvennogo Universiteta*, 2011, no. 1/1 (82), pp. 231–235. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Усачева О.А., Осипова А.С. Семантическая структура образа «зрение» в русской языковой картине мира // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 34–46. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.34-46>. ⟩

⟨ **For citation:** Usacheva O.A., Osipova A.S. The semantic structure of the image of “vision” in the Russian linguistic worldview. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 34–46. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.34-46>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81+811.111

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.47-65

КОНЦЕПТ “OUTSIDER” В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СПОРТИВНОМ ДИСКУРСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

А.Б. Алексеев

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
г. Москва, 119606, Россия*

Аннотация

Статья посвящена изучению концепта “outsider”, рассматриваемого на материале англоязычных дискурсов. Отмечается, что концептуальное поле, выстроенное вокруг данного концепта, может быть представлено в виде единства концептуальных подполей, таких как «иностронец», «незнакомец», «незванный гость», «изгой», но оно также предполагает и более позитивную оценку изучаемого феномена, поскольку отрицательные коннотации слова *outsider* актуализируются не всегда. Напротив, в политическом дискурсе лексическая единица *outsider*, как и вербализуемый ею концепт, наделяется позитивной оценкой. В целом изучение избранного концепта соотносится с рассмотрением явления (само)маргинализации, имеющего место в политическом дискурсе, но, по всей видимости, не лимитируется им. В дискурсе смешанных единоборств концепт “outsider” тоже имеет неоднозначную оценку, но ввиду повышенного интереса к победам тех спортсменов, от которых никто их не ждет, он актуализируется в речи коммуникантов – спортсменов и комментаторов спортивных соревнований.

Ключевые слова: аутсайдер, манипуляция, маргинал, маргинализация, политический дискурс, спортивный дискурс, смешанные единоборства

Введение

Анализ рассматриваемого в настоящей статье концепта “outsider” важен с точки зрения лингвополитологической теории маргинальности (лат. *margo* – граница). Одна из моделей коммуникативной стратегии маргинализации связана с актуализацией политиками маркера самоидентификации «аутсайдер». Другие маргинальные способы политического самоопределения могут быть представлены так: «я не-политик», «я женщина», «я представитель(ница) меньшинств» и т. д. Исходной теоретической установкой в данной связи является следующая: маргинализация, понимаемая как процесс превращения личности в личность маргинального типа – в социологическом или политологическом, но не обыденно-повседневном смысле прилагательного *маргинальный*, – может избираться политиком сознательно, с расчетом на оказание прагматического эффекта на адресата, испытывающего определенную усталость от традиционной политической повестки. В этом случае имеет смысл вести речь о политической самомаргинализации.

Очевидно, что концепт “outsider” представляет интерес для ученых, изучающих и иные – не только политические – дискурсы: например, бойцовский

спортивный дискурс, а также, вероятно, дискурсы музыкальных, молодежных, субкультурных, а зачастую и контркультурных (англ. *counterculture*) течений, связанных с так называемым аутсайдерским искусством и такими его ценностями, как нонконформизм, оригинальность, экстраординарность, эксцентричность, максимализм, формирующими свою, особенную, коммуникативную среду, посредством которой аутсайдеры, лиминалы (лат. *limens* – порог), маргиналы оказывают сопротивление гегемонии враждебных для них явлений и, как следствие, провозглашают свою чуждость идеологическому мейнстриму. В этом проявляется языковой протест, называемый термином «контрязык» (см. также [1, S. 53]).

Учитывая структурную многоплановость и неоднозначность концепта “outsider”, а также его социальную значимость для различных дискурсивных сред, в настоящем исследовании мы предпринимаем анализ двух дискурсов – политического и спортивного, в нашем материале представленного субдискурсом смешанных единоборств (трансляции на YouTube). Такой выбор, помимо индивидуальных исследовательских интересов автора, обусловлен следующими соображениями: 1) политический и спортивный дискурсы имеют немало общего, поскольку, «подобно спортивному состязанию, политика выстраивается вокруг концептуального поля борьбы, метафорически уподобляется войне» [2, с. 9], предполагает жесткую конкуренцию, быть может, даже драку – как в переносном, так и в прямом смысле этого слова, в результате чего политика превращается, по словам Б. де Жувенеля, в «цирк для безумцев» [3, с. 368]; 2) военные метафоры распространены именно в дискурсе смешанных единоборств [4, с. 154], являющемся разновидностью спортивной коммуникации; 3) концепт “outsider”, как мы предполагаем, наиболее значим для области политики с ее строго организованной, разветвленной структурой политических институтов, с одной стороны, и деятелями, по тем или иным причинам не включенными в эту структуру, – с другой; он также соотносится с понятием «вызов», актуальным прежде всего для смешанных единоборств; 4) спортсмены – и бойцы смешанных единоборств в этом отношении не исключение – все чаще делают политические заявления, в результате чего политический и спортивный дискурсы начинают пересекаться, образуя гибридный дискурс; 5) спорт (и в особенности смешанные единоборства) – это часто продолжение политики другими средствами, разновидность мягкой силы, о чем мы писали ранее¹ [5].

В качестве методологии исследования избирается критический дискурс-анализ (КДА), предполагающий социально ангажированный и идеологически фундированный подход к дискурсивным явлениям. Используются также методы контекстуального, концептуального и коннотативного анализа.

Концептуальное поле “outsider”

В английском языке синонимами лексемы *outsider* являются слова, относящиеся к семантическим полям «иностранец» (*foreigner, alien, outlander, immigrant,*

¹ Конечно же, смешанные единоборства – не единственный вид спорта, обладающий особой значимостью с точки зрения политики. Вспомним, например, что победы в футбольных матчах имеют принципиальное идеологическое значение и могут даже сравниваться с триумфами и поражениями во Второй мировой войне. В ходе же холодной войны принципиальное идеологическое значение имело «шахматное» противостояние двух стран – СССР и США [6].

refugee, nonnative, visitor) и «неизвестный человек» (*stranger, unknown newcomer, incomer, new arrival, newbie*), преимущественно обладающие нейтральной коннотацией. Однако в синонимическом ряду встречаются такие негативно окрашенные лексемы, как *interloper* ('незванный гость'), *intruder* ('назойливый человек'), *loner* ('одинокий человек, одиночка'), *outcast* ('изгой'), *pariah* ('отверженный'), *black sheep* ('паршивая овца').

Концепт "outsider" многосторонен и реализуется также в связи с указанием на временный или непрофессиональный характер работы. Неслучайно еще одним синонимом английской лексемы *outsider* является *floater* – 'сезонный, временный рабочий'.

Согласно определению информационного ресурса WordReference.com, слово *outsider* в одном из своих значений интерпретируется следующим образом: 'competitor unlikely to win'. В качестве синонимов тот же сайт предлагает следующий лексический ряд: *underdog, likely loser, unlikely winner, long shot (informal), David to sb's Goliath, weaker team, weaker player* (W 2023). Нетрудно убедиться, что большинство приведенных единиц, кроме библеизма *David to sb's Goliath*, нейтральны или обладают негативной коннотацией.

Неоднозначна коннотация слова *underdog*, которое встретилось нам при анализе спортивного дискурса. Согласно определению Кембриджского словаря, у него два значения: 'a person or group of people with less power, money, etc. than the rest of society' и 'in a competition, the person or team considered to be the weakest and the least likely to win' (С 2023). В определенном смысле в приведенных дефинициях не содержится ни явной положительной, ни явной отрицательной оценки, а факт – реальный или вымышленный – отсутствия денег, власти, связей может создать выгодный для публичной персоны (политика, спортсмена, музыканта, актера и т. д.) имидж человека, добившегося всего самостоятельно, без посторонней помощи. Подобное представление себя в качестве *self-made man/woman* особенно ценится в культуре США, поскольку соотносится с американской мечтой, согласно которой каждый человек благодаря своему трудолюбию, упорству, настойчивости имеет шанс реализоваться в жизни вне зависимости от своего происхождения, расы, пола, сексуальных предпочтений, приверженности какой-либо идеологии или политических воззрений.

Акцентирование говорящим слабых на первый взгляд сторон своей личности иногда льстит потенциальному адресату, повышает его самооценку, способствуя преодолению социальной дистанции между знаменитостью и простыми людьми, – недаром один из приемов пропаганды в английской терминологии называется "plain folks" и предполагает формирование пропагандистом (манипулятором, популистом) образа "average Joe", близкого подавляющему большинству людей.

Что касается российской лингвистической мысли, то К.Ф. Седов выделил и описал схожий манипулятивный прием, который обозначил как «любовь к слабому» и суть которого заключается в том, что говорящий может намеренно понизить свой социальный статус (умалить свои достоинства, достижения), чтобы вызвать у потенциальной аудитории положительные эмоции и заручиться ее поддержкой. Для этого, по мнению ученого, следует дать реципиенту почувствовать моральное, социальное и пр. превосходство над говорящим, польстить его

самолюбии [7, с. 132]. В данной связи можно вспомнить и древнекитайскую мудрость: «Слабые побеждают сильных, мягкое преодолевает твердое»² [8].

В исторической литературе приводится следующее свидетельство того, как общался со своими сослуживцами, в том числе ниже его по званию, молодой Наполеон Бонапарт: «Некоторые... вопросы выдали такое его [Наполеона] незнание простейших вещей, что кое-кто из моих товарищей улыбнулся. Меня самого поразило количество заданных вопросов, их очередность и быстрота... Но еще сильнее меня поразило зрелище – главнокомандующий, совершенно спокойно демонстрирующий подчиненным, сколь глубоко несведущ он в различных аспектах дела, которые и самые юные из них обязаны были превосходно знать (курсив наш. – А. А.), и это подняло его в моих глазах на тысячу локтей [9, с. 94].

Для анализа случаев подобного рода манипуляций, в том числе гендерных (маргинализация, соотносящаяся с самоидентификацией «я женщина»³), предлагаем термин «коммуникативная стратегия маргинализации» [10]. Нам он представляется весьма актуальным ввиду изменения ряда институциональных дискурсивных сред – их персонализации [11, с. 212], людизации, агрессивизации [12], театрализации [13, с. 130], что заметно прежде всего в рамках политической коммуникации. Как пишет А.В. Самойлова, «казалось бы, политический дискурс в своей лингвистической реализации должен быть далек от языковых инноваций, экспрессивности и имплементации коннотативного спектра семантики, ему следует быть в максимальной степени точным, сдержанным, фактологическим, опираться на понятные аудитории лексико-грамматические структуры и базироваться сугубо на лексике формального стиля речи с целью констатирования актуальной и беспристрастной информации. Но последние тенденции в риторике политических лидеров доказывают обратное...» [14, с. 194]. Это создает благоприятные условия для деятельности политических маргиналов – внесистемных, а иногда и антисистемных политических агентов [15, с. 7].

На наш взгляд, изучение концепта “marginal”, очень близкого концепту “outsider”, является более чем своевременным, ведь маргинальность – одна из основных характеристик социальной действительности в XXI в. Это подтверждается и отношением людей к социальной, в том числе языковой, норме – четко прослеживается тенденция к ее нарушению и разрыву с традицией.

Несмотря на отмеченную близость рассматриваемых концептов в нашем представлении они имеют и определенные различия. Во-первых, «маргинал» – это скорее понятие, нежели концепт. Репрезентированное соответствующей терминологической единицей, отнюдь не однозначной, оно используется не столько политиками, сколько социологами, философами, политологами, филологами. Во-вторых, сферы бытования рассматриваемых социальных феноменов в целом отличны – концепт “outsider”, как будет показано далее, активно вербализуется в текстах спортивной тематики, а также, вероятно, в текстах о популярной куль-

² Ср. с другим даосским речением, превозносящим маргинальное состояние личности: «Когда благородный человек дорожит тем, что находится с краю, он живет спокойно» [8].

³ Политическому дискурсу свойствен манизм [2, с. 47], то есть женщины-политики, как правило, стараются подчеркнуть свои качества сильного лидера (выносливость, стойкость, жесткость и т. д.), в обыденном языковом сознании ассоциируемые с мужчинами. В результате и возникает уже ставший архетипическим образ «железной леди». Сейчас, однако, данная тенденция подвергается переоценке, и популярным становится подчеркивание женщиной-политиком своей женственности, а также черт характера, обычно ассоциируемых с женщинами (мягкости, уступчивости, готовности к сотрудничеству и диалогу).

туре, что едва ли может быть сказано о понятии “marginal”, употребляемом в упомянутых дискурсах довольно редко.

Концепт “outsider” в политическом дискурсе

Исходной теоретической установкой дискурсивного подхода является представление дискурсов иерархически организованными, по сути – трансграничными, лимитированными даже не тематическими критериями, а лишь хронотопом (термин М. Бахтина) – социальными пространствами, или, точнее, практиками, формирующими данные пространства, транслирующими знания, а через них, как неоднократно отмечал М. Фуко, – власть. Согласно фукианской мысли, дискурс – «и инструмент власти, и ее результат, но также препятствие власти, на которое она натывается, начальный этап... сопротивления ей»⁴ [16, p. 101]. Речь не идет только о политической власти – по мнению ученого, всякое общение сопряжено с созданием властных отношений в обществе, которые нельзя представлять себе репрессивными механизмами; власть (идеология) конституирует общество, и в ее отсутствие образуется хаос, чреватый дезинтеграцией всего социального поля⁵. При этом внутри социума всегда в той или иной форме происходит борьба за власть – и одновременно, согласно плюралистической теории в политологии (Р. Даль, Д. Трумэн и др.), происходит «торг», поиск компромисса. Одной из стратегий власти в политическом дискурсе является (само)маргинализация [10].

Концепт “outsider” имеет особое значение для политика-маргинала и вербализируется с помощью лексемы *outsider*, наделяемой в подобных контекстах положительными коннотациями:

Trump: *The system wasn't meant for me to come in as an outsider who built a great company* (L 2016) (**Вся эта система** не была рассчитана на то, что баллотироваться в президенты буду я, **аутсайдер**, построивший успешную компанию).

Данный контекст иллюстрирует противостояние «аутсайдера», бизнесмена Д. Трампа, системе – определенный артикль перед словом *system*, хотя и использован по правилам грамматики, несет, по всей видимости, и семантическую нагрузку: речь идет о хорошо известной адресату политической коррумпированной системе, которую, по мнению говорящего, необходимо менять. Значение лексемы *outsider* в контексте не уточнено, что делает ее «фантомным» словом, допускающим множество интерпретаций. По идее, строительство «прекрасной компании» еще не делает Д. Трампа «аутсайдером». Напротив, лидер республиканцев происходил из богатой семьи, был представителем элит и благодаря отцу имел определенные связи в политических кругах.

Политики даже вступают друг с другом в спор по поводу того, кого, по их мнению, следует считать «аутсайдером», а кого нет:

Christie: *As far as being an outsider is concerned, as far as being that kind of concern, let me tell this, Jake, I am Republican in New Jersey. I wake up every morning with the democratic legislature who is trying to beat my head in and fight me...* (C 2015) (**А если говорить о том, кто из нас аутсайдер, если уж затрагивать эту тему**, то позвольте мне напомнить, Джейк, я республиканец в Нью-Джерси.

⁴ Перевод на русский язык здесь и далее наш. – А. А.

⁵ Ср. с событиями, приведшими к распаду СССР, когда непродуманная демократизация и отвержение коммунистической идеологии создали именно вакуум власти.

Я просыпаюсь каждое утро, зная, что демократы, контролирующие законодательные органы, стараются прижать меня к стенке и борются против меня...).

В приведенном примере губернатор К. Кристи претендует на статус аутсайдера на основании того, что он республиканец в штате Нью-Джерси и конфликтует с демократами – для указания на жесткость этого внутривнутриполитического противостояния используется выражение *to beat my head in* (ср. рус. *разбить голову*). Однако политическая борьба с идеологическими оппонентами, даже обладающими большинством, едва ли превращает главу штата в «аутсайдера» – здесь скорее мифической, нежели реальной, категории. К. Гилярд неслучайно употребляет словосочетание *fictional insider-outsiders* [17, p. 144].

Х. Клинтон тоже именовала себя «аутсайдером» – на основании того, что она женщина, баллотирующаяся на пост президента (гендерная манипуляция):

Clinton: *I cannot imagine anyone being more of an outsider than the first woman president, I mean really, let's think about it* (Н 2015) (Я не могу себе представить кого-то, кто бы был **аутсайдером** в большей степени, чем **первая женщина-президент**. Я серьезно: давайте задумаемся об этом).

В широком контексте конкретного политического дискурса значение лексемы *outsider*, как правило, более определено. Так, понятно, что претензии Д. Трампа и ряда его коллег по Республиканской партии (Б. Карсона, К. Фиорины) на статус аутсайдеров связывались прежде всего с тем фактом, что они никогда не занимали государственных должностей. Это позволяло им и поддерживающим их политикам произносить заявления следующего содержания:

Conway: *So if you consider yourself a change-maker, an outsider, a non-politician, if you are sick of empty promises and lousy results...* (F 2016) (Если вы считаете себя **новатором, аутсайдером и человеком, далеким от политики**, если вам **надоели пустые обещания и ужасные результаты...**).

Слова *change-maker, outsider, non-politician* – контекстуальные синонимы. Все они, по сути, относятся к личности Д. Трампа, но К. Конуэй (в 2016 г. менеджер электоральной кампании будущего президента), будучи талантливым оратором, прагматически выделяет местоимение *you*. Получается, что аутсайдер – это уже не только бизнесмен, но и все люди, которые поддерживают его, – «аутсайдерь», потому что им надоели «пустые обещания» и «ужасные результаты».

Если принимать во внимание, что в западном обществе, в котором, по словам А.Ф. Боголюбова, «правлящий класс измельчал» [18, с. 136], давно наблюдаются аполитичность и недоверие к политикам, становится очевидным, что самоидентификация в качестве не-политика, аутсайдера импонировала многим избирателям, чем и пользовался Д. Трамп:

Trump: *I've actually been in politics all my life, although I've been on that side as opposed to this side. I'm now a politician for about three months* (С 2015) (**Я всю жизнь занимаюсь политикой**, хотя до недавнего времени и был по другую ее сторону. **Я политик со стажем около 3 месяцев**).

По утверждению кандидата, он был в политике всю жизнь (что почти верно, хотя и является гиперболой) и одновременно – занимается политикой всего три месяца. Парадоксальность этого заявления снимается внедрением в дискурс понятия «политической стороны» (англ. *side*, ср. *outsider*): Д. Трамп был в политике «по ту сторону» и только недавно перешел некий рубеж, занявшись политикой профессионально. Впрочем, адресат может интерпретировать по-своему достаточно туманную формулировку Д. Трампа, в чем, собственно, и заключается эф-

факт манипуляции, создающей семантическую неопределенность в анализируемой реплике, которую можно понимать по-разному.

Отметим, что для актуализации концепта “outsider” в политическом дискурсе употребление лексемы *outsider* отнюдь не обязательно. Более того, представить себя аутсайдером политик может на основании несоблюдения коммуникативных и поведенческих норм, например отвержения политкорректности, все чаще приобретающей негативные коннотации даже на политическом Западе [19]. Политические «аутсайдеры», «маргиналы» могут способствовать и превращению политического дискурса в развлекательную политику – *политейнмент*, то есть такой тип политического дискурса, прагматический потенциал которого предопределяется наличием в нем интерактивных элементов, что неизбежно ведет к его гибридизации, персонализации [11, с. 212], агрессивизации [12], симплификации (от англ. *simplification* – ‘упрощение’). Политейнмент, во многом создаваемый при помощи нарушения норм вежливости и речевой агрессии [20, р. 219], привносит в политический дискурс комический эффект, а также элементы противостояния, личной вражды и неприязни между политиками.

Таким образом, в нашем представлении изучение структуры концепта “outsider” имеет много точек пересечения с рассмотрением коммуникативной стратегии маргинализации, характерной не только для американского (и шире – англоязычного), но и для других национальных политических дискурсов, не изолированных, как видится нам, но существующих в глобальном пространстве политической культуры XXI в., во многом, как указывают исследователи, подверженной американизации [21, с. 41; 22], о чем свидетельствуют следующие примеры:

Гордон: *Я, вероятно, буду единственным кандидатом, не согласованным с администрацией президента. ...Мы – страна матерей-одиночек, на которых всем плевать... Я поняла, что все кормятся в одной и той же лоханке и по факту удовлетворяют или свои амбиции, или пытаются заработать на нас деньги. Я не голосовала никогда, и сейчас в силу опыта, в силу своих убеждений, я хочу воспользоваться этим правом и стать голосом для женщин, чьи права попораны. Я не представитель гламура, я не родилась с серебряной ложкой во рту, я из простой семьи...* (Е 2017);

Weidel: *Es ist schon wirklich mühsam sich wirklich geschlagene anderthalb Stunde – oder war es fast zwei Stunden? – sich die Plattitüden anzuhören. Und ich bin wirklich in der Politik gegangen zusammen auch mit allen meinen Kollegen wie viele tausende von Mitgliedern in AFD. Wir sind in der Politik gegangen aus der Mitte der Gesellschaft, aus der Arbeitnehmerpositionen, wir sind keine Berufspolitiker. Warum? Weil uns die Hutschnur irgendwann gerissen ist und darum gibt es auch AFD...* (А 2017). (Уже, на самом деле, невыносимо выслушивать полтора часа – или почти два часа? – эти банальности. Я пришла в политику, как и все мои коллеги, как тысячи членов партии АдГ, из самой гущи немецкого общества, из среды людей, работающих по найму. Мы не профессиональные политики. Почему? Потому что в какой-то момент нам все это надоело, и именно поэтому существует АдГ).

В русскоязычном примере Е. Гордон позиционирует себя в качестве человека из народа⁶, единственного «несогласованного» кандидата, что уже определяет ее статус аутсайдера в большой политике. Идентифицируя себя с женщинами, в

⁶ В английской терминологии этот прием пропаганды называется «plain folks».

первую очередь матерями-одиночками, подчеркивая, что права этой социальной группы регулярно нарушаются, и бросая определенный вызов системе, что отражено и в избираемой говорящим лексике, включающей жаргонные выражения («всем плевать», «кормятся в одной и той же лоханке»), политик ставит перед собой цель «стать голосом для женщин». С учетом того факта, что в России женщин больше, чем мужчин, подобная стратегия, ориентированная на апелляцию к представительницам прекрасного пола (как минимум к их значительной части), могла бы быть весьма успешной.

В примере на немецком языке А. Вайдель, подобно Е. Гордон, проводит мысль о том, что она и ее однопартийцы не профессиональные политики (*keine Berufspolitiker*), а простые люди, выходцы из рабочего класса (*Arbeitnehmer*), которые были вынуждены заняться политикой, что выделяется с помощью фразеологизма *Hutchnur reißen*, указывающего на то, что немцы до предела устали от нечестной политики и вовлеченных в нее политиков.

Необходимо отметить, что в подобных случаях почти всегда можно говорить о манипуляции – никаких логичных аргументов в пользу своей непричастности к большой политике люди, баллотирующиеся на высокие должности, как правило, привести не могут. Они лишь пользуются семантической размытостью лексической единицы *политика*⁷, обозначающей разные вещи для разных людей [24, р. 11]⁸. Тем не менее политические маргиналы эксплуатируют уже закрепившиеся в общественном сознании негативные стереотипы о политике («Политика – грязное дело», «Все воруют», «Выборы фальсифицируются»), вследствие чего люди, прежде всего молодого возраста, вообще не интересуются политической повесткой дня и готовы отдать свой голос за кого угодно – только за «не-политика».

Концепт “outsider” в дискурсе смешанных единоборств

Боевых видов спорта довольно много, но все они имеют нечто общее, что позволяет использовать термин «боевой (или бойцовский) дискурс» – своего рода промежуточное, связующее звено между широким понятием «спортивный дискурс» и его разновидностями, что актуально, например, при анализе дискурса соревнований, проводящихся в рамках более чем одного вида боевого спорта⁹. Считаем, что иерархия спортивных дискурсов, выстраиваемая в том числе с применением термина «субдискурс» (в принципе факультативного, поскольку субдискурс – это, по существу, (узко)профессиональный дискурс), может быть представлена следующим образом: спортивный дискурс – спортивный бойцовский (суб)дискурс – (суб)дискурсы смешанных единоборств, бокса, кикбоксинга, фехтования и т. д. При этом, принимая во внимание тот факт, что смешанные единоборства (англ. *mixed martial arts* – *MMA*), как свидетельствует само название этого вида спорта, представляют собой синтез боевых практик, можно предположить, что бойцовский дискурс и дискурс смешанных единоборств *a priori* имеют много общего.

В рамках настоящей статьи обратимся к дискурсу смешанных единоборств как разновидности спортивного дискурса, наиболее тесно связанной с идеей

⁷ В одном из стихотворений В.В. Маяковского политика даже названа «бестелым словом» [23, с. 119].

⁸ Ср. с термином «слово-амеба» [25, с. 75].

⁹ Объединяться могут даже боевой и неболевой спорт. Так, в начале XXI в. возник вид спорта под названием *шахбокс* (англ. *chess boxing* или *chessboxing*), изучение языка которого, в том числе с позиции дискурсивного анализа, на наш взгляд, интересно и актуально. С недавнего времени филологи также обращают внимание на киберспортивный дискурс [26, 27].

«борьбы», что, как отмечалось нами ранее, сближает политику и спорт. В ходе борьбы у личности есть пространство для выбора самых разных форм самоидентификации, в том числе и тех, которые традиционно свойственны аутсайдерам.

Обозначим способы актуализации интересующего нас концепта. Прежде всего, необходимо отметить, что лексема *outsider* встречается в спортивном дискурсе, где она употребляется в значении ‘спортсмен, у которого мало шансов на победу’, хотя, как видно из приводимого далее высказывания американского бойца смешанных единоборств М. Чендлера, семантические компоненты «незнакомец» и «незванный гость» могут тоже быть актуализированы:

Chandler: *You got the veteran in Charles Olivera who has a phenomenal resume. You got the new guy, the outsider, the dark horse, the underdog coming in who not just showed up to the party but kicked down to the door to the party of the lightweight division* (U 2021) (В лице Чарльза Оливейры перед вами – опытный боец, обладающий феноменальным резюме. В моем лице – **новичок, аутсайдер, темная лошадка и андердог, который не просто пришел на эту тусовку, а выбил ногой дверь в легкую весовую категорию**).

В данной реплике использовано сразу несколько синонимов, подчеркивающих аутсайдерский, маргинальный статус говорящего в мире спорта. Отзываясь уважительно о своем противнике, отмечая его высокий профессионализм, употребляя эпитет *phenomenal* по отношению к его резюме, М. Чендлер презентует себя в совершенно ином свете – он, в отличие от Ч. Оливеры, «темная лошадка»¹⁰, непредсказуемый боец, аутсайдер, от которого никто не ждет победы, но который, несмотря на это, уже доказал, что умеет побеждать. Американец, по его собственным словам, внезапно появился на «вечеринке смешанных единоборств» и «ногой вышиб дверь» в легкую весовую категорию. Употребление метафор, во-первых, подчеркивает развлекательный характер смешанных единоборств, ориентированных на получение и доставление удовольствия¹¹ (данный вид спорта уподобляется спортсменом, если использовать молодежный сленг, «тусовке»), а во-вторых, выполняет и имиджеобразующие функции – М. Чендлер предстает не просто аутсайдером, но и решительным, агрессивным человеком, способным крушить препятствия, стоящие на его пути [22, с. 150].

Тема готовности преодолевать любые сложности, по сути свидетельствующая об актуализации «дискурса в дискурсе» – мотивационного дискурса, важна для коммуникативного пространства смешанных единоборств, поскольку многие бойцы, прежде чем взойти на спортивный олимп, были вынуждены испытать бедность, расовую или половую дискриминацию, отсутствие признания и непонимание порой даже со стороны самых близких людей, что неизбежно вело к формированию их маргинальности. Даже по прошествии некоторого времени они сохраняют «аутсайдерские» черты характера, что проявляется, в частности, в их напористости в жизни и спорте – никакие поражения и преграды не могут остановить таких спортсменов, уверовавших в себя и свою миссию:

¹⁰ Фразеологизм *dark horse* может не только использоваться для характеристики бойцов, но и в результате метонимического переноса употребляться по отношению к проводимым ими поединкам: *You know, there is a lot of eye-catching bouts on this main card. This one could be the one that really stands out actually, a bit of a dark horse, maybe* (O 2022) (Знаешь, в главной секции наших соревнований много поединков, вызывающих интерес. Но этот поединок может отличаться от всех других: этот бой, по-видимому, непредсказуем).

¹¹ В этой связи актуальным представляется термин «спортейнмент» (от англ. *sport* – спорт + *en-tertainment* – развлечение) [4, с. 21].

When he was growing up, he was told over and over again: “You’re Bahraini. You cannot be a professional athlete”. And he thought to himself: ‘Why can’t I? Someday I’m gonna change it’. And now he has changed it. He’s fought for the world title. It was a controversial split decision, it didn’t go his way. But now he’s gonna bounce back, harder than ever... (В 2022) (Когда он рос, ему постоянно говорили: «Ты бахреинец. Ты не сможешь стать профессиональным спортсменом». А он думал про себя: «Почему я не смогу? Когда-нибудь я докажу обратное». И вот у него это получилось. Он сражался за титул чемпиона мира. Это было спорное раздельное решение не в его пользу. Теперь же он вернется сильнее, чем когда-либо);

Ср.: *Born and raised in really abject poverty... when he went to school he wore worn-out boots. His family only owned one pair of boots. So he’s gone from that to this, the biggest stage there is* (О 2022) (Он родился и вырос в крайней нищете... Ему приходилось ходить в школу в старых, поношенных ботинках, поскольку его семья могла позволить себе лишь одну пару обуви. Но он смог подняться из самых низов до участия в крупнейшем турнире по смешанным единоборствам).

В изучаемом аспекте особую важность имеет лексема *change*, которая непосредственно входит в концептуальное поле концепта “outsider” и значима при характеристике лиминальной, маргинальной личности, изначально ориентированной на перемены, выступающей агентом перемен. Концепт “outsider” актуализируется также с помощью приема контраста, например сравнения нищеты, которую спортсмен познал в детстве, и успеха, достигнутого им в смешанных единоборствах. Чтобы подчеркнуть степень нищеты, говорящим используются эпитеты (*abject poverty*, *worn-out boots*).

Дискурс смешанных единоборств, таким образом, выполняет важные социальные, мотивационные функции; в нем осуждаются расизм, сексизм и эйджизм, к примеру, благодаря идее о том, что «возраст – это просто цифра»:

Tonight the 43 year-old plans to silent the critics and prove once again: age is just a number (О 2022) (Сегодня вечером 43-летний боец намерен заставить критиков замолчать и снова доказать, что возраст – это просто цифра).

Актуализация концепта «аутсайдер» в приведенном высказывании соотносится как минимум с двумя возможными его интерпретациями. Во-первых, в поединке между 43-летним спортсменом (каким бы именитым он ни был) и его молодым противником наличествует определенное неравенство, обусловленное не только объективными факторами (в данном случае – возрастом), но и отношением общества к спортсменам «за 40»: мало кто всерьез верит, что они могут продолжать одерживать крупные победы (в рассматриваемом материале это выражено через семантику слова *critics*). Более того, людей, продолжающих после 40 лет профессионально заниматься спортом, – абсолютное меньшинство. Это приводит их к большему или меньшему маргинальному статусу в среде бойцов смешанных единоборств, коррелирующему с понятиями “underdog” и “outsider”. Во-вторых, что сам девиз «возраст – это просто цифра», актуализируемый и в других дискурсах, в приведенном контексте представляет собой вызов даже не столько более молодому сопернику, но прежде всего тем личностям и институтам, которые сознательно или бессознательно продвигают эйджизм как практику дискриминации. Бросая данный вызов, спортсмен рискует выступить именно в

роли аутсайдера, представителя незначительного – пусть и прогрессивного – меньшинства: ведь борясь против вредных стереотипов, получивших широкое распространение, он должен учитывать, что «большинство людей чувствуют необходимость в этих, по сути, ложных категориях и принимают их на веру, поскольку думать критически требует большого умственного напряжения, а противиться господствующему дискурсу – еще мужества» [2, с. 151].

Сами бойцы ММА часто не только одерживают победы в клетке, но и становятся шоуменами (актерами, музыкантами и т. д.) или же представляют молодому поколению модели поведения, показывая на личном примере, что трудности в жизни преодолимы, и становясь защитниками слабых:

We're looking here at Odi Delaney, a man who has had quite a ride in his life, who was bullied as a kid. He likes to advocate for kids who are bullied, who may be considering such awful act as suicide. He is a mental health advocate. <...> He wants to be a role model for people who have a similar experience to him when he was struggling (О 2022) (Перед нами Оди Дилейни – человек, который много пережил в жизни, которого в детстве травили. Он помогает детям, которые столкнулись с травлей и, возможно, задумываются о таком страшном поступке, как самоубийство. Он выступает за охрану психического здоровья. <...> Он стремится быть примером для всех тех, кто испытывает те же самые сложности, через которые ему когда-то пришлось пройти).

Осознание этой миссии – помогать людям, вдохновлять и мотивировать их – связано с личным опытом спортсменов, многие из которых пришли в мир смешанных единоборств, пережив драму, буквально побывав на грани самоубийства:

Delaney: I mean, I'm not in this for the glory or the money. I wanna help people. I've been in some really dark places in my life. I've been on the edge of suicide and I wanna bring and shed a light on that stuff to, maybe, save some lives (О 2022) (Я занимаюсь этим не ради славы и денег. Я хочу помогать людям. Я пережил очень тяжелые времена. Я был на грани самоубийства, и я хочу рассказать о том, что было со мной, чтобы, возможно, спасти кому-то жизнь).

Анализируемый концепт актуализируется в дискурсе смешанных единоборств не только с помощью лексических единиц *marginal* ('маргинал'), *agent of change/change-maker* ('сторонник перемен'), но и *new guy* ('новичок'), *dark horse* ('неизвестный боец'), *invader* ('пришелец'), а также слова *underdog* ('участник соревнований без шансов на победу'), уже встречавшегося в высказывании М. Чендлера. Приведем еще несколько примеров:

Known for both his social media annex along One-superstar Fairtex and the devastating power in his strikes Y Two K now faces another tough test in career; new-comer Seung Woo Choi (О 2022) (Вай Ту Кей [Йодкайкаев Фэйртекс] известен как своим приложением в соцсетях, в котором он снимается с суперзвездой промоушена One [Стэмп] Фэйртекс, так и разрушительной силой ударов. Но сейчас он смотрит в лицо новому серьезному испытанию в своей карьере – **дебютанту** Сен Ву Чою);

It's the new comer Katie Perez taking on the vet Lindsey VanZandt (I 2021) (Это поединок **новичка** Кэти Перез против ветерана Линдси ВанЗандт).

Антитеза, переданная через использование антонимов *new-comer* и *vet*, подчеркивает неравенство спортсменов (один обладает значительным опытом, а другой – выступает в роли аутсайдера, новичка).

Аутсайдеры в мире профессионального спорта только делают свои первые шаги, но они уже уверены в своей победе:

Making her Invicta FC debut tonight is Tabatha “Batgirl” Watkins. <...> She believes that she is the dark horse in tonight’s tournament (I 2021) (Сегодня вечером на арене промоушена «Инвикта» дебютирует Табата ‘Бэтгёрл’ Уоткинс. <...> Она уверена, что она темная лошадка в сегодняшнем турнире).

Иногда андердоги становятся «спойлерами» (от англ. *spoil* – ‘портить’) – людьми, разрушающими репутацию соперников, одерживающими блистательные победы, когда большинство фанатов поддерживают их противников. Причем коннотация слова *spoiler* в дискурсе смешанных единоборств скорее положительная, чем отрицательная:

What we’ve already seen with the Mahud that he has the potential of coming in here and be a massive spoiler (O 2022) (Мы уже видели, что у Махуда есть потенциальная возможность прийти сюда и стать невероятным спойлером).

Эпитет *massive* подчеркивает масштаб личности спортсмена, представляемого здесь, тем не менее, андердогом.

Типичный андердог бесстрашен и самоуверен. В следующем диалоге с помощью фразеологизма *the lion’s den* боец изображается человеком, отправляющимся в логово льва – родной город его противника, фаворита соревнований:

– ...*Phil, I was talking to El Burro today and he said, you know what, brother, people are overlooking me and people are gonna be surprised* (Фил, я говорил с Эль Бурро¹² сегодня, и он сказал: «Знаешь что, брат, люди недооценивают меня, и они будут удивлены»).

– *Oh, without a shadow of a doubt, Carlos, he is coming in here, exuding confidence. As I say, he would not take this fight, did he not feel like he were capable. But what he has is a unique opportunity to go in to the lion’s den, to put the pressure on the home town favorite* (B 2022) (Вне всяких сомнений, Карлос, он едет сюда, излучая уверенность в своих силах. Как я уже сказал, он не согласился бы на этот бой, если бы не чувствовал, что готов к нему. У него есть уникальная возможность зайти в логово льва и оказать давление на местного любимчика).

Другой фразеологизм, который может подчеркнуть аутсайдерский статус спортсмена, – *to have a chip on one’s shoulder*:

– *She’s almost dismissive of the atom weight champion in Alisha Zappitella. She’s got a chip on her shoulder...* (Она почти игнорирует чемпиона легчайшего веса Алишу Заппителлу. Она явно ищет повод для драки...)

– *Oh, she really does have a chip on her shoulder* (I 2021) (О да, она действительно ищет повод для драки...).

Концепт “outsider” в приведенном контексте актуализирован благодаря акценту на том факте, что именно аутсайдеры, находящиеся под сильным социальным и психологическим прессингом, готовы вести себя смело и вызывающе – не просто стремиться к поединку с более известными и успешными спортсменами, но и проявлять неуважение по отношению к ним.

С помощью метафор мир смешанных единоборств может изображаться иерархически организованной структурой, в которой, как и в политике, есть элиты, верхние эшелоны власти и, соответственно, место для аутсайдеров:

¹² Кличка латиноамериканского бойца. В переводе с исп.: «Ослик».

Big chance for two exciting atomweights to get into the win column and work towards the upper echelons of this division (O 2022) (У этих двух потрясающих бойцов легкого веса есть большой шанс победить и начать двигаться к верхним эшелонам своего дивизиона).

Таким образом, спортсмены-аутсайдеры, пока еще не принадлежащие к привилегированному кругу самых известных бойцов смешанных единоборств, с помощью политической метафоры обозначаемому «верхними эшелонами» (*the upper echelons*), имеют несомненный потенциал для профессионального роста.

Заключение

Концепт “outsider”, являющийся особо актуальным для сферы политики, спорта, популярной культуры, в частности музыкальных дискурсов, во многом остается малоизученным, несмотря на то что в силу маргинального, лиминального характера некоторых социальных и культурных процессов в XXI в. его значимость не вызывает сомнения.

На основе предпринятого анализа концептуальное поле концепта “outsider” можно изобразить следующим образом (см. рис. 1)¹³:

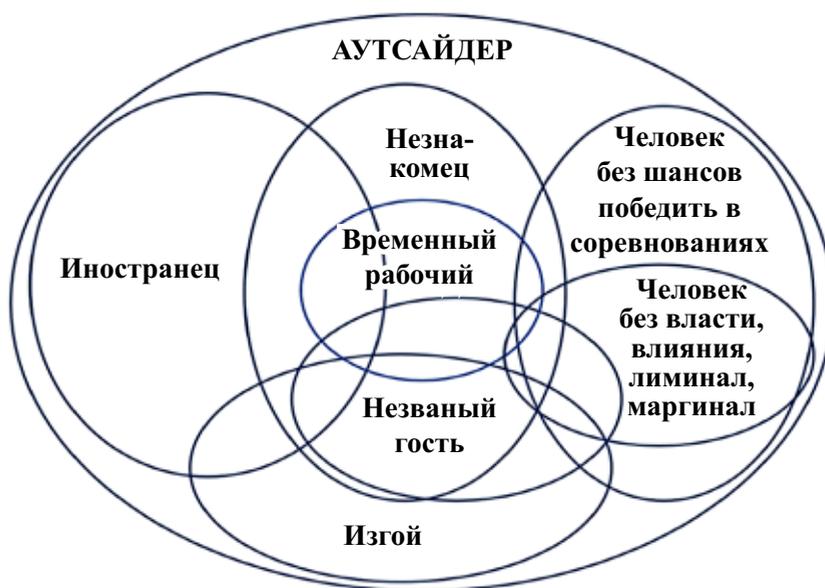

Рис. 1. Концептуальное поле “outsider”

В ходе исследования были установлены следующие положения:

– концепт “outsider” имеет сложную структуру; он образует обширное концептуальное поле, представленное различными концептуальными подполями;

– в политическом и спортивном дискурсах наиболее актуальными концептуальными подполями концепта “outsider” являются «человек без шансов победить»

¹³ В схеме используется русский язык, так как, по всей видимости, выделенные подполя значимы и для анализа неанглоязычных дискурсов.

в соревнованиях», «человек без власти, влияния, лиминал, маргинал», «незваный гость» и (в меньшей степени) «незнакомец» и «временный рабочий»¹⁴;

– ряд концептуальных подполей концепта “outsider”, например «иностранец» и «изгой», достаточно редко актуализируются в политическом и спортивном дискурсах;

– в области политической лингвистики изучение концепта «аутсайдер» может быть соотнесено с теорией маргинальности, видением маргинализации как коммуникативной стратегии, прагматически используемой политиками для манипулятивного представления себя не-политиками, самоидентификации с маргинальными и квазимаргинальными группами населения;

– в бойцовских спортивных дискурсах частотность лексических единиц, вербализующих – прямо или косвенно – концепт “outsider”, обусловлена тем, что агрессивными, а в представлении некоторых людей – откровенно жестокими – видами спорта часто занимаются люди, пережившие серьезный жизненный кризис, ищущие себя, оказавшиеся по причине бедности, расовой или какой-либо иной дискриминации в положении маргиналов и, как правило, частично преодолевающие свою маргинальность благодаря упорному труду, ведущему к спортивным успехам. С другой стороны, в самом мире спорта существует строгая иерархия, в которую начинающим профессиональным спортсменам, не имеющим громких побед, бывает нелегко вписаться, но даже при наличии определенных заслуг боец смешанных единоборств, выступая против более титулованного соперника, может оказаться аутсайдером, андердогом;

– спортивный и политический дискурсы имеют общую концептосферу, представленную такими концептами, как «аутсайдер», «борьба», «вызов», «соревнование», изучение которой в свете все более частой гибридации дискурсивных пространств представляет, на наш взгляд, несомненную актуальность.

Источники

W 2023 – Wordreference.com. Outsider. URL: <https://www.wordreference.com/definition/outsider>, свободный.

C 2023 – Cambridge dictionary. Underdog. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/underdog>, свободный.

L 2016 – LIVE Donald Trump Rally in San Diego, California FULL SPEECH HD STREAM, 27.05.2016. URL: <https://www.c-span.org/video/?410129-1/donald-trump-campaign-rally-san-diego-california>, свободный.

C 2015 – CNN Round 2 – 2nd Republican Presidential Debate, 16.09.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU>, свободный.

H 2015 – Hillary Clinton Says She Would Be a Political ‘Outsider’ as President, 20.09.2015. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/hillary-clinton-political-outsider-president/story?id=33898281>, свободный.

¹⁴ Это подполе актуализируется в политическом общении, когда претенденты на государственную должность утверждают, что они, будучи непрофессиональными политиками, не стремятся к политической власти и, по сути, являются в политике «случайными людьми», *вынужденными* заниматься решением острых социальных проблем. Примеры того, чтобы бойцы смешанных единоборств характеризовали себя как людей, временно занимающихся профессиональным спортом, нам не встретились, что кажется парадоксальным ввиду того, что карьера профессионального спортсмена не может длиться всю жизнь. Объясняется это тем, что быть *типичным* политиком сегодня – не модно и сопряжено с риском быть воспринятым в негативном свете; напротив, заниматься профессиональным спортом, одерживать победы в клетке MMA – весьма престижно.

- F 2016 – FULL EVENT: Donald Trump MASSIVE 20K Rally in Hershey, Pennsylvania, 04.11.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=nNpvdTfLgmY>, свободный.
- E 2017 – *Обухов А.* Екатерина Гордон собралась в президенты: «за права баб» // MKRU, 30.10.2017. URL: <https://www.mk.ru/politics/2017/10/30/ekaterina-gordon-sobralas-v-prezidenty-za-prava-bab.html>, свободный.
- A 2017 – Wahlkampfabschluss der AfD: Rede von Alice Weidel – 2017. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nryxvv-BFdM>, свободный.
- U 2021 – UFC 262 Countdown: Oliveira vs Chandler. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uYXKZ3XlgoY>, свободный.
- B 2022 – BRAVE CF 65: Rumble in The Kingdom | MMA LIVE STREAM | KOONEJI vs. MORA | Combat Federation | DAZN – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pHNDX-zzB1o4>, свободный.
- O 2022 – ONE: BAD BLOOD | Full Event, 11.02.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds>, свободный.
- I 2021 – Invicta FC: Phoenix Tournament: Atomweights | FULL EVENT, 12.06.2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo&ab_channel=InvictaFightingChampionships, свободный.

Литература

1. *Mackensen L.* Verführung durch Sprache: Manipulation als Versuchung. München: List Verlag, 1973. 327 S.
2. *Алексеев А.Б., Сорокина Э.А.* Языковая личность политика: особенности формирования и функционирования. М.: Русайнс, 2024. 442 с.
3. *Жувенель, Б. де.* Власть: естественная история ее возрастания / Пер. с фр. А.В. Матешук, В.П. Гайдамака. М.: Мысль, 2010. 540 с.
4. *Алексеев А.Б.* Дискурс смешанных единоборств в аспекте его развлекательности и метафоричности // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 146–159. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-4-146-159>.
5. *Алексеев А.Б., Сорокина Э.А.* Дискурс смешанных единоборств в аспекте изучения мягкой силы // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 17–32. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2023-4-17-32>.
6. *Левин Е.А.* Феномен политизации шахматного спорта в СССР // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 11. С. 87–98. <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-politizatsii-shahmatnogo-sporta-v-sssr/viewer>, свободный.
7. *Седов К.Ф.* Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Изд. дом ЯСК, 2016. 438 с.
8. *Лао Цзы.* Дао дэ Цзин // Лао-Цзы. URL: http://www.lib.ru/POECHIN/laol.txt_with-big-pictures.html#1, свободный.
9. *Робертс Э.* Наполеон: биография / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 940 с.
10. *Алексеев А.Б.* Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 96–111. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111>.
11. *Пак Л.Е.* Дискурс спортивного комментария на английском и русском языках: лексические особенности // Территория новых возможностей. Вестн. Владивост. гос. ун-та. 2022. Т. 14, № 4 (64). С. 210–218. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2022-4/210-218>.
12. *Алексеев А.Б.* Агрессивизация и людизация политического дискурса в свете изучения политеймента // Вестн. МГПУ. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. № 4 (52). С. 170–185. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.13>.

13. *Фефелов А.Ф.* Лексико-семантическое поле post-truth в пространстве от истины до правды // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 83–101. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101>.
14. *Самойлова А.В.* Лингвопрагматика англоязычных политических неологизмов // Язык и социум: динамика взаимоотношений. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2022. С. 194–212.
15. *Вафин А.М.* Политические маргиналы в России и Европе: Лимонов, Фортейн, Кон-Бендит и другие случаи. М.: Канон+, 2016. 148 с.
16. *Foucault M.* The History of Sexuality. V. 1: An introduction. New York, NY: Pantheon Books, 1978. 168 p.
17. *Gilyard K.* True to the Language Game. African American Discourse, Cultural Politics and Pedagogics. New York, NY: Routledge, 2011. 336 p.
18. *Боголюбов А.Ф.* Bring Us Deliverance, Spry! (прочтения *Марша шпионов* Киплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153>.
19. *Кондакова Е.А., Принципалова О.В.* Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 143–156. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-2-143-156>.
20. *Leech G.* The Pragmatics of Politeness. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. 343 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195341386.001.0001>.
21. *Фефелов А.Ф.* Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политкорректной правки // Вестн. НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12 №. 2. С. 40–49.
22. *Ünlü Ç.* Amerikanvari seçim sonu konuşmalarının milli bir örneği olarak ‘Balkon Konuşmaları’: 2014 cumhurbaşkanlığı seçimi konuşması üzerine retoriksel bir analiz. URL: <http://iletisimdergisi.gsu.edu.tr/pub/issue/27119/285313>, свободный.
23. *Маяковский В.В.* Сила класса, слава класса: стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1983. 333 с.
24. *Hudson K.* The Language of Modern Politics. London: Macmillan Press, 1978. 167 p.
25. *Шагбанова Х.С.* Языковые средства манипулирования // Теория и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 5А. С. 72–80. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.67.69.010>.
26. *Мальцева И.А.* Популяризация киберспорта как спортивной дисциплины: медийный аспект // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 1, № 1 (37). С. 89–97. https://doi.org/10.51965/20767919_2022_1_1_89.
27. *Мальцева И.А., Лебединская В.Г.* Развитие киберспортивной журналистики в контексте становления спортивного дискурса: опыт анализа медиатекста регионального сетевого издания «Юга.ру» // Вестн. Чувашск. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2022. № 1 (114). С. 84–90. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2022.114.1.012>.

Поступила в редакцию 25.08.2023

Принята к публикации 25.10.2023

Алексеев Александр Борисович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, доцент кафедры профессиональной языковой подготовки

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

пр. Вернадского, 84, стр. 1., Москва, 119606, Россия

E-mail: neuausstatten@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.47-65

**The Concept of “Outsider” in Political and Sports Discourses
(Based on the English Language)**

A.B. Alexeyev

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, 119606 Russia*

E-mail: *neuausstatten@mail.ru*

Received August 25, 2023; Accepted October 25, 2023

Abstract

This article outlines the results of a study on the concept of “outsider” in English political and sports discourses. The concept’s domain was found to be based on such major subdomains as “foreigner”, “intruder”, and “outcast”. Nevertheless, it also includes some positive associations evoked when negative connotations of the term *outsider* are not emphasized. In fact, in politics, the lexeme *outsider* and the concept it captures are often linked to positive attributes. The obtained results are in line with those covering the phenomenon of (self-)marginalization within political rhetoric but appear not to be limited to it. In mixed martial arts discourse, the concept of “outsider” is also vague; yet, due to a growing interest in the triumphs of dark-horse contenders, it is regularly employed by communicators, i.e., athletes and sports commentators.

Keywords: outsider, manipulation, fringe, marginalization, political discourse, sports discourse, mixed martial arts

Figure Captions

Fig. 1 Conceptual domain of “outsider”.

References

1. Mackensen L. *Verführung durch Sprache: Manipulation als Versuchung*. München, List Verlag, 1973. 327 S. (In German)
2. Alexeyev A.B., Sorokina E.A. *Yazylovaya lichnost' politika: osobennosti formirovaniya i funkcionirovaniya* [Linguistic Identity of the Politician: Formation and Functioning]. Moscow, Ru-Science, 2024. 442 p. (In Russian)
3. de Jouvenel B. *Vlast': estestvennaya istoriya ee vozrastaniya* [On Power: The Natural History of Its Growth]. Moscow, Mysl', 2010. 540 p. (In Russian)
4. Alexeyev A.B. Mixed martial arts discourse from the perspective of its entertaining nature and figurativeness. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i Mezhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 146–159. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-4-146-159>. (In Russian)
5. Alexeyev A.B., Sorokina E.A. Mixed martial arts discourse in connection with the study of soft power. *Voprosy Sovremennoi Lingvistiki*, 2023, no. 4, pp. 17–32. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2023-4-17-32>. (In Russian)
6. Levin E.A. The phenomenon of politicization of chess in the Soviet Union. *Sovremennye Issledovaniya Sotsial'nykh Problem*, 2015, no. 11, pp. 87–98. (In Russian)

7. Sedov K.F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and Anthropological Linguistics]. Moscow, Izd. Dom YaSK, 2016. 438 p. (In Russian)
8. Laozi. Tao Te Ching. In: *Laozi*. URL: http://www.lib.ru/POECHIN/lao1.txt_with-big-pictures.html#1. (In Russian)
9. Roberts A. *Napoleon: biografiya* [Napoleon: A Life]. Moscow, Alpina Non-Fiction, 2023. 940 p. (In Russian)
10. Alexeyev A.B. The political marginalization as a communicative strategy of power domination in political discourse. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i Mezhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 96–111. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111>. (In Russian)
11. Pak L.E. Sportscasting discourse in English and Russian: Lexical features. *Territoriya Novykh Vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2022, vol. 14, no. 4 (64), pp. 210–218. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2949-1258/2022-4/210-218>. (In Russian)
12. Alexeyev A.B. Aggressivization and ludization of political discourse in the light of politainment studies. *Vestnik MGPU. Seriya: "Filologiya. Teoriya Yazyka. Yazykovoe Obrazovanie"*, 2023, no. 4 (52), pp. 170–185. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.13>. (In Russian)
13. Fefelov A.F. The lexico-semantic field of post-truth in socio-political discourse. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i Mezhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 83–101. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101>. (In Russian)
14. Samoylova A.V. Linguopragmatics of English political neologisms. In: *Yazyk i sotsium: Dinamika vzaimootnoshenii* [Language and Society: The Dynamics of Interplay]. Krasnodar, Kuban. Gos. Univ., 2022, pp. 194–212. (In Russian)
15. Vafin A.M. *Politicheskie marginaly v Rossii i Evrope: Limonov, Fortein, Kon-Bendit i drugie sluchai* [Political Fringes in Russia and Europe: Limonov, Fortuyn, Cohn-Bendit, and Others]. Moscow, Kanon+, 2016. 148 p. (In Russian)
16. Foucault M. *The History of Sexuality*. Vol. 1: An introduction. New York, NY, Pantheon Books, 1978. 168 p.
17. Gilyard K. *True to the Language Game: African American Discourse, Cultural Politics and Pedagogics*. New York, NY, Routledge, 2011. 320 p.
18. Bogolyubov A.F. Bring Us Deliverance, Spy! (interpretations of *The Spies' March* in time of the media war and pandemic). *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i Mezhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 132–153. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153>. (In Russian)
19. Kondakova E.A., Printsipalova O.V. Discourse on the linguistic implementation of the principles of political correctness in German political linguistics. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i Mezhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 143–156. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-2-143-156>. (In Russian)
20. Leech G. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2014. 343 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195341386.001.0001>.
21. Fefelov A.F. Dialectics of race and racism markers in “The Adventures of Tom Sawyer” and “The Adventures of Huckleberry Finn” by Mark Twain. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i Mezhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 40–49. (In Russian)
22. Ünlü Ç. Balcony speech as an example of American-style postelection speech: A rhetorical analysis of the balcony speech during Turkey’s 2014 presidential election campaign. URL: <http://iletisimdergisi.gsu.edu.tr/tr/pub/issue/27119/285313>. (In Turkish)
23. Mayakovskiy V.V. *Sila klassa, slava klassa: stikhotvoreniya i poemy* [Class Power, Class Fame: Verses and Poems]. Moscow, Sovremennik, 1983. 333 p. (In Russian)
24. Hudson K. *The Language of Modern Politics*. London, Macmillan Press, 1978. 167 p.
25. Shagbanova Kh.S. Linguistic manipulations. *Teoriya i Problemy Politicheskikh Issledovaniy*, 2020, vol. 9, no. 5A, pp. 72–80. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.67.69.010>. (In Russian)

26. Mal'tseva I.A. Promoting esports as a separate discipline: The media's role. *Vestnik Volzhskogo Universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, 2022, vol. 1, no. 1 (37), pp. 89–97. https://doi.org/10.51965/20767919_2022_1_1_89. (In Russian)
27. Mal'tseva I.A., Lebedinskaya V.G. The rise of esports journalism in the context esports discourse development: A media text analysis of Yuga.ru, the regional online media. *Vestnik Chuvashskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta imeni I.Ya. Yakovleva*, 2022, no. 1 (114), pp. 84–90. <https://doi.org/10.26293/chgpu.2022.114.1.012>. (In Russian).
-

⟨ **Для цитирования:** Алексеев А.Б. Концепт “outsider” в политическом и спортивном дискурсах (на материале английского языка) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 47–65. <https://doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.47-65>. ⟩

⟨ **For citation:** Alexeyev A.B. The concept of “outsider” in political and sports discourses (based on the English language). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 47–65. <https://doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.47-65>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.66-79

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ И НЕМЕЦКИЙ
ЯЗЫКИ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ЛЕКСИКО-
СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. ТЕККЕРЕЯ
«ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ»)**

Т.Л. Лукоянова, Л.И. Гиматова, Ю.К. Лукоянова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье проанализирована специфика функционирования глаголов поведения человека в тексте художественного произведения и исследованы особенности их перевода. На основе лексикографических источников предпринята попытка выделения лексико-семантической группы глаголов поведения человека в английском, русском и немецком языках, составлена семантическая классификация выделенных глаголов. На основе проведенного анализа особенностей употребления глаголов данной группы в романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» сделан вывод о том, что использование глаголов поведения в художественном произведении отражает картину мира писателя. Рассмотрены переводческие трансформации, примененные при переводе романа на русский и немецкий языки, выделены и проанализированы наиболее неординарные и показательные случаи перевода. Сопоставительный анализ переводов романа на русский и немецкий языки позволил заключить, что перевод на немецкий язык является более дословным и близким к оригиналу, чем на русский. При переводе на русский язык использовано большое количество трансформаций, передающих смысл, заложенный автором, а не точное словарное значение слов оригинала.

Ключевые слова: переводческие трансформации, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, ЛСГ глаголов поведения человека, лексикографические источники, У. Теккерей «Ярмарка тщеславия»

Достижение адекватности при переводе художественной литературы зачастую требует принятия нестандартных переводческих решений, поскольку использование словарного эквивалента той или иной лексемы не всегда позволяет передать контекстуальные оттенки значения и произвести на читателя эстетическое впечатление, эквивалентное производимому оригиналом текста. В связи с этим часто применяются различные переводческие трансформации, то есть такие варианты перевода, «когда соответствие создает переводчик, исходя из смысла речевой единицы» [1, с. 151].

Помимо особенностей контекста, выбор способа перевода зависит и от степени близости языка оригинала и языка перевода: мы исходим из предположения о том, что чем сильнее различие между языками, тем более разнообразные трансформации приходится применять переводчику. Чтобы проверить эту гипотезу

тезу, в данной работе мы обратились к рассмотрению перевода художественного текста с английского на русский и немецкий языки.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей перевода глаголов поведения и сопоставление способов их перевода с английского языка на русский и на немецкий. Выбор в качестве объекта исследования именно глаголов поведения обусловлен тем, что они являются очень употребительными и описывают деятельность человека практически во всех сферах жизни. В художественных произведениях глаголы поведения играют важную роль, поскольку описание поведения литературного героя является одним из основных способов создания художественного образа, а также отражает картину мира писателя. Следовательно, при переводе произведения на иностранный язык глаголам поведения необходимо уделять особое внимание.

Глаголы поведения составляют лексико-семантическую группу (ЛСГ) – «класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент (или компоненты) и типовые уточняющие (дифференциальные) компоненты, а также характеризующихся сходством сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности» [2, с. 7]. ЛСГ образуются вокруг слова с наиболее общими, широкими семантическими признаками (идентификатора, или архилексемы). Оно называет родовое, обобщающее понятие для всех слов, входящих в данную группу. Являясь составной частью более крупного класса слов – лексико-семантического поля, в которое, в отличие от ЛСГ, входят слова разных частей речи, – ЛСГ, в свою очередь, могут включать в себя более мелкие образования. В частности, в такой обширной и разнообразной по составу лексико-семантической группе, как глаголы поведения, можно выделить множество подгрупп в зависимости от того, какое поведение описывают входящие в нее глаголы.

Глаголы поведения в русском языке были описаны достаточно подробно в работах Э.В. Кузнецовой [2], Л.М. Васильева [3], О.М. Исаченко [4] и других исследователей. Английские и немецкие глаголы поведения были изучены в меньшей степени. Например, американский лингвист Бет Левин, автор одной из наиболее подробных классификаций английской глагольной лексики, включающей 48 семантических классов, не выделяет глаголы поведения в качестве отдельного класса, а рассматривает некоторые из них (*act, behave masquerade, pose* и др.) в составе группы “*masquerade verbs*” [5]. Среди русскоязычных исследователей глаголами поведения в английском языке занимались, в частности, Ю.А. Спиридонова [6] и А.М. Айдарова [7], в немецком языке – Л.И. Гришаева [8] и Л.В. Фадеева [9]. Однако изучение глаголов поведения в большинстве этих работ «носит лишь фрагментарный характер» [7, с. 11]. Наиболее комплексный анализ представлен в диссертации А.М. Айдаровой, в данной работе ученый также приводит единую классификацию для глаголов английского, русского и татарского языков.

В настоящей статье при выделении ЛСГ глаголов поведения в русском языке за основу был взят «Толковый словарь русских глаголов» под редакцией Л.Г. Бабенко (ТСРГ, с. 420–434), а также «Большой толковый словарь русского языка» (БТС). Классификация русских глаголов поведения была составлена на основе «Толкового словаря русских глаголов» и классификации,

предложенной Л.М. Васильевым [3]. При выделении ЛСГ глаголов поведения мы опирались на толковые словари английского языка: Оксфордский словарь (ODE), Merriam-Webster (MWCT) и др., а также немецкого языка: Duden (D.), Brockhaus Wahrig Deutsches Wörterbuch (BWDW) и др. Классификация английских и немецких глаголов поведения была составлена нами при помощи метода компонентного анализа (то есть выделения в толковании слова определенных компонентов значения).

Из упомянутых лексикографических источников были выбраны глаголы, в толковании которых присутствует идентификатор анализируемой ЛСГ (*vesti себя; to behave; sich benehmen, sich verhalten*), затем были отобраны глаголы, в толкование которых входят выделенные ранее лексемы (например: *treat – ‘behave towards or deal with in a certain way’, abuse – ‘treat with cruelty or violence, especially regularly or repeatedly’*), после чего с помощью синонимических словарей ((ODSA) и др.) к полученным глаголам были подобраны их синонимы. Далее глаголы из полученного списка были разделены на подгруппы, каждая из которых характеризует тот или иной тип поведения.

Из толковых и синонимических словарей английского языка нами был выбран 221 глагол с семантикой поведения. Эти единицы были разделены на следующие подгруппы: глаголы неестественного поведения (30 глаголов: например, *pretend, imitate, simulate*); глаголы безответственного поведения (28 глаголов: *dawdle, idle, mess around* и др.); глаголы честного/нечестного поведения (26 глаголов: *cheat, deceive, trick* и др.); собственно глаголы поведения (18 глаголов: *act, behave, conduct oneself* и др.); глаголы нескромного, высокомерного поведения (18 глаголов: *domineer, patronize, show off* и др.); глаголы нормативного/ненормативного поведения (17 глаголов: *act out, govern oneself, misbehave* и др.); глаголы подбострастного поведения (17 глаголов: *fawn, grovel, ingratiate oneself* и др.); глаголы решительного/нерешительного поведения (14 глаголов: *assert oneself, falter, hesitate* и др.); глаголы поспешного/медлительного поведения (13 глаголов: *dally, hasten, rush* и др.); глаголы иррационального поведения (12 глаголов: *freak, fume, rage* и др.); глаголы жестокого поведения (12 глаголов: *abuse, brutalize, maltreat* и др.); глаголы поведения, связанного с флиртом (9 глаголов: *coquet, flaunt oneself, flirt* и др.); глаголы вызывающего поведения (4 глагола: *camp, look for trouble, pick a fight* и др.); глаголы неуместного поведения (3 глагола: *flounder, fumble, make a fool of oneself*).

В русском языке было выделено 247 глаголов поведения, которые были классифицированы на следующие подгруппы: глаголы скромного/нескромного поведения (30 глаголов: *важничать, зазнаваться, скромничать* и др.); глаголы неуравновешенного, иррационального поведения (27 глаголов: *безумствовать, буянить, неистовствовать* и др.); глаголы неискреннего поведения (25 глаголов: *лицемерить, скрытничать, фальшивить* и др.); глаголы самовольного, упрямого поведения (25 глаголов: *капризничать, самовольничать, самодурствовать* и др.); глаголы неестественного поведения (21 глагол: *жеманиться, ломаться, манерничать* и др.); глаголы несерьезного поведения (21 глагол: *баловаться, повесничать, проказничать* и др.); глаголы нормативного/ненормативного поведения (18 глаголов: *беззаконничать, вытворять, юродствовать* и др.); глаголы грубого, жестокого поведения

(15 глаголов: *grubить, лютовать, свирепствовать* и др.); глаголы нечестного поведения (13 глаголов: *дурачить, мошенничать, плутовать* и др.); глаголы безответственного поведения (10 глаголов: *бездельничать, дармоедничать, сибаритствовать* и др.); глаголы храброго/трусливого поведения (9 глаголов: *бравировать, геройствовать, осторожничать* и др.); собственно глаголы поведения (9 глаголов: *вести себя, действовать, поступать* и др.); глаголы безнравственного поведения (8 глаголов: *грешить, пакостничать, подличать* и др.); глаголы вежливого, ласкового поведения по отношению к кому-либо (6 глаголов: *любезничать, нежничать, сентиментальничать* и др.); глаголы излишне расчетливого поведения (6 глаголов: *жадничать, крохоборничать, скупиться* и др.); глаголы поведения в интеллектуальной сфере (4 глагола: *глупить, наивничать, умничать* и др.).

ЛСГ глаголов поведения в немецком языке насчитывает 194 единицы, которые мы разделили на следующие подгруппы: собственно глаголы поведения (23 глагола: *sich benehmen, sich verhalten, tun* и др.); глаголы высокомерного поведения (22 глагола: *angeben, prahlen, sich wichtigmachen* и др.); глаголы неестественного, неискреннего поведения (21 глагол: *nachahmen, sich verstellen, simulieren* и др.); глаголы хорошего/плохого поведения по отношению к кому-либо (18 глаголов: *misshandeln, plagen, schonen* и др.); глаголы нечестного поведения (16 глаголов: *betrügen, irreführen, täuschen* и др.); глаголы иррационального поведения (16 глаголов: *durchdrehen, spinnen, wüten* и др.); глаголы нормативного/ненормативного поведения (14 глаголов: *sich danebenbenehmen, sich vorbeibenehmen, wildeln* и др.); глаголы безответственного поведения (13 глаголов: *aalen, faulenzeln, trödeln* и др.); глаголы с общим значением «добиться ч.-л. своим поведением» (11 глаголов: *hochdienen, sich blamieren, sich kompromittieren* и др.); глаголы поспешного/медлительного поведения (11 глаголов: *hasten, hetzen, zögern* и др.); глаголы подобострастного поведения (10 глаголов: *einschmeicheln, kriechen, schweifwedeln* и др.); глаголы поведения, связанного с флиртом (7 глаголов: *flirten, kokettieren, liebäugeln* и др.); глаголы умелого/неумелого поведения (6 глаголов: *lavieren, taktieren, tölpeln* и др.); глаголы расчетливого поведения (6 глаголов: *knapsen, haushalten, sparen* и др.).

Необходимо отметить, что некоторые семантические подгруппы были обнаружены во всех трех языках (например, глаголы безответственного поведения), другие же специфичны лишь для одного из рассматриваемых языков. Так, глаголы поведения в интеллектуальной сфере были выявлены лишь в русском языке, что, однако, не говорит о том, что в английском и немецком языках у глаголов этой подгруппы отсутствуют переводческие эквиваленты. В английском и немецком эквиваленты у этих глаголов имеются, но в их словарных дефинициях отсутствуют необходимые семантические компоненты, позволяющие отнести их к ЛСГ глаголов поведения.

Анализ особенностей перевода глаголов лексико-семантической группы «Поведение человека» был выполнен на материале оригинального текста романа Уильяма Мейкписа Теккерея “Vanity Fair” («Ярмарка тщеславия») и текстов его переводов на русский и немецкий языки. В данном романе, отличающемся «широтой реалистического охвата действительности и глубиной сатиры» [10, с. 69], автор изобличает такие личностные и общественные пороки, как гордыня, лицемерие, честолюбие и лживость. Обозначенные качества находят выражение

в поведении персонажей, для описания которого писателем было использовано большое количество разнообразных глаголов поведения, представляющих интересный и обширный материал для исследования.

Роман, впервые опубликованный в 1848 г., неоднократно переводился как на русский, так и на немецкий языки. Известны переводы на русский язык И.И. Введенского, В. Штейна, Л. Гея и М. Дьяконова. Мы остановились на рассмотрении русского перевода М. Дьяконова, выполненного в 1933–1934 гг., являющегося на сегодняшний день последним и считающегося «каноническим» [11, с. 198]. Наиболее известным переводом на немецкий язык является перевод, выполненный Кристофом Фридрихом Грайебом в 1851 г. Именно этот перевод мы выбрали для анализа.

В тексте оригинала романа были выделены все глаголы, входящие в составленную нами ранее ЛСГ глаголов поведения в английском языке. Всего в романе было насчитано 67 подобных единиц, употребленных 222 раза. Наиболее частотными оказались следующие глаголы: *treat* (23 словоупотребления), *condescend* (19 словоупотреблений), *act* (13 словоупотреблений), *patronise* (13 словоупотреблений), *cheat* (12 словоупотреблений), *bully* (10 словоупотреблений). В то же время некоторые глаголы, например, *vilipend* и *carouse*, были употреблены в тексте романа всего по одному разу.

Частотность того или иного глагола в художественном тексте зависит среди прочего от стиля автора и жанровых, сюжетных и идейных особенностей произведения. Для того чтобы найти связь между названными параметрами произведения и частотностью употребления тех или иных глаголов, мы определили, к какой семантической подгруппе относится каждый использованный в романе глагол (в соответствии с приведенной выше классификацией английских глаголов поведения), и подсчитали количество единиц в каждой подгруппе. Нами были получены следующие результаты:

- собственно глаголы поведения (52 словоупотребления);
- глаголы нескромного, высокомерного поведения (46 словоупотреблений);
- глаголы нечестного поведения (28 словоупотреблений);
- глаголы неестественного поведения (27 словоупотреблений);
- глаголы жестокого поведения (27 словоупотреблений);
- глаголы безответственного поведения (13 словоупотреблений);
- глаголы поспешного/медлительного поведения (9 словоупотреблений);
- глаголы подобострастного поведения (6 словоупотреблений);
- глаголы иррационального поведения (5 словоупотреблений);
- глаголы поведения, связанного с флиртом (4 словоупотребления);
- глаголы неумелого поведения (3 словоупотребления);
- глаголы нерешительного поведения (2 словоупотребления);
- глаголы ненормативного поведения (1 словоупотребление).

Таким образом, наиболее объемной оказалась группа собственно глаголов поведения (*to act, to behave, to conduct oneself*), которые сами по себе никак не характеризуют описываемое ими действие, а требуют дополнений и обстоятельств, содержащих его оценку. Например, в предложении “*She had behaved most cruelly regarding him*” (V.F., p. 643) («Она обошлась с ним страшно жестоко» (Я.Т.)) фактически описывается жестокое поведение героини, однако это значение передается при помощи наречия *cruelly*, а сам

глагол *to behave* не имеет в своем значении семы «вести себя жестоко» и относится к собственно глаголам поведения.

Помимо собственно глаголов поведения, не содержащих в своем значении никакой оценочной коннотации, объемными в количественном отношении группами оказались глаголы высокомерного, нечестного и неестественного поведения. Этот факт можно объяснить тем, что У. Теккерей, изображая и обличая лживое, снобистское общество, часто описывает притворство и лицемерие героев, их подострастие по отношению к вышестоящим лицам и презрительное, снисходительное обращение по отношению к нижестоящим.

Анализируя переводы романа на русский и немецкий языки, мы выделили следующие переводческие приемы:

- использование словарного эквивалента (то есть слова, которое указано в качестве варианта перевода в двуязычных словарях, таких как англо-русский словарь В.К. Мюллера (М.) и англо-немецкий словарь PONS (P.));

- синоним словарного эквивалента (то есть слово, не приведенное в двуязычных словарях в качестве словарного эквивалента, но являющееся синонимом одного из словарных эквивалентов);

- лексическая замена – единица языка перевода, которая не передает точное значение исходного слова, но может быть выведена из него логически (к подобным заменам Я.И. Редкер относит дифференциацию, конкретизацию и генерализацию значений, смысловое развитие, компенсацию, антонимический перевод и целостное преобразование [12, с. 45]);

- грамматическая замена (в том числе передача единицы исходного языка единицей языка перевода, относящейся к иной части речи);

- опущение (отказ от использования соответствующих лексических единиц в языке перевода).

Перечисленные приемы были использованы в следующем соотношении (см. табл. 1):

Табл. 1.

Переводческие приемы в романе «Ярмарка тщеславия»

Прием	Количество словоупотреблений	
	в переводе на русский язык	в переводе на немецкий язык
Словарный эквивалент	105–47%	124–56%
Синоним словарного эквивалента	27–12%	41–18.5%
Лексическая замена	67–30%	42–19%
Грамматическая замена	17–8%	14–6%
Опущение	6–3%	1–0.5%

Как видно из таблицы, при переводе на оба языка чаще всего был использован словарный эквивалент исходной леммы, однако в немецком языке к данному приему прибегали чаще, чем в русском (47% и 56% соответственно). Как

лексические, так и грамматические замены были использованы в русском чаще, чем в немецком, это свидетельствует о том, что переводчику на русский язык чаще приходится искать необычные переводческие решения. Можно предположить, что этот факт связан с большими различиями между английским и русским языками, чем между английским и немецким, следовательно, слова, формально являющиеся словарными эквивалентами в английском и русском языках, по сравнению с английским и немецким, чаще имеют разные функциональные особенности и не могут употребляться в аналогичных контекстах.

Отметим, что лексемы, использованные переводчиком, в языке перевода не всегда относятся к ЛСГ глаголов поведения: в русском переводе таковые составляют 51% переводческих соответствий глаголам поведения в оригинальном тексте, не являются таковыми 40% (в оставшихся 9% случаев глагол при переводе был либо опущен, либо передан другой частью речи). На немецкий язык английские глаголы поведения переводятся глаголами, также относящимися к ЛСГ глаголов поведения, в 59% случаев; глаголами, не относящимися к данной ЛСГ, – в 34% случаев; переводятся другими частями речи или опускаются в 7% случаев (см. табл. 2). Данное наблюдение еще раз подтверждает тот факт, что немецкий перевод романа «Ярмарка тщеславия» более близок к тексту оригинала, чем русский.

Табл. 2.

Глаголы поведения в оригинале и переводах романа «Ярмарка тщеславия»

	В переводе на русский язык	В переводе на немецкий язык
Переводческий эквивалент – глагол поведения	113–51%	131–59%
Переводческий эквивалент – глагол другой ЛСГ	89–40%	75–34%
Переводческий эквивалент – не глагол	20–9%	16–7%

Обратимся к рассмотрению конкретных примеров, которые, с нашей точки зрения, заслуживают внимания.

Классический пример грамматической замены представляет собой перевод английского глагола *to abuse* на русский язык в следующих предложениях:

'Figs' was the fellow whom he despised most, and with whom, though always abusing him, and sneering at him, he scarcely ever condescended to hold personal communication (V.F., p. 37). / «Сливу», иначе говоря, Доббина, он особенно презирал и ни разу даже не обратился к нему по-человечески, ограничиваясь насмешками и издевательствами (Я.Т.);

Whereupon the dispute ended – as many scores of such conversations between Osborne and his friend had concluded previously – by the former declaring there was no possibility of being angry with Dobbin long, and forgiving him very generously

after **abusing** him without cause (V.F., p. 223). / Спор их, как и десятки подобных разговоров между Осборном и его другом, закончился тем, что Джордж объявил, что на Дobbина нельзя долго сердиться, и великодушно простил ему **обиды**, которые сам же нанес без всякого к тому основания (Я.Т.).

В обоих случаях переводчик принял решение заменить глагол существительным со схожим значением – то есть лексемой, принадлежащей к тому же лексико-семантическому полю, что и исходное слово, но не входящей в ту же ЛСГ.

При этом в немецком переводе в обоих случаях был использован словарный эквивалент английского глагола *to abuse* – глагол *beschimpfen*:

»Feige« war der Junge, den er am meisten verachtete und mit dem er sich kaum je herabließ, persönlich zu verkehren, obwohl er ihn stets **beschimpfte** und auslachte (J.E.1);

Damit endete der Streit – wie schon Hunderte von Unterredungen zwischen den beiden Freunden früher geendet hatten: Osborne erklärte, es sei unmöglich, mit Dobbins lange böse zu sein, und verzieh ihm großmütig, nachdem er ihn ohne allen Grund **beschimpft** hatte (J.E.1).

Иногда грамматические замены применяются в обоих языках, как, например, при переводе глагольного сочетания *to give oneself airs*:

They say that Glorvina **gives herself airs**, and that Peggy herself is intolerably domineering (V.F., p. 408). / Они говорили, что Глорвина чересчур заносчива, а сама Пегги нестерпимо властолюбива (Я.Т.). / Sie sagen, Glorvina sei schrecklich **eingebildet** und Peggy selbst unerträglich befehlshaberisch (J.E.2).

На наш взгляд, перевод глагольного выражения при помощи прилагательного в данной ситуации вполне уместен, поскольку таким образом создается синтаксический параллелизм со второй частью предложения, содержащей прилагательное.

В некоторых случаях в силу различия грамматического строя языков оригинала и перевода грамматическая трансформация является, вероятно, единственным возможным способом перевода. Так, в следующем примере в оригинальном тексте присутствует герундий – специфическая для английского языка глагольная форма, совмещающая в себе признаки глагола и существительного. Поскольку подобная форма отсутствует в русском и немецком языках, при переводе она была заменена соответствующими существительными:

Who has not remarked the readiness with which the closest of friends and honestest of men suspect and accuse each other of **cheating** when they fall out on money matters? (V.F., p. 160) / Кто не замечал, с какой готовностью ближайшие друзья и честнейшие люди подозревают и обвиняют друг друга в обмане, как только дело коснется денежных расчетов! (Я.Т.) / Wer hat nicht schon bemerkt, mit welchem Eifer sich die intimsten Freunde und die ehrlichsten Menschen verdächtigen und sich gegenseitig des **Betruges** beschuldigen, wenn sie sich wegen Geldsachen überwerfen (J.E.1).

Даже если в переводе представляется уместным использование словарного эквивалента, необходимо учитывать различия грамматической и лексической сочетаемости слов в разных языках. В частности, в следующем примере английский глагол *to affect* был переведен на русский язык его словарным эквивалентом *притворяться*, а на немецкий – синонимом словарного эквивалента *sich stellen*, при этом структуре «глагол + существительное» в русском языке соответствует структура «глагол + придаточное предложение», а в немецком – «глагол + прилагательное»:

'The King of France is at Ghent, fellow,' replied Jos, **affecting incredulity** (V.F., p. 283). / Французский король в Генте, – возразил Джоз, **притворяясь, что не верит вздорным слухам** (Я.Т.). / »Der König von Frankreich ist in Gent, Kerl«, **entgegnete Joseph mit einem Versuch, sich ungläubig zu stellen** (J.E.1).

Примером применения лексической замены является перевод на русский язык структуры *to behave (somehow) to somebody* ('вести себя (каким-либо образом) по отношению к кому-либо') при помощи глаголов *обращаться (как-либо с кем-либо)*, *обходиться (как-либо с кем-либо)* и *относиться (как-либо к кому-либо)*. Представляется, что подобный перевод лучше соответствует нормам русской речи. При этом при переводе на немецкий язык в случаях такого рода использовалась аналогичная английской конструкция *sich jmdm. gegenüber (auf bestimmter Weise) benehmen/verhalten*. Например:

No father in all England could have behaved more generously to a son who had rebelled against him wickedly (V.F., p. 337). / Ни один отец в Англии не **обращался с сыном** более великодушно, и это не помешало неблагодарному восстать против отца (Я.Т.). / *Kein Vater in ganz England hätte sich großzügiger gegenüber einem Sohn verhalten können, der sich böseartig gegen ihn aufgelehnt hatte* (J.E.2).

Разновидностью лексической замены является антонимический перевод:

He pretended regimental business to Amelia (by which falsehood she was not in the least deceived)... (V.F., p. 265). / Он врал Эмили про какие-то дела на службе (каковым небыллицам она нисколько **не верила**)... (Я.Т.).

И снова перевод на немецкий язык в большей степени следует оригиналу: глагол *to deceive* переводится его словарным эквивалентом *täuschen*:

Bei Amelia schützte er Regimentsgeschäfte vor (eine Lüge, die sie nicht zu täuschen vermochte) (J.E.1).

Часто уместным является использование переводчиком слова, которое вне контекста никак не связано со словарным значением соответствующей лексемы в языке оригинала. Так, английский глагол *to act* не имеет значения, соответствующего семантике единиц *слушаться/sich richten*, но в контексте словосочетания "to act under her orders" переводы «слушаться ее приказа» и "sich nach ihren Befehlen zu richten" оказываются вполне адекватными:

...Rawdon expressed himself as ready to act under her orders as, as he would be to charge with his troop at the command of his colonel (V.F., p. 142). / ...Он выразил такую же готовность **слушаться ее приказа**, с какою пустился бы со своим эскадром в атаку по команде полковника (Я.Т.). / *Erklärte Rawdon sich ebenso schnell bereit, sich nach ihren Befehlen zu richten, wie er unter dem Befehl seines Obersten seine Truppe zum Kampf geführt hätte* (J.E.1).

Интересно, что все три глагола – *to act*, *слушаться* и *sich richten* – входят в ЛСГ глаголов поведения, однако относятся к разным подгруппам: *to act* – к собственно глаголам поведения, а *слушаться* и *sich richten* – к глаголам нормативного поведения.

Аналогично, перевод глагола *to treat* глаголом *кланяться* уместен только в специфическом контексте:

The footman, occasionally longing at the area railings, treated him with respect... (V.F., p. 349). / Лакей, зазевавшийся у подъезда, с почтением **кланялся** ему... (Я.Т.).

Немецкий перевод оказывается здесь в очередной раз более близок оригиналу; английская структура воспроизводится дословно:

Der Bediente, der mitunter am Vorplatzgitter herumlungerte, behandelte ihn mit Respekt... (J.E.2).

Креативным переводческим решением представляется передача английского фразового глагола *to trample over* на русский и немецкий языки при помощи идиом:

He trampled over all the young bucks of his father's circle, and was the hero among those third-rate men (V.F., p. 189). / *Он оставлял далеко за флагом всех молодых щеголей отцовского круга и был героем среди этих людей третьего сорта* (Я.Т.). / *Er drückte alle jungen Stutzer an die Wand, die sich bei seinem Vater blicken ließen, und war der Held dieser drittrangigen Leute* (J.E.1).

Отметим, что одно и то же слово может переводиться на другой язык множеством способов в зависимости от контекста и индивидуальных предпочтений переводчика. Так, английский глагол *to bully* встречается в тексте оригинала десять раз и почти каждый раз переводится по-разному и на русский язык: *издеваться, раздражать, третировать, изводить, помыкать, донимать, тиранить, командовать* (причем ни одно из этих слов не является словарным эквивалентом глагола *to bully*), и на немецкий: *verprügeln, überschreien, herumkommandieren, quälen, drangsalieren, einschüchtern, tyrannisieren*.

В переводе на русский язык зачастую используются гораздо более разнообразные варианты, чем в переводе на немецкий. Так, глагол *to cheat* в романе переводился на русский язык при помощи глаголов *обобрать, заманить, плутовать, обдуть, обмануть*, тогда как при переводе на немецкий язык во всех случаях использовался словарный эквивалент *betrügen*. Глагол *to condescend* переводился на русский язык словами *соблаговолить, снисзойти, удостоить, позволить*, а на немецкий – только глаголом *sich herablassen*, который также является словарным эквивалентом глагола *to condescend*.

Наконец, приведем пример еще одного переводческого приема, а именно опущения:

She cast down her eyes demurely and smiles as they started away from her; Emmy skurrying off on the arm of George... (V.F., p. 657). / *Она скромно опустила глаза и улыбнулась, когда они бросились прочь от нее; Эмми – под руку с Джорджем...* (Я.Т.).

Вероятно, переводчик посчитал излишним использование эквивалента глагола *to scurry (skurrying)* – *поспешно двигаться* (С.), поскольку ранее в тексте уже было сказано, что герои «бросились прочь», то есть двигались поспешно.

Таким образом, анализ особенностей функционирования глаголов поведения в романе Уильяма Теккерея «Ярмарка тщеславия» и их переводов на русский и немецкий языки позволил сделать следующие выводы. Глаголы поведения человека играют важную роль в выражении идеи и сюжета художественного произведения. В частности, в исследуемом романе употребляется большое количество глаголов высокомерного (21%), нечестного (13%) и неестественного (12%) поведения: это связано с тем, что задачей автора является изображение соответствующих отрицательных качеств членов социума. При переводе глаголов поведения с английского языка на русский и немецкий наиболее частым приемом оказалось использование переводческого эквивалента (47% и 56% соответственно), однако во многих случаях применялись и другие приемы, причем некоторые из них представляются довольно необычными. Гипотеза о связи между степенью близости языков и разнообразием перевод-

ческих приемов была подтверждена: перевод романа на немецкий язык оказался более близким к оригинальному тексту, в то время как русский перевод отличается бóльшим количеством отклонений от исходной структуры предложений и точного словарного значения оригинальных лексем, что, помимо индивидуальных стилей разных переводчиков, может быть также связано с бóльшим различием лексического и грамматического строя русского и английского языков по сравнению с немецким и английским, которые относятся к германской группе языков.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание: английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 693 с.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.
- ODE – The New Oxford Dictionary of English / Ed. J. Pearsall. N. Y.: Oxford Dictionary Press, 2001. 2152 p.
- MWCT – Merriam-Webster’s collegiate thesaurus. Springfield: Merriam-Webster, Incorporated, 2010. 1162 p.
- D. – Duden: Das Bedeutungswörterbuch. Berlin: Dudenverlag, 2018. 1184 S.
- BWDW – Brockhaus Wahrig Deutsches Wörterbuch in 6 Bänden / Hrsg. von Gerhard Wahrig, Hildegard Krämer und Harald Zimmermann. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1981.
- ODSA – Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms / Compiled by Alan Spooner. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999. 572 p.
- V.F. – *Thackeray W.M.* Vanity Fair. Ware: Wordsworth Classics, 2001. 694 p.
- Я.Т. – *Теккерей У.М.* Ярмарка тщеславия / Пер. с англ. М. Дьяконова под редакцией Р. Гальпериной и М. Лорие. URL: <http://www.lib.ru/INPROZ/TEKKEREJ/fairy.txt>, свободный.
- J.E.1 – *Thackeray W.M.* Jahrmarkt der Eitelkeit. Band 1 / Deutsch von Christoph Friedrich Grieb. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/thackera/jahrm-de/jahrm-de.html>, свободный.
- J.E.2 – *Thackeray W.M.* Jahrmarkt der Eitelkeit. Band 2 / Deutsch von Christoph Friedrich Grieb. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/thackera/jahrmd-2/jahrmd-2.html>, свободный.
- М. – Англо-русский словарь В.К. Мюллера. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/muller>, свободный.
- Р. – Англо-немецкий словарь PONS. URL: <https://ru.pons.com/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4?q=&in=&l=deen&lf=en&rt=de&qnac=>, свободный.
- С. – Cambridge Dictionary: Англо-русский словарь. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>, свободный.

Литература

1. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 318 с.
2. Лексико-семантические группы русских глаголов / О.П. Жданова, И.Т. Вепрева,

- М.Л. Кусова и др.; науч. редактор Э.В. Кузнецова и др. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. 176 с.
3. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола: Глаголы речи, звучания и поведения. Уфа: БГУ, 1981. 71 с.
 4. *Исаченко О.М.* Функционально-семантический класс глаголов поведения: Системно-семантический, функциональный и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2000. 208 с.
 5. *Levin B.* English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation. Chicago, IL: Univ. of Chicago, 1993. 348 p.
 6. *Стиридонова Ю.А.* Английские глаголы поведения: валентностный анализ // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 54. С. 207–213.
 7. *Айдарова А.М.* Глаголы поведения в русском, татарском, английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2016. 23 с.
 8. *Гришаева Л.И.* Глаголы поведения как семантический класс глаголов антропосферы: когнитивный, семантико-структурный и функциональный аспекты описания (на материале немецких глаголов поведения): дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1999. 450 с.
 9. *Фадеева Л.В.* Глагольные лексемы со значением качественного и качественно-оценочного признака (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 23 с.
 10. *Омарова Г.Г.* Социальная трагедия человека в «Ярмарке тщеславия» У.М. Теккерея // Перспективы науки. 2012. № 9 (36). С. 69–73.
 11. *Сизарева М.А.* «Ярмарка тщеславия» по-русски: к 175-летию первой публикации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2023. № 2. С. 196–204.
 12. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. М.: Р.Валент, 2007. 244 с.

Поступила в редакцию 25.08.2023

Принята к публикации 25.10.2023

Лукоянова Татьяна Леонидовна, студентка 4 курса Института международных отношений

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: llltanya@yandex.ru

Гиматова Луиза Ильгизовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: gil.gim@mail.ru

Лукоянова Юлия Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: lukyulia@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.66-79

Translation of English Verbs Belonging to the Lexico-Semantic Group of Human Behavior into Russian and German (Based on W. Thackeray's Novel "Vanity Fair")*T.L. Lukyanova, L.I. Gimatova, Y.K. Lukyanova
Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*E-mail: *llltanya@yandex.ru, gil.gim@mail.ru, lukyulia@yandex.ru*

Received August 25, 2023; Accepted October 25, 2023

Abstract

This article examines the use of English verbs related to human behavior in W. Thackeray's novel "Vanity Fair" and their translations into German and Russian. Based on the analysis of lexicographic sources, the structure of the lexico-semantic group of behavioral verbs in English, German, and Russian was analyzed. Common transformations employed to translate such verbs from English into German and Russian were identified. The most representative examples were picked from the novel. Particular attention was given to the relationship between the translation methods and each target language, as well as between the source language and the target languages. The Russian and German translations of the novel were compared for accuracy in conveying all details. Using componential analysis, a semantic classification of the selected verbs, depending on the type of behavior they describe, was compiled for the three languages. The results obtained led to the following conclusions. The behavioral verbs in W. Thackeray's novel "Vanity Fair" are most often translated into Russian and German with literal equivalents of the original lexemes. However, lexical and grammatical substitutions were also revealed: their usage depends on grammatical structure, lexical compatibility, and linguistic standards. The German translation proved to be more plausible than the Russian one. This could be because English and German are both Germanic languages and belong to the same branch of the Indo-European language family. In the Russian translation, multiple transformations of the original text are used more often. They are meant to convey the author's ideas rather than the exact lexicographic meanings of separate words. The findings of this study contribute to the development of the theory and practice of translation and provide a deeper insight into W. Thackeray's worldview.

Keywords: translation transformations, lexico-semantic field, lexico-semantic group, lexico-semantic group of behavioral verbs, lexicographic sources, W. Thackeray's "Vanity Fair"

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Nelyubin L.L. *Tolkovyi perevodovedcheskii slovar'* [Explanatory Dictionary of Translation Terms]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003. 320 p. (In Russian)
2. Zhdanova O.P., Vepreva I.T., Kusova M.L., et al. *Leksiko-semanticheskie gruppy russkikh glagolov* [Lexico-Semantic Groups of Russian Verbs]. Kuznetsova E.V. et al. (Eds.). Irkutsk, Izd. Irkutsk. Univ., 1989. 176 p. (In Russian)
3. Vasil'ev L.M. *Semantika russkogo glagola: Glagoly rechi, zvuchaniya i povedeniya* [Russian Verb Semantics: Verbs of Speech, Sound, and Behavior]. Ufa, BGU, 1981. 71 p. (In Russian)
4. Isachenko O.M. The functional-semantic class of Russian behavioral verbs: System-semantic, functional, and linguocultural aspects. *Cand. Philol. Sci. Diss.* Novosibirsk, 2000. 208 p. (In Russian)

5. Levin B. *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. Chicago, IL, Univ. of Chicago, 1993. 348 p.
6. Spiridonova Yu.A. English behavioral verbs: A valency analysis. *Izvestiya Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta imeni A.I. Gertsena*, 2008, no. 54, pp. 207–213. (In Russian)
7. Aidarova A.M. Behavioral verbs in the Russian, Tatar, and English languages. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Kazan, 2016. 23 p. (In Russian)
8. Grishaeva L.I. Behavioral verbs as a semantic class of verbs in the anthroposphere: Cognitive, semantic–structural, and functional aspects of description (based on German behavioral verbs). *Cand. Doct. Philol. Diss.* Moscow, 1999. 450 p. (In Russian)
9. Fadeeva L.V. Verbal lexemes with the meaning of qualitative and qualitative–evaluative features (based on the modern German language). *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Omsk, 2007. 23 p. (In Russian)
10. Omarova G.G. The social tragedy of a human in W.M. Thackeray’s “Vanity Fair”. *Perspektivy Nauki*, 2012, no. 9 (36), pp. 69–73. (In Russian)
11. Sizareva M.A. “Vanity Fair” in Russian: To the 175th anniversary of the first publication. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9: Fililogiya*, 2023, no. 2, pp. 196–204. (In Russian)
12. Retsker J.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda* [The Theory and Practice of Translation. Essays on the Linguistic Theory of Translation]. With additions and commentaries by Yermolovich D.I. Moscow, Valent, 2007. 244 p. (In Russian)

Для цитирования: Лукоянова Т.Л., Гиматова Л.И., Лукоянова Ю.К. Особенности перевода на русский и немецкий языки английских глаголов лексико-семантической группы «Поведение человека» (на материале романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия») // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 66–79. [https://doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.66-79](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.66-79).

For citation: Lukoyanova T.L., Gimatova L.I., Lukoyanova Y.K. Translation of English verbs belonging to the lexico-semantic group of human behavior into Russian and German (based on W. Thackeray’s novel “Vanity Fair”). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 66–79. [https://doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.66-79](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.66-79). (In Russian)

ЯЗЫК РЕКЛАМЫ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373.612.2

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.80-92

РОЛЬ МЕТОНИМИИ В ОТРАЖЕНИИ РЕКЛАМНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМЫ БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРОНИКИ)

А.А. Гайнутдинова

*Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева, 443086, Россия*

Аннотация

В статье изложены результаты исследования особенностей функционирования метонимии в рекламном дискурсе на материале слоганов рекламы бытовой техники и электроники. Взаимодействие потребителя, производителя и товара в рамках рекламной ситуации можно охарактеризовать следующим образом: производитель/продавец каузирует решение проблем потребителя и получение им удовольствия, товар или услуга являются орудием достижения результата. Отмечается, что для современной рекламы характерно не только внимание к функциональным особенностям товара, но и апелляция к нематериальным ценностям, эмоциональному удовлетворению потребителя. Знания о компонентах рекламной ситуации организуются в категориях разных концептуальных структур, предопределяющих тип метонимического переноса. Выделены наиболее частотные метонимические модели в рекламе бытовой техники: *качество товара – товар, результат использования товара – орудие достижения результата*, обозначение ситуации через номинацию этапа *включения прибора* или *получения результата*. Сделан вывод о том, что метонимическая репрезентация товара позволяет лаконично и выразительно подчеркнуть наиболее важные аспекты его функционирования, в том числе и как орудия решения бытовых задач, удовлетворения потребностей и получения удовольствия. Метонимия является одним из эффективных инструментов, посредством которого создатели рекламы вписывают товар в контекст повседневной жизни человека, демонстрируют его связь с ценностями потребителя.

Ключевые слова: метонимия, картина мира, дискурсивная картина мира, реклама, рекламная картина мира, товар, потребитель, сценарий

Введение

Исследование картины мира – одно из важнейших направлений в рамках антропоцентрической парадигмы лингвистики. Под картиной мира принято понимать «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий существенные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [1, с. 21].

Объектом исследования лингвистов является прежде всего языковая картина мира, которая понимается как «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, которая складывается в некую единую систему взглядов и предписаний и навязывается в качестве обязательной всем носителям языка», определенный способ концептуализации действительности [2, с. 9].

Целостные картины мира – философская, научная, религиозная, наивная, языковая – отражают способ восприятия человеком мира в целом. Однако новейшая реальность, как отмечает Е.Н. Ежова, характеризуется фрагментарностью, множественностью интерпретаций и аспектов, следовательно, любая картина мира всегда представляет ракурсный взгляд на определенную сферу действительности [3]. Дискурсивная картина мира понимается как «динамическая подвижная система смыслов, формируемая в координируемых коммуникативных действиях адресантов и адресатов в соответствии с системой их ценностей и интересов, включенных в социальные практики, и репрезентированная в совокупности дискурсивно обусловленных вариантов языковых единиц» [4, с. 186]. Так, объектами исследования ученых становятся медицинская, спортивная, политическая, гастрономическая и многие другие картины мира. Исследование «частной», дискурсивной картины мира позволяет выявить способы организации знания об основных компонентах типовых ситуаций в рамках конкретной сферы, особенности формирования образа человека в различных сферах, проследить, как трансформируется общенациональная картина мира в том или ином дискурсе.

Реклама не только транслирует определенную систему представлений об окружающей действительности, но и оказывает влияние на нее, на систему ценностей, на мышление и поведение потребителя в целом, поэтому есть все основания говорить о существовании рекламной картины мира. Хотя само понятие «рекламная картина мира» редко встречается у исследователей, ряд работ посвящен выявлению основополагающих концептов в рекламе и вопросу об их иерархии, проблеме трансформации картины мира в рекламном дискурсе [5–7].

Е.Н. Ежова, рассматривая рекламу как коммерческую медийную пропаганду и отмечая ее тесную связь со СМИ, предлагает термин «медиа-рекламная картина мира», в которой наблюдаются особые субъектно-объектные отношения, подразумевающие приобщение человека к определенному образу жизни через обретение товара, и особый хронотоп. Основой создания подобной картины мира становится коммерческая реклама, в наиболее чистом виде реализующая прагматическую цель рекламной коммуникации, а транслятором – рекламные (у Е.Н. Ежовой – медийно-рекламные) тексты [8].

Рекламное сообщение опирается на различные когнитивные структуры: фреймы, сценарии, стереотипы, архетипы, символы, мифы и т. д., лежащие в основе восприятия действительности, ценностных и поведенческих установок, характерных для той или иной национальной картины мира. Однако рекламная картина мира не копирует действительность, а отражает и трансформирует ее отдельные черты, создавая новую, идеальную, реальность. Исследователи говорят о двух типах (уровнях) рекламного дискурса: денотативном и коннотативном,

или первичном и вторичном. Первичный дискурс демонстрирует объект рекламы и должен побудить человека приобрести товар, а вторичный моделирует или трансформирует представления о вещи и человеке в рамках рекламы, систему ценностей потребителя [8; 9].

Цель настоящей статьи – проанализировать роль метонимии в отражении образов объекта (товара или услуги), субъекта (продавца или производителя) и адресата (потребителя), а также их отношений в рамках рекламной ситуации в картине мира, формируемой в коммерческой русскоязычной рекламе.

В качестве материала исследования были выбраны слоганы раздела «Бытовая техника и электроника» базы слоганов TextArt (ТА).

Методология

Е.С. Кубрякова подчеркивает, что интегральный подход, учитывающий не только коммуникативные, но и когнитивные аспекты функционирования, оказывается наиболее оправданным при изучении языковых единиц различных уровней [10, с. 519–520]. Когнитивно-дискурсивный (когнитивно-прагматический) подход к изучению метонимии сочетает анализ мыслительных структур, лежащих в ее основе, с учетом прагматической роли метонимии в конкретных речевых высказываниях, в определенном дискурсе.

Когнитивная лингвистика представляет метонимию как прием познания и осмысления действительности, как один из механизмов когнитивного моделирования [11–15]. Суть метонимии как когнитивного механизма заключается в том, что какая-либо часть концепта служит для репрезентации другой его части или же всего концепта. Отношения смежности, лежащие в основе метонимии, возникают не между названиями предметов (традиционное, ономазиологическое понимание) или между предметами в объективной реальности, а на уровне мыслительных структур, в виде которых организовано знание о денотате и которые отражают восприятие человеком тех или иных реалий.

При выделении типов переноса мы опираемся на классификацию, предложенную Н.А. Илюхиной и основанную на типах концепта, предопределяющих векторы переноса. В рамках упомянутой классификации выделяется фреймовая, пропозициональная и сценарная метонимия [12].

Основные компоненты рекламной картины мира и их взаимодействие

Основными элементами рекламной картины мира являются товар или услуга (объект), потребитель (адресат), рекламодатель – производитель или продавец товара (субъект).

Важнейшую роль в рекламной картине мира исследователи отводят объекту – товару или услуге, которые не только служат средством удовлетворения потребностей адресата, но и приобретают нематериальную ценность, а также становятся символом определенного стиля жизни, к которому, согласно рекламе, стремится человек.

Е.С. Кубрякова подчеркивает, что признаки «вычлняются из объекта, а объект “состоит” из признаков; предмет и признак имплицитуют друг друга – не может быть объекта без признаков, а признаки не существуют автономно или самостоятельно» [10, с. 259]. В рамках рекламного дискурса этот тезис приобретает

особое значение. Существование вещи в рекламе парадоксально: это всегда *вещь плюс ее качество* – товар присутствует как объект сам по себе и как носитель определенного качества в конкретном рекламном сообщении [16, с. 422–423]. А.Н. Назайкин также подчеркивает: товар в рекламе не существует как «вещь в себе». Он представляет собой ту совокупность характеристик, которую в нем хотят показать создатели рекламы, или то, как товар видят потребители. К основным характеристикам товаров можно отнести описание продукта (наименование, категория, размеры, форма, цвет, состав, фирменный стиль), его свойств (функции, сфера и способ применения; потребительские преимущества), происхождения, условий эксплуатации или потребления, торговых характеристик [17, с. 89]. В рекламе представления о товаре всегда отличаются от стереотипных представлений о вещи. Структура знания о товаре трансформируется: она может усложняться или упрощаться, меняется иерархия характеристик – одни, прежде периферийные, аспекты выходят на первый план, другие, неважные в данной ситуации или нежелательные для создателей рекламы, затушевываются. В зависимости от конкретной задачи, стратегии рекламы могут быть выбраны разные варианты представления товара. Этим обуславливается и тип концепта, в виде которого представлено знание о продукте, и, как будет продемонстрировано далее, тип метонимического переноса в рекламном тексте.

Потребитель (адресат рекламного сообщения) – лицо с выраженными потребностями, которые необходимо удовлетворить, или проблемами, которые нужно решить. Несмотря на то, что нередко образ потребителя в рекламе – это набор представлений, стереотипных для того или иного сообщества, в рекламной картине мира образ человека трансформируется. Человек интересует создателей рекламы только как представитель целевой аудитории, обладающий определенными социально-демографическими особенностями и потребностями, которые позволят удовлетворить рекламируемый товар. Образ потребителя в рекламе, особенно в кратких текстах, схематичен и создается с помощью выделения типичной характеристики представителя целевой аудитории или его потребности. Потребитель в рекламе – человек, успешный в той или иной сфере (зависит от категории рекламируемого товара), который легко решает свои проблемы и, что очень важно, получает от этого эмоциональное удовлетворение. Кроме того, в рекламной картине мира обязательно транслируются ценности, к которым приобщается человек, приобретая тот или иной товар. Круг ценностей, с одной стороны, отражает традиционные представления: в рекламе товаров и услуг, для которой целевой аудиторией являются женщины, это красота, уют, семейное счастье, здоровье близких; мужчины – успех, свобода, финансовое благополучие и т. д. С другой стороны, через рекламу транслируются нетипичные для национального менталитета установки (например, «честность – выгода» вместо традиционного соотношения «честность – бескорыстие») [5]. Одной из базовых ценностей, характерных для картины мира в коммерческой рекламе, является удовольствие. Реклама транслирует, что потребитель может получить удовольствие от приобретения и использования любого товара – продуктов питания («*Bounty. Райское наслаждение*»; «*200 грамм чистого удовольствия*»), одежды («*Наслаждайся полной жизнью!*»), сантехники («*Удовольствие со всех сторон*»), от посещения салона красоты («*Территория удовольствия*»), поездки

на автомобиле («*BMW – с удовольствием за рулем*») и даже от посещения медицинского учреждения («*Лечитесь с удовольствием*»).

Субъект рекламы – фирма (реже лицо), являющаяся производителем или продавцом товара/услуги, источник рекламного сообщения. В рекламной картине мира именно производитель/продавец является каузатором того результата, который получает потребитель. Вне зависимости от категории предлагаемых товаров можно выделить следующие характеристики субъекта: это учреждение, в котором работают профессионалы, они бескорыстно заботятся о клиентах, их благополучии, удовлетворяют их потребности, воплощают желания. Именно это, а не производство или продажа товара и получение прибыли якобы становится основной целью субъекта рекламы: «*Liqui Molly – авторитет в автохимии*»; «*Экономим ваше время и деньги*»; «*Банк “Кедр”:* работает, чтобы вам было удобно»; «*Мы решим ваши медицинские проблемы*» и т. п. В некоторых текстах прагматический аспект деятельности производителя и его «бескорыстное» стремление помочь потребителю подчеркивается противопоставлением: «*Мы шьем не платья, мы воплощаем мечты*»; «*Мы не продаем услуги, мы помогаем Вашим мечтам сбыться!*»

Взаимодействие основных компонентов рекламы можно охарактеризовать следующим образом: производитель/продавец является каузатором решения проблем потребителя и получения им удовольствия, предлагая единственное средство достижения этого результата – товар или услугу.

Любая рекламная ситуация может быть представлена не только в виде компонентов, но и в виде сценария – последовательности определенных этапов сложного, многоактного события. Рекламный сценарий можно представить в виде обобщенной «хронотопической» схемы:

1) план прошлого (начальное состояние) – состояние до приобретения товара, наличие проблем или потребностей, которые призвано удовлетворить его использование;

2) план настоящего – демонстрация рекламируемого объекта в действии, актуализация значимых для потребителя свойств товара;

3) план будущего (конечное состояние) – достижение цели, то есть получение результата [8, с. 405].

Чтобы перейти от плана прошлого к плану настоящего и в итоге достичь желаемого результата, потребителю необходимо совершить главное (для субъекта рекламы) действие – покупку. Так как основной целью рекламы является стимулирование продаж товара и получение субъектом экономической выгоды, этап приобретения всегда имплицитно присутствует в рекламной ситуации, хотя и затушевывается в большинстве случаев, либо преподносится как действие, выгодное в первую очередь для потребителя: «*Инвестируйте в свои зубы*»; «*Экономь со вкусом*».

Кроме того, в рекламный сценарий могут встраиваться ситуации использования товара (приготовление пищи, прием у врача, встреча с друзьями, праздник и т. д.). Однако в рамках рекламы они являются лишь этапами, которые призваны продемонстрировать товар в действии, а не самостоятельными сценариями, и им обязательно предшествует этап приобретения товара.

Роль метонимии в отражении рекламной картины мира

Наиболее ярко принцип неразрывной связи товара и его характеристик позволяет реализовать одна из частотных моделей **качество товара – товар**. Анализ слоганов рекламы бытовой техники и электроники показал, что в качестве основных характеристик и, следовательно, номинации товара в рекламе преподносится высокое качество товара в целом, надежность, использование передовых технологий при разработке и производстве, внешний вид:

«*Smeg. Технологии и стиль*» (бытовая техника Smeg);

«*Viconte. Наслаждение стилем*» (торговая марка Viconte);

«*Немецкое качество по разумной цене!*» (немецкая бытовая техника Kaiser);

«*Надежность в отличном виде*» (стиральные машины SAMSUNG);

«*Кто сказал, что совершенный дизайн недоступен?*» (дизайнерская линейка бытовой техники GORENJE);

«*Braun. Качество. Надежность. Дизайн*» (бытовые электроприборы Braun);

«*Включите тишину на полную мощность!*» (пылесос ROWENTA Silence Force).

Анализируя подобные примеры, Н.А. Илюхина отмечает, что, хотя они зачастую интерпретируются как основанные на метафоре, механизмом их порождения является именно метонимия. Товар не уподобляется качеству, выраженному абстрактным существительным, а связывается с ним отношениями смежности в рамках концепта-фрейма, который представляет объект в совокупности его компонентов [18, с. 35–36]. При этом источником переноса и средством номинации товара становятся объективные признаки, оказывающиеся важными для потребителя и мотивирующие его выбор. Такой тип переноса универсален и используется в рекламе товаров и услуг любых категорий: рекламируемый товар становится воплощением качества, важного для потребителя.

Кроме объективных характеристик, в рекламе в качестве номинации товара могут использоваться обозначения состояний, ощущений, эмоций, которые вызывает его использование. Подобные слоганы схожи с рассмотренными выше – под абстрактным существительным подразумевается товар конкретной торговой марки, и их также можно отнести к реализации модели **качество товара – товар**. Однако эти примеры можно рассмотреть и в категориях другого типа концепта – пропозиции, который организует знание о ситуации (в данном случае об использовании товара) с точки зрения ее компонентов. В следующем примере происходит перенос с состояния, то есть **результата**, на товар – **источник (орудие)** этого результата:

«*Включи эмоции!*» (торговая марка Scarlett) = «включи приборы торговой марки Scarlett, использование которых станет причиной положительных эмоций». Ср. со слоганом: «*Надежность в отличном виде*», который можно интерпретировать так: «**надежные** стиральные машины в отличном виде (стильном дизайне)».

Приведем другие подобные примеры:

«*Ровента. Радость в вашем доме*» (торговая марка Rowenta);

«*Скарлетт. Окружи себя заботой*» (торговая марка Scarlett);

«*Vigor. Формула комфорта*» (торговая марка Vigor).

Кроме того, используя тот или иной прибор, потребитель решает конкретные задачи – сохранение свежести продуктов, охлаждение воздуха, приготовление пищи и т. д. Поэтому в рекламе бытовой техники результаты выполнения этих задач также становятся обозначением товара. Отметим, что в отличие от предыдущих примеров эти слоганы явно указывают на принадлежность товара к той или иной группе техники, так как подчеркивают цель его использования:

«*Сибирский холод мирового уровня*» (завод холодильников «Бирюса»);

«*Daewoo знает толк в холоде*» (холодильники и морозильники Daewoo);

«*Новая форма музыки*» (MP3-плеер Samsung YP-T6).

Нами был отмечен единичный обратный перенос: «*Дышите свободно. Дышите Euromate*» (кондиционеры Euromate), то есть: «дышите свежим воздухом, источником которого станут рекламируемые кондиционеры».

И в том, и в другом случае подчеркивается функциональный аспект: прибор понимается как источник или орудие получения необходимого «результата» – музыки, низкой температуры, чистого воздуха.

Благодаря использованию переносов **качество товара – товар и результат – источник (орудие)** в слоганах подчеркивается, что потребитель, покупая конкретный товар, тем самым решает проблемы, получает нематериальные ценности (комфорт, удобство, тишину, прохладу и т. д.) и эмоциональное удовлетворение. Анализ слоганов рекламы бытовой техники демонстрирует, что последний аспект становится все более важным в рекламе даже тех товаров и услуг, при выборе которых определяющую роль играют, как правило, технические параметры.

Функциональный аспект, но связанный непосредственно с потребителем, подчеркивается при помощи переноса **орган человека – человек** (с актуализацией конкретного аспекта его жизнедеятельности):

«*Panasonic. Для любимых глаз*» (Телевизор Panasonic);

«*Чтобы глаз наслаждался, не уставая*» (телевизор Philips с системой Matchline).

В рамках рекламы упомянутой категории товаров главной характеристикой человека как представителя целевой аудитории является то, что он смотрит телевизор (один или с семьей), заботясь при этом о здоровье глаз и, что подчеркивается во втором примере, получая удовольствие от просмотра. Аналогичные примеры с актуализацией других аспектов человека можно обнаружить в рекламе лекарств, продуктов питания, стоматологических клиник.

Прямое метонимическое указание на потребителя, его социально-демографические характеристики в рекламных слоганах в целом оказывается менее распространенным. Как правило, образ адресата формируется указанием на его потребности и мотивы приобретения товара или на проблемы, решить которые призвано использование рекламируемого товара.

Метонимическое описание деятельности производителя товара в рекламе бытовой техники также не распространено, нами были отмечены единичные примеры. Иллюстрацией позиционирования деятельности производителя бытовой техники как занятия, направленного на удовлетворение желаний потребителя, является корпоративный слоган торговой марки Ariston: *Мы угадываем желания*, то есть: «анализируем рынок, целевую аудиторию, конкурентов, на

основании этого разрабатываем модели, опираемся на новейшие технологии, приобретая которые, человек удовлетворяет свои потребности и желания».

Рассмотрим, как разворачивается сценарий в рекламе бытовой техники. В полном виде он может быть реализован лишь в развернутом рекламном тексте (например, в рекламной статье, видеоролике). В более кратких текстах, на плакате, в слогане нередко используется сценарная метонимия: наименование одного (реже двух) этапов, наиболее важных для создателя рекламы, обозначает всю ситуацию.

Сравнительно редкий случай именованного главного для производителя и продавца этапа сценария, который в большинстве текстов присутствует имплицитно, наблюдается в слогане: «*Батарейки GP. Увидел – купи!*» Батарейки являются примером товара импульсивного спроса, не требующего значительных затрат, поэтому этап планирования покупки и даже выбора товара опускается – на первый план выходит обозначение акта зрительного восприятия, который сразу ведет к основному для субъекта рекламы акту покупки. Подразумевается, что у потребителя не должно возникать сомнений, батарейки какой фирмы необходимо приобрести.

Бытовая техника и электроника, особенно крупная, напротив, относится к товарам предварительного выбора, приобретение которых планируется с учетом предстоящих затрат. Поэтому создатели слогана «*Включи Rolsen в свой семейный бюджет*» (телевизор Rolsen) призывают потенциального потребителя заранее запланировать покупку телевизора этой марки и, естественно, приобрести его. Кроме того, первую часть высказывания (*Включи Rolsen*), которая также использовалась как самостоятельный слоган, можно интерпретировать и как призыв включить и начать эксплуатировать приобретенный товар.

Условия эксплуатации приобретают в рекламе бытовой техники особое значение: для потребителя важно, чтобы при всей сложности и многофункциональности устройства оно оставалось максимально простым и понятным в управлении. Реализовать этот аспект в рекламе позволяет перенос с этапа включения прибора не просто на всю ситуацию использования товара, но и на весь рекламный сценарий, обязательно подразумевающий приобретение товара. Потребителю обещают, что ему достаточно лишь нажать на кнопку рекламируемого прибора, а все остальное «умная» техника сделает сама:

«*Включите свой Bissell*» (Моющий пылесос Bissell);

«*Включи Rolsen*» (телевизоры Rolsen);

«*Просто воткни шланг в розетку!*» (встроенные пылесосы Kronemark);

«*Доверься интуиции*» (DVD-техника ВВК с интуитивным интерфейсом);

«*Включи эмоции!*» (торговая марка Scarlett).

Так как бытовая техника приобретается для облегчения ведения быта и решения конкретных бытовых задач, обозначение всей рекламной ситуации через обозначение финального этапа – удовлетворение потребностей человека, решение бытовых проблем – также является частотным:

«*LG Kompressor. Забудьте о пыли*» (пылесос LG Kompressor);

«*Ни пылинки*» (пылесосы Hitachi);

«*Daikin. Окупись в прохладу*» / «*Daikin. Отдайся прохладе*» (системы вентиляции и кондиционирования воздуха Daikin).

При этом функции товара значительно расширяются. Яркой иллюстрацией этого являются более частотные (как в рамках рекламы бытовой техники, так и в рекламе в целом) слоганы, в которых в качестве главного результата использования товара указываются улучшение настроения и изменение образа жизни потребителя:

«**Измени стиль жизни**» (телевизоры Sony Wega);

«**Скарлетт. Окружи себя заботой**» (торговая марка Scarlett);

«**Почувствуй себя звездой!**» (BVK Караоке Mix, музыкальная dvd-система);

«**Стань хозяином своего настроения**» (музыкальные центры Sony).

Рассмотренные выше слоганы систем Daikin, информирующие читателя о назначении товара (поддержание комфортной температуры в помещении), также подразумевают не только физическое, но и эмоциональное удовлетворение потребителя.

Связь между материальным (прагматическим) и нематериальным (психологическим, ценностным) аспектами усиливается благодаря возможности двойной интерпретации слоганов, а также взаимодействию метафоры и метонимии. Приведем примеры.

Слоган «**Вам не придется краснеть**» (кондиционеры Fujitsu), с одной стороны, обозначает отсутствие одного из симптомов долгого нахождения в жарком и душном помещении – покраснения лица. С другой стороны, фразу можно интерпретировать как обещание того, что покупателю не придется стыдиться или стесняться своей покупки. Обе этих интерпретации основаны на внешнем проявлении физиологического процесса – изменении цвета кожи, когда кровь приливает к лицу из-за температуры или стрессовой ситуации. Однако в первом случае симптом указывает на физическое, а во втором – на эмоциональное состояние потребителя.

В слоганах «**Viera. Включи воображение**» (телевизоры Panasonic Viera) и «**Включи эмоции!**» (торговая марка Scarlett) также совмещаются две интерпретации. Во-первых, потребителю прямо предлагается включить и начать смотреть рекламируемый телевизор, благодаря чему человек погрузится в мир фантазий и воображения, или включить прибор марки Scarlett, использование которого подарит ему положительные эмоции (метонимическая связь). Во-вторых, само воображение и эмоции метафорически осмысляются как прибор или программа, которые человек может запустить.

Заключение

Специфика рекламной картины мира заключается в особенностях взаимодействия субъекта, объекта и адресата рекламы: товар или услуга являются средством решения проблем потребителя и получения им удовольствия, производитель/продавец – каузатором этого результата.

Формируемые в рекламе знания о товаре и адресате, о деятельности субъекта организуются в категориях разных концептуальных структур. Метонимия позволяет наиболее выпукло высветить важные аспекты функционирования товара.

В рекламе создается образ товара из категории «бытовая техника и электроника» как высокотехнологичного прибора, который тем не менее прост в обра-

щении и позволяет потребителю не только решить конкретную бытовую задачу, но и получить эмоциональное удовлетворение от его использования. Если в развернутом рекламном тексте есть возможность подробно рассказать о технических преимуществах и новшествах той или иной модели, в слогане, в том числе метонимически, выделяются общие черты: технологичность, безопасность, простота в использовании. Аппелляция к эмоциональному удовлетворению благодаря использованию товара для аргументации его приобретения является примером трансформации картины мира в рекламе. Этот аспект актуализирован не только в рекламе техники, предназначенной для развлечения (телевизоры, музыкальные центры и т. д.), но и в рекламе тех бытовых приборов, для которых эта информация вне рекламы является периферийной, потенциальной.

В слоганах разные типы метонимических переносов нередко совмещаются, осложняются взаимодействием с метафорой, что позволяет представить товар с разных ракурсов: с точки зрения характеристик, особенностей функционирования и эксплуатации, влияния на образ жизни потребителя. Кроме того, метонимическая репрезентация товара обеспечивает соблюдение двух важнейших параметров слогана – лаконичности и выразительности. Это позволяет привлечь внимание потребителя к слогану, призвать его разгадать необычное сочетание, а также повышает узнаваемость и запоминаемость рекламного высказывания.

Наконец, в рекламной картине мира изменяется роль вещи в жизни человека – оставаясь инструментом удовлетворения потребностей и решения конкретных задач, товар в первую очередь становится носителем нематериальных свойств и ценностей и символом образа жизни потребителя, ее качества. При помощи метонимии эта новая роль раскрывается и подчеркивается, зачастую вытесняя функциональные характеристики товара из фокуса внимания покупателя.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

ТА – База слоганов Textart.ru – рекламные слоганы, девизы, лозунги. URL: <http://www.textart.ru/baza/slogan/list.html>, свободный.

Литература

1. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.; отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 212 с.
2. *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Яз. славян. культуры, 2005. 540 с.
3. *Ежова Е.Н.* Медиа-рекламная картина мира: люди и вещи. М.: Илекса; Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2010. 175 с.
4. *Резанова З.И.* Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений // Сиб. филологич. журн. 2011. № 3. С. 184–194.
5. *Аниськина Н.В.* Ценностная картина мира потребителя современной рекламы // Медиаскоп. 2015. № 1. URL: <http://mediascope7.mediascope.ru/?q=node/1688>, свободный.

6. *Квят А.Г.* Лингвокогнитивные технологии позиционирования товаров и услуг: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2010. 193 с.
7. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова, А.Н. Баранов, П.Б. Паршин [и др.]; Отв. ред. Ю.К. Пирогова, П.Б. Паршин. М.: Изд. дом Гребенникова, 2000. 270 с.
8. *Ежова Е.Н.* Медиарекламная картина мира: объекты, субъекты, атрибуты // Медиалингвистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 398–408.
9. *Барт Р.* Рекламное сообщение // Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 410–415.
10. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 555 с.
11. *Radden G., Kövecses Z.* Towards a theory of metonymy // *Metonymy in Language and Thought* / Ed. by K.-U. Panther, G. Radden. Pt. I: Theoretical aspects of metonymy. Amsterdam, Philadelphia, PA: John Benjamins, 1999. P. 17–60. <https://doi.org/10.1075/hcp.4.03rad>.
12. *Илюхина Н.А.* О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестн. СамГУ. 2015. № 7. С. 36–48.
13. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
14. *Падучева Е.В.* К когнитивной теории метонимии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии = Computational linguistics and intellectual technologies: Тр. Междунар. конф. Диалог 2003 (Протвино, 11–16 июня 2003) / [Отв. ред.: И. М. Кобозева и др.]. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/2674/paducheva.pdf>, свободный.
15. *Резинкин А.Ю.* Функционирование метонимических номинаций в немецком политическом медиа-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 240 с.
16. *Барт Р.* Семантика вещи // Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 416–426.
17. *Назайкин А.Н.* Эффективный рекламный текст в СМИ. М.: Фак. журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 476 с.
18. *Илюхина Н.А.* Дискурс как сфера взаимодействия говорящего и слушающего (о когнитивно-дискурсивном подходе к изучению языковой образности) // Функционирование языка: категории и методы исследования: материалы регион. науч. конф, Самара, 28 февраля – 01 марта 2006 г. / Под ред. Н.А. Илюхиной. Самара: Самар. ун-т, 2006. С. 31–40.

Поступила в редакцию 12.12.2023

Принята к публикации 12.01.2024

Гайнутдинова Алина Азатовна, аспирант кафедры русского языка и массовой коммуникации, преподаватель кафедры издательского дела и книготорговли

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
Московское шоссе, д. 34, г. Самара, 443086, Россия
E-mail: gaynutdinova.aa@ssau.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 1, pp. 80–92

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.80-92

**The Role of Metonymy in Shaping the Advertising Worldview
(Based on the Appliance and Electronics Advertisements)**

A.A. Gaynutdinova

Samara National Research University Named after Academician S.P. Korolev, Samara, 443086 Russia

E-mail: gaynutdinova.aa@ssau.ru

Received December 12, 2023; Accepted January 12, 2024

Abstract

This article explores the use of metonymy in advertising discourse through a detailed analysis of slogans in appliance and electronics advertisements. The influence of metonymy on one's worldview in the context of commercial advertising was studied based on its contribution to the construction of the images of the object (product or service), subject (seller or manufacturer), and addressee (consumer), as well as to the development of connections between these three elements. The value and relevance of the research lie in the fact that advertising broadcasts ideas about reality and has the potential to influence the consumer's mindset and behavior. This supports the concept of advertising worldview. It is also important to perceive metonymy as a linguistic and cognitive tool, yet in advertising discourse it is often viewed as a trope. The dynamics of the advertising situation can be defined as follows: the manufacturer/seller offers a solution to the consumer's problems and promises them joy in the final result, with the product or service acting as a tool to achieve the desired outcome. A number of examples were provided to show that the knowledge about the components of the advertising situation is arranged in the categories of different conceptual structures which determine the type of metonymic transfer. In appliance advertisements, the most frequent metonymic models were found to be as follows: *the product's quality—the product, the result of using the product—the tool employed to achieve the result*, describing the situation through the nomination of the *stage of turning on the device or achieving the result*. It was concluded that metonymy emphasizes the most important characteristics of the product and its role in human life, not only as a problem-solving tool but also as a source of positive emotions and joy, as well as a symbol of a certain lifestyle. Therefore, the metonymic approach is effective in fitting the product into the everyday life of the consumer with respect to their system of values.

Keywords: metonymy, worldview, discursive worldview, advertising, advertising worldview, product, consumer, script

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Postovalova V.I., et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Role of Human Factor in Language: Language and Worldview]. Serebrennikov B.A. (Ed.). Moscow, Nauka, 1988. 212 p. (In Russian)
2. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow, Yazyki Slavyan. Kul't., 2005. 540 p. (In Russian)
3. Ezhova E.N. *Media-reklamnaya kartina mira: lyudi i veshchi* [Worldview in Media and Advertising: People and Things]. Moscow, Ileksa; Stavropol, Izd. Stavrop. Gos. Univ., 2010. 175 p. (In Russian)
4. Rezanova Z.I. Language- and discursive worldview – aspects of a relationship. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2011, no. 3, pp. 184–194. (In Russian)

5. Anis'kina N.V. The axiological worldview of a modern advertising consumer. *Mediascope*, 2015, no 1. URL: <http://mediascope7.mediascope.ru/?q=node/1688>. (In Russian)
6. Kvyat A.G. Linguo-cognitive techniques of positioning goods and services. *Cand. Philol. Diss.* Omsk, 2010. 193 p. (In Russian)
7. Pirogova Yu.K., Baranov A.N., Parshin P.B., et al. *Reklamnyi tekst: semiotika i lingvistika* [Advertising Text: Semiotics and Linguistics]. Pirogova Yu.K., Parshin P.B. (Eds.). Moscow, Izd. Dom Grebennikova, 2000. 270 p. (In Russian)
8. Ezhova E.N. Media and advertising worldview: Objects, subjects, and attributes. *Medialingvistika*, 2018, vol. 5, no. 4, pp. 398–408. (In Russian)
9. Barthes R. Advertising. In: *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The Fashion System. Essays on the Semiotics of Culture]. Moscow, Izd. im. Sabashnikovoykh, 2003, pp. 410–415. (In Russian)
10. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World]. Moscow, Yazyki Slavyan. Kul't., 2004. 555 p. (In Russian)
11. Radden G., Kövecses Z. Towards a theory of metonymy. In: Panther K.-U., Radden G. (Eds.) *Metonymy in Language and Thought*. Pt. I: Theoretical aspects of metonymy. Amsterdam, Philadelphia, PA, John Benjamins, 1999, pp. 17–60. <https://doi.org/10.1075/hcp.4.03rad>.
12. Ilyukhina N.A. On the typology of lexical metonymy in the light of the cognitive principle. *Vestnik SamGU*, 2015, no. 7, pp. 36–48. (In Russian)
13. Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Baranov A.N. (Ed.). Moscow, Editorial URSS, 2004. 256 p. (In Russian)
14. Paducheva E.V. To the cognitive theory of metonymy. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Proc. Int. Conf. Dialog'2003 (Protvino, June 11–16, 2003). Kobozeva et al. (Eds.). URL: <https://www.dialog-21.ru/media/2674/paducheva.pdf>. (In Russian)
15. Rezin'kin A.Yu. The functioning of metonymic nominations in the German political media discourse. *Cand. Philol. Diss.* Barnaul, 2012. 240 p. (In Russian)
16. Barthes R. Semantics of the object. In: *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The Fashion System. Essays on the Semiotics of Culture]. Moscow, Izd. im. Sabashnikovoykh, 2003, pp. 416–426. (In Russian)
17. Nazaikin A.N. *Effektivnyi reklamnyi tekst v SMI* [Effective Advertising Text in the Media]. Moscow, Fak. Zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova, Izd. Mosk. Univ., 2011. 476 p. (In Russian)
18. Ilyukhina N.A. Discourse as a sphere of interaction between the speaker and the listener (on the cognitive discourse approach to the study of language figurativeness). *Funktsionirovanie yazyka: kategorii i metody issledovaniya: materialy region. nauch. konf., Samara, 28 fevralya–01 marta 2006 g.* [Language Functioning: Categories and Research Methods: Proc. Reg. Sci. Conf., Samara, February 28–March 1, 2006]. Ilyukhina N.A. (Ed.). Samara, Izd. Samar. Univ., 2006, pp. 31–40. (In Russian)

Для цитирования Гайнутдинова А.А. Роль метонимии в отражении рекламной картины мира (на материале рекламы бытовой техники и электроники) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 80–92. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.80-92>.

For citation: Gaynutdinova A.A. The role of metonymy in shaping the advertising worldview (based on the appliance and electronics advertisements). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 80–92. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.80-92>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'27

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.93-107

МЕДИЦИНСКАЯ РЕКЛАМА КАК ЖАНР ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

Н.М. Дугалич

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, 117198, Россия

Аннотация

Настоящая статья посвящена итогам исследования, в результате которого были описаны такие характеристики современной печатной медицинской рекламы на русском языке, как тематика, особенности взаимодействия вербального и изобразительного компонентов, инструментарий средств выразительности и частотность их использования, наличие языковых и визуальных компонентов, указывающих на принадлежность текстов к медицинскому дискурсу. Материалом послужили 103 текста медицинской печатной рекламы на русском языке, полученные методом сплошной выборки из сети Интернет. В результате анализа были выявлены такие конститутивные признаки современной печатной медицинской рекламы, как, например, ведущая роль интегративной и изобразительно-центричной связей вербального и визуального рядов поликодового текста, и доказана принадлежность данного типа рекламы к медицинскому дискурсу. Отличительной чертой медицинской рекламы является включение в вербальный компонент медицинской терминологии с предпочтением бытового варианта термина нозологическому его варианту, прецедентных феноменов; наличие языковой игры.

Ключевые слова: медицинский дискурс, медицинская реклама, поликодовый текст, лингвокультурные черты, русский язык

Введение

Медицинская печатная реклама как объект лингвистического исследования принадлежит к двум кластерам: медицинскому дискурсу и коммерческой печатной рекламе, поскольку является поликодовым текстом с определенной интенцией – информирование о продукте или услуге с целью их продажи. В настоящее время в результате анализа институциональных дискурсов выделены такие направления исследования, как жанровая и тематическая принадлежность текстов в рамках медицинского дискурса [1, 2], в том числе изучаются жанры, имеющие форму монокодового или поликодового текста с выделением их конститутивных признаков [3, 4]; дискурсивные коммуникативные решения и стратегии и выбор языковых средств, мотивированных данными решениями [5–12]; особенности взаимодействия вербального и визуального компонентов для реализации поставленных коммуникативных задач [13–17]; лингвокультурные особенности поликодового текста медицинского дискурса на разных языках, выявляемые в сопоставлении [18–20].

Материал исследования и его результаты

Для анализа были отобраны медицинские печатные рекламные сообщения на русском языке, которые размещены в свободном доступе в сети Интернет. Принадлежность поликодового текста к медицинской рекламе мы определяли исходя из контента (информирование о лекарственных препаратах, медицинских консультационных услугах, конференциях медицинских работников и др.), наличия медицинской терминологии в вербальном компоненте и медицинской символики и атрибутики – в визуальном. Для исследования были использованы семантический и квантитативный методы, метод контекстного анализа. Методика базируется на алгоритме послойного анализа поликодового текста [21].

В ходе анализа были выделены следующие характеристики медицинской рекламы на русском языке: 1) тематическое разнообразие (реклама медицинских препаратов, реклама медицинских услуг, реклама медицинских мероприятий, социальная медицинская реклама); 2) ведущая роль визуального ряда, сопровождаемого вербальным компонентом, который вступает в интегративные (вербальный текст дополняет изображение для совместной трансляции информации) и изобразительно-центричные (вербальная часть конкретизирует изображение, играющее ведущую роль) отношения с вербальным рядом [16, с. 105]; 3) использование прецедентных феноменов визуального ряда; 4) языковая игра и использование прецедентных феноменов вербального уровня; 5) употребление терминологических единиц, в том числе в новых контекстах; 6) вербальная избыточность, связанная с сосуществованием в вербальном компоненте профессиональной терминологической лексики, нозологических и бытовых названий болезней и симптомов, что приводит к появлению логических и стилистических неточностей.

Тематическое разнообразие медицинской рекламы

Рассмотренный массив поликодовых текстов (103) позволил установить их тематическую принадлежность в следующей пропорции:

- *реклама медицинских препаратов* – 61;
- *реклама медицинских услуг* – 29;
- *реклама медицинских мероприятий* – 7;
- *социальная медицинская реклама* – 6.

Рассмотрим типичные для названных тематических разделов примеры.

Реклама медицинского препарата (например, рис. 1а) характеризуется такими **постоянными признаками**, как изображение упаковки препарата и логотипа его производителя, а также информации о возрасте потребителя, наличии противопоказаний и необходимости консультации с врачом (что регламентируется законодательством). Включение в рекламу логотипа и слогана производителя присуще не только медицинской рекламе, однако информацию о противопоказаниях можно считать характеристикой именно медицинской рекламы. В приведенном примере данную информацию содержат обе формы выпуска *супрастинекса* – таблетированная (сине-зеленая упаковка) и капли для приема внутрь (желто-оранжевая упаковка). В рекламе безрецептурного препарата важна яркость ее визуального решения: потребители лекарств безрецептурного типа должны выбрать одно из целого ряда аналогичных, аттрактивность упаковки влияет на принятие

решения о покупке. **Переменным признаком** становится включение в вербальный компонент сведений о действующем веществе (например, *левоцетиризин*), формах выпуска, побочных эффектах, фокус-группе (пациенты с аллергией) и др. Для обозначения форм препарата используется контрастное цветовое решение: сине-зеленые тона для таблетированной формы, желто-красные цвета для капель. Общим для разных форм является градуирование цветов каждой упаковки и единый серый фон рекламы с выполненной фиолетовым огранкой подиума, на котором стоят упаковки лекарства, и паралингвистическими частями рекламного сообщения (слоган *Наука против аллергии*; надпись с перечисленными симптомами *поллиноз, крапивница, аллергический конъюнктивит, аллергический ринит*).

Реклама медицинских услуг (например, рис. 1б) характеризуется использованием образа врача (рассмотрено ниже), реже – обобщенного образа пациента, изображением конкретных предметов из мира медицины (помещения или фасада рекламируемой клиники, медицинских инструментов), кинесической позы нездоровья (на рис. 1б это конкретное действие – прищуривание и растягивание века для фокусировки зрения; также возможно прикладывание рук к голове как символ головной боли и др.). Реклама медицинских услуг также содержит топографическую информацию: адрес лечебного учреждения, оказывающего данную услугу, и иногда схему проезда.

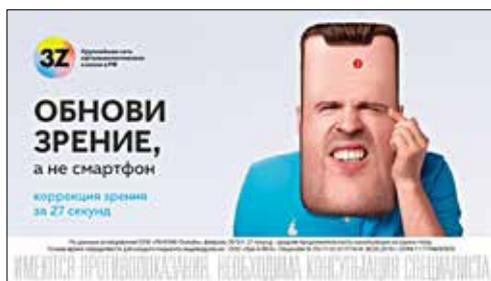
Реклама медицинских мероприятий (например, рис. 1в) имеет наиболее объемный вербальный компонент, визуальная часть может быть представлена абстрактным рисунком или фотографиями известного человека и конкретного места (например, фотография проф. В.В. Ерохина и главного корпуса Саратовского государственного медицинского университета имени В.В. Разумовского, который он окончил), допустимо отсутствие медицинской символики. Данный тип рекламы занимает промежуточное положение между медицинской рекламой и информационным плакатом, однако его целью является не только информирование, но и оказание услуги – увеличение количества участников позволяет организаторам приглашать представителей рекламных компаний, производителей медицинского и фармацевтического оборудования и других участников медицинского бизнеса. Перечисленные особенности позволяют расценивать поликодовый текст с информацией о медицинских мероприятиях как рекламу. Принадлежность подобных текстов к медицинскому дискурсу маркируется тематикой, наличием медицинских терминов и символов в тексте сообщения. Так, в рассматриваемом примере используются такие термины, как *туберкулез, эпидемиология, диагностика*.

Социальная медицинская реклама (например, рис. 1г) сближается по стилистическим характеристикам с медицинским плакатом: использование терминологических медицинских единиц (*ЗППП; незащищенный половой акт*), императивных предложений (*Смело обращайтесь к венерологу даже по самым незначительным вопросам*). Ее конститутивным признаком является фокус внимания на социально опасных заболеваниях, информированность населения о которых остается низкой, тогда как повышение грамотности общества в области симптомов, течения, последствий и способов предупреждения заболевания может иметь решающее значение для борьбы с ним (туберкулез, ВИЧ/СПИД, гепатиты, сахарный диабет). Визуальный ряд медицинской рекламы данной те-

матики характеризуется аттрактивными элементами (стрелки, подчеркивания, геометрические фигуры яркого, чаще всего красного, цвета; включение символики конкретного заболевания, например розовой ленточки как символа борьбы против рака груди, а также изображение пациента, как в примере на рис. 1г).

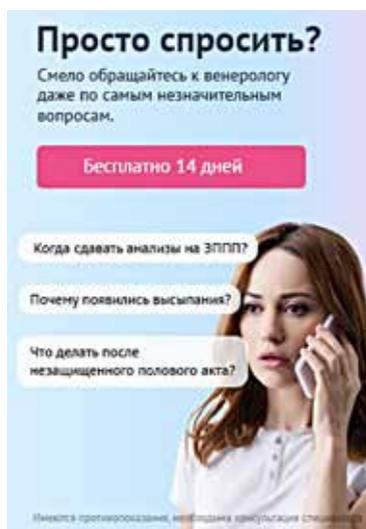
а)

б)

в)

г)

Рис. 1. Примеры медицинской рекламы разных типов: а) реклама медицинского препарата; б) реклама медицинских услуг; в) реклама медицинских мероприятий; г) социальная медицинская реклама

Ведущая роль визуального ряда

Соотношение и взаимосвязь элементов поликодового текста печатной рекламы мотивируется целью рекламного сообщения. Поскольку в медицинских рекламных текстах рекламируются близкие по свойствам, качеству и цене объекты (препараты и услуги), наиболее значимой становится реализация аттрактивной (выделить из ряда одинаковых) и информационной (подтвердить правильный выбор и сообщить нужную реципиенту информацию) функций. В этой связи конститутивным признаком печатной медицинской рекламы становится доминирование изобразительного ряда над вербальным. Рассмотрим данный феномен на примере образа врача.

В русской культуре фигура врача вызывает уважение и доверие, он является носителем специальных знаний, навыков и опыта. Использование образа врача в рекламе широкого спектра товаров привело к необходимости законодательных

ограничений, которые касаются включения в поликодовый текст рекламы изображения практикующих врачей и общие положения которых можно сформулировать следующим образом: тематический круг рекламных продуктов, которые могут использовать собирательный образ медицинского работника, – это реклама медицинских услуг и средств личной гигиены для непрофессиональных реципиентов; реклама медицинских препаратов и медицинских мероприятий – для медиков (что предполагает ее распространение не в СМИ, а в специализированных изданиях) (ст. 5 ФЗ338).

В анализируемом массиве поликодовых текстов количество рекламных сообщений, в которых встречается слово *доктор*, – 4; *врач* – 10 (однако 70% употреблений – в устойчивых сочетаниях *прием врача*); визуальный компонент представлен изображением врача в 9 текстах из 103. Нами отмечено, что в большинстве случаев (8 из 9) врач изображается как мужчина среднего возраста в медицинской одежде (обычно в белом халате), на шее – фонендоскоп (см. рис. 2б). Если рекламируется проктологический профиль клиники – врач всегда мужчина (3 из 3). Это объясняется высоким уровнем доверия к опытному, но не старому врачу и сложившимися в русской лингвокультуре гендерными стереотипами. В частности, можно отметить обобщенный положительный образ врача, который продемонстрировали результаты ассоциативного эксперимента, опубликованные Е.А. Чигриновой: «умный, добрый, ответственный человек в белом халате со шприцом, который качественно, хорошо и быстро лечит, помогает и спасает в больнице, поликлинике, дома»; на вопрос «кто?» в 50 из 160 полученных реакций был дан ответ «спаситель» [20, с. 155].

а)

б)

Рис. 2. Примеры медицинской рекламы, использующей образ врача

Прецедентные феномены

Реклама в рамках любого дискурса, как и поликодовые тексты в общем, использует прецедентные феномены как инструмент компрессии смыслов [2, 19, 21]. В рассматриваемых примерах медицинской рекламы нами отмечено удачное и неудачное применение прецедентной информации. Так, в рекламе препара-

та *кагоцел* (рис. 3а) прецедентным становится изображение чемодана, которое коррелирует с семантикой глагола *прибывать*. Упомянутый образ частотно используется преимущественно в интернет-коммуникации как символ путешествия, отъезда, например в составе фразы *чемодан, вокзал, дорога*. Данные части поликодового текста формируют нужную авторам рекламы смысловую составляющую ‘быстро’, ‘вовремя’. Элемент вербального компонента, размещенный на красном фоне (*Помогает даже при запоздалом лечении простуды и гриппа*), «поддерживает» восприятие информации о рекламируемом препарате, поскольку общеизвестно лавинообразное начало вирусных заболеваний и важность быстрого начала приема препарата.

Рис. 3. Примеры медицинской рекламы, использующей прецедентные феномены

В рекламе услуги, предлагающей очищение организма с помощью специальной капельницы (рис. 3б), основой рекламной кампании избирается лексическая единица *Золушка* (по торговому названию раствора для капельницы). В качестве визуального ряда используется красивое женское лицо, реципиенту видна его левая сторона, изображение упаковки раствора и листьев алоэ – принятого в пищевой и медицинской рекламе символа увлажнения тканей лица и тела как при наружном, так и при внутреннем применении. Компонент значения ‘увлажнение’ «усиливают» изображение мокрых волос девушки и существительное *увлажнение* на упаковке. Однако *Золушка* – прецедентный феномен, героиня западноевропейской сказки, известной в редакциях Шарля Перро, братьев Гримм и Дж. Базиле. Прецедентное имя главной героини, *Золушки*, выстраивает у реципиента текста ассоциативную связь с доминантами прецедентных текстов, которые неизменны в различных их вариациях: юная девушка из знатной семьи, сирота, встреча с принцем, приводящая к свадьбе, идентификация по туфельке – и которые не были актуализированы в поликодовом тексте рассматриваемой рекламы. Связь очищающего эффекта рекламируемой услуги и коммерческого названия *Золушка*, на наш взгляд, построена только на одном элементе прецедентного текста – *Золушка убирает* (чистит) *дом*, поэтому, на наш взгляд, выбор данного прецедентного текста

не отвечает содержанию указанной услуги. Прецедентный текст сказок о Золушке содержит такие доминантные смыслы, как ‘уборка дома без однозначного результата’, ‘умная красивая девушка’, ‘молодость’, ‘свадьба с принцем’, однако они не поддержаны изображением и ожидаемым от купленного товара эффектом.

Языковая игра

Языковую игру мы видим, например, в поликодовом тексте рекламы медицинского центра *Клиника Доктор Ч* при использовании повторов *без стационара; без наркоза; без швов; бесплатно* (рис. 4а). Примеры с предлогом *без* оформлены с помощью тезисного выделения, приставка *бес-* вынесена в овал. Применение анафоры в данном случае позволяет актуализировать визуальный компонент – изображение девушки в белье с длинными красивыми ногами – рекламы флебологического направления деятельности медицинского центра. Вербальные единицы *без стационара* выражают смысл ‘возможное проведение операции в рамках дневного стационара’; *без наркоза* – ‘регионарная седация’; *без швов* – ‘незначительные рубцовые поражения тканей’; таким образом, организация текста с использованием повторяющихся сочетаний предлога *без* с лексическими единицами, именуемыми основные страхи пациента перед операцией, позволяет привлечь к данной рекламе внимание реципиентов. Безусловно, протокольное флебологическое лечение не соответствует в полной мере обещанным рекламой решениям, однако троекратное повторение конструкций с *без* в сочетании с *бесплатно*, центральный визуальный компонент и цветовое решение – цвет загорелой кожи в сопровождении шоколадного цвета графем, закрепленных в логотипе медицинского центра – позволяют будущему пациенту оптимистично принять предложение о консультации врача-флеболога. Мы оцениваем данный текст как удачный пример использования языковой игры, так как в нем отмечается деструкция нормативных связей языка (последовательное употребление трех существительных с предлогом *без*) с целью достижения определенного (в данном случае – аттрактивного) эффекта. В нормативном варианте данная фраза звучала бы как *амбулаторное лечение варикоза на любой стадии без наркоза и швов*.

Поликодовый текст (рис. 4б) рекламы капельницы *Доброе утро* построен на *несоответствии* между вербальным компонентом и изображением (оппозитивные отношения): визуальный ряд вступает в противоречие с вербальной информацией, на основе чего возникает аттрактивный эффект. В рекламном сообщении мы видим изображение рок-концерта (на это указывают силуэты людей с поднятыми руками и сидящий на плечах друга человек), который, вероятно, был накануне. Фоновые знания позволяют реципиенту представить общее возбужденное состояние участника подобного мероприятия и набор напитков «афтерпати», что подкрепляется текстом, набранным мелким шрифтом: *Назначается при выраженной интоксикация организма. Рекомендована после интоксикации алкоголем, лекарственными препаратами, наркозом. Оказывает поддержку печени в работе по детоксикации, нормализует кислотно-щелочной баланс и газовый состав крови*. Вышеперечисленное вступает в противоречие со слоганом рекламного текста, который дублирует торговое название препарата – *Доброе утро!* В практике анализа поликодового текста подобное

построение сближается по производимому эффекту с языковой игрой (построение словосочетания или фразы с нарушением языковых системных отношений для достижения определенного эффекта), что позволило нам объединить данные примеры в один параграф.

Каламбур в рекламе препарата *афобазол* (см. рис. 4в) основан на одновременной актуализации двух лексико-семантических вариантов глагола *накручивать*: ЛСВ₁ ‘намеренно тревожиться’ и ЛСВ₂ ‘наматывать нить на основу’. Контекст применения препарата от стресса и тревоги актуализирует ЛСВ₁, а изображение (девушка, обхватившая руками голову – символ тревоги – которая обмотана нитками) – ЛСВ₂.

а)

б)

в)

Рис. 4. Примеры языковой игры в медицинской рекламе

Употребление терминологических единиц

Вербальный компонент поликодового текста медицинского дискурса содержит значительное количество терминологической лексики. Большую ее часть составляют номинации врачей по сфере профессиональной деятельности (*кардиолог, проктолог* (см. рис. 4а)); названия болезней (*полли-*

ноз, аллергический ринит (см. рис. 1а)) и симптомов (*тревога, раздражение* (см. рис. 4в)). Если приведена часть оригинального описания препарата, то контекст употребления терминологической единицы понятен, например: *Обладает противовирусной активностью, снижает выраженность симптомов, уменьшает воспаление, нормализует иммунный ответ* (см. рис. 5а). Однако создание вторичного текста в ряде случаев приводит к коммуникативному сбою, что вызвано двумя факторами: 1) наличием пар/рядов нозологических и бытовых терминов, обозначающих болезни, врачей, симптомы и т. д. (*пневмония – воспаление легких; окулист – глазной врач – офтальмолог*), и 2) тем фактом, что авторами и реципиентами рекламного медицинского текста являются люди без навыков декодирования первичного медицинского текста. Создание вторичного текста предполагает определенную адаптацию первичного текста на уровне лексики и синтаксиса. Так, например, на наш взгляд, ошибочным является употребление в качестве однородных членов предложения лексических единиц в следующем примере (см. рис. 5б): [*STOP*] *гельминтам, глистам, паразитам!*, поскольку слово *паразиты* является гиперонимом, *гельминты* – гипонимом (согипонимами могут быть такие слова, как *лямблии* (протозойные организмы), *платяные вши* (эктопаразиты) и др.). Лексическая единица *глисты* – это член синонимико-вариативного ряда для термина *гельминты* [22, с. 45].

в)

в)

Рис. 5. Примеры употребления терминов в медицинской рекламе

Наличие вербальной избыточности, логических, пунктуационных и стилистических неточностей

Избыточность вербального компонента возникает в ситуации, когда составитель рекламного текста вкладывает в него дополнительные смыслы, не согласовывая их с уже существующим контентом, например, в рекламе на рис. 2а употреблены словосочетания *профессорский медицинский центр* и *экспертное УЗИ*. На наш взгляд, использование относительного прилагательного *про-*

фессорский в приведенном словосочетании является примером лексической избыточности, поскольку выражаемое данной лексической единицей значение ‘относящийся к профессору, связанный с его деятельностью’ или ‘такой, как у профессора, свойственный ему’ не реализовано в контексте рекламы; мы понимаем *профессорский медицинский центр* как ‘медицинский центр, в котором работают врачи, имеющие научное звание профессора’ и относим данный пример к ошибочному словоупотреблению. Подобная особенность обнаруживается и в сочетании *экспертное УЗИ*. Эксперт в значении ‘мастер, специалист высокого уровня’, безусловно, максимально точно и подробно оценивает состояние больного на основании данных ультразвукового исследования, но это по протоколу должен делать *каждый* врач-узист. Таким образом, это проявление избыточности.

Медицинская реклама содержит определенное количество орфографических, пунктуационных и стилистических неточностей. Так, в рекламном тексте на рис. 6а слоган включает фразу: *Оцените эффект кальция благодаря витамину Д₃*. В предложении допущен пропуск смыслового глагола/глагольной формы (например, *достигнутый/который был достигнут*), без которого смысл фразы размыт.

На рис. 6б нами отмечено использование фразы *во сне* (*Процедуры «во сне»: гастроскопия, колоноскопия*), которая является разговорным перифразом сочетания *под наркозом*, что нарушает стилистическую целостность текста, в котором из 34 единиц только 3 не являются медицинскими терминами (*Charlet, во сне, ведут*).

В списке врачей, которые ведут прием в рекламируемой медицинской клинике Charlet Santé Clinique, нарушена логика перечисления специалистов (*терапевт, отоларинголог, маммолог, хирург, гастроэнтеролог, уролог* и др.). В данном списке представлены как клинические специалисты (например, *андролог, проктолог*), так и представители традиционной медицины (например, *рефлексотерапевт, мануальный терапевт*). Также в список включены лексические единицы *патронаж беременных, эндоскопия, УЗИ-диагностика*, которые не сочетаются с заголовком *Прием ведут врачи*, включающий обобщающее слово *врачи*, и с однородными подлежащими *кардиолог, невролог* и др. Также стоит отметить написание названий специалистов с заглавных букв (*Ангиохирург, Эндокринолог* и др.), а фразы «*во сне*» – в кавычках, что противоречит нормам современного русского языка.

Также в контексте медицинской рекламы часто встречается нарушение сочетаемости единиц. В рассматриваемом массиве примеров были обнаружены подобные рекламные тексты, например, в контексте *восстанавливает собственную микрофлору кишечника* (см. рис. 6в) прилагательное *собственный* не сочетается с существительным *микрофлора*, поскольку микрофлора всегда принадлежит кому-то, в ее лексическом значении есть семы ‘симбиоз’, ‘свой, собственный’. Таким образом, преобразование научно-популярного медицинского текста, например, инструкции по применению медицинского препарата, во вторичный медицинский текст приводит к некорректному применению терминов, избыточности и ошибкам, что является характерной чертой медицинской рекламы.

а)

б)

в)

Рис. 6. Примеры медицинской рекламы, содержащей неточности

Заключение

Медицинская печатная реклама как поликодовый жанр медицинского дискурса характеризуется ограниченным тематическим кругом: в качестве частотной в выборке отмечена реклама медицинских препаратов; существенно меньше количество поликодовых текстов рекламы медицинских услуг и мероприятий. Отдельным аспектом медицинской рекламы является социальная реклама.

Конститутивными признаками медицинской печатной рекламы на русском языке, выделенными в ходе исследования, стали: характер взаимосвязи компонентов поликодового текста (ведущая роль визуального ряда и доминирование интегративной и изобразительно-центричной связей вербального и визуального компонентов); частотность таких приемов, как перифраз, языковая игра в вер-

бальном компоненте; использование терминов, в том числе в новых контекстах, как правило, на стыке первичного и вторичного текстов.

Для поликодового текста печатной медицинской рекламы характерно наличие символического ряда, использование прецедентных феноменов цивилизационного и национального уровней, применяемых с целью выделения медицинской услуги или препарата среди ряда подобных, а также избыточность и неточности в употреблении лексики вследствие адаптации первичного медицинского текста для рекламных целей.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

Ф338 – Федеральный закон от 13 мар. 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // Собр. законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232; 2009. № 52. Ст. 6430; 2011. № 30. Ст. 4566.

Литература

1. *Косицкая Ф.Л., Матюхина М.В.* К вопросу о жанровой палитре медицинского дискурса // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2018. № 7 (196). С. 43–47. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-7-43-47>.
2. *Первухина С.В.* Лингвопрагматические и функционально-стилистические характеристики рекламно-медицинского субдискурса // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2019. № 1 (178). С. 51–56. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.270>.
3. *Дугалич Н.М.* Конститутивные признаки медицинского плаката // Российский социально-гуманитарный журнал (Вестник МГОУ). 2023. № 4. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-4-1366>.
4. *Сараева Е.Е., Детинко Ю.И.* Информационный медицинский плакат о профилактике COVID-19 в мультимодальном аспекте: средства воздействия на аудиторию // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2023. № 1 (225). С. 49–57. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-49-57>.
5. *Акаева Э.В.* Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 149 с.
6. *Барсукова М.И., Шешнева И.В., Рамазанова А.Я.* Рискогенность общения врача и пациента: коммуникативный аспект // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 486–487.
7. *Гончаренко Н.В.* Суггестивность медицинского дискурса // Изв. ВГПУ. 2008. № 2 (26). С. 12–16.
8. *Жура В.В.* Речевые стратегии врача в устном медицинском дискурсе // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. С. 59–61.
9. *Зубкова О.С.* Репрезентация смысловой предикации в медицинском дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 4 (39). С. 83–90.
10. *Мишланова С.Л., Уткина Т.И.* Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты). Пермь: Пермский гос. ун-т, 2008. 427 с.
11. *Ткачева Т.А.* Инициальные аббревиатуры как результат процесса компрессии в медицинском терминологическом образовании и их языковой статус (на материале русского и

- французского языков) // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2022. № 19 (1). С. 42–48. <https://doi.org/10.14529/ling220106>.
12. Степанова Е.С. Метафорическая репрезентация коронавируса в медицинских мифах // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 1. С. 174–183. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-174-183>.
 13. Дугалич Н.М. Средства создания комического эффекта в карикатуре медицинского дискурса // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. Вып. 4 (51). С. 46–58.
 14. Кустова О.А. Комизм в поликодовых текстах малого формата (на материале карикатуры) // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 2 (8). С. 114–119.
 15. Новоспаская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. № 20 (3). С. 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>.
 16. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеOVERBального текста: дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 237 с.
 17. Таюпова О.И., Полякова Е.В. Визуализация в медицинском рекламном дискурсе Германии // Медиалингвистика. 2022. Т. 9, № 4. С. 393–403. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.406>.
 18. Белова М.А., Шаклеин В.М. Лингвокультурологический анализ текстов карикатур // Русистика. 2012. № (2). С. 19–24.
 19. Цзоу Х., Новоспаская Н.В. Классификация элементов лингвокультурологической информации в поликодовом тексте печатной рекламы на материале русского и китайского языков // Litera. 2021. № 2. С. 1–10. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.2.35001>.
 20. Чигринова Е.А. Особенности лингвокультурного образа-стереотипа «врач» с позиций направленного ассоциативного эксперимента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 153–157. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.33>.
 21. Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М. Методика анализа креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках // Вестн. РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23, № 1. С. 127–133. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133>.
 22. Рубан А.Е. О понятии синонимико-вариативного ряда (к уточнению метаязыка функционально-коммуникативной грамматики русского языка) // Русистика. 2010. № 2. С. 45–51.

Поступила в редакцию 05.01.2024

Принята к публикации 10.03.2024

Дугалич Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Медицинского института, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, 117198, Россия

E-mail: dugalich-nm@rudn.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.93-107

Medical Advertising as a Polycode Text Genre*N.M. Dugalich**Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, 117198 Russia*E-mail: *dugalich-nm@rudn.ru*

Received January 5, 2024; Accepted March 10, 2024

Abstract

This article explores the key features of contemporary medical print advertising in Russia, such as the subject matter, the interplay between words and images, expressive means and their frequency, as well as linguistic and visual indicators associated with medical discourse. A total of 103 Russian medical print advertisements were collected from the Internet by continuous sampling. The analysis of these advertisements confirmed that medical advertising is a form of medical discourse that has specific features. Some of them include the use of medical terms (colloquial rather than nosological), precedent phenomena, and language play. It was also found that medical print advertising relies heavily on the integrative and image-centric connections between the verbal and visual series of a polycode text.

Keywords: medical discourse, medical advertising, polycode text, linguocultural features, Russian language

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Figure Captions

- Fig. 1. Examples of medical advertising types: *a)* medical product advertising, *b)* medical services advertising, *c)* medical event advertising, *d)* medical social advertising.
Fig. 2. Examples of medical advertising featuring the image of a doctor.
Fig. 3. Examples of medical advertising based on precedent phenomena.
Fig. 4. Examples of language play in medical advertising.
Fig. 5. Examples of terminology used in medical advertising.
Fig. 6. Examples of medical advertising with inaccurate claims.

References

1. Kositskaya F.L., Matyukhina M.V. The genre range of medical discourse. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2018, no. 7 (196), pp. 43–47. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-7-43-47>. (In Russian)
2. Pervukhina S.V. Linguopragmatic and functional-stylistic characteristics of the medical advertising subdiscourse. *Uchenye Zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2019, no. 1 (178), pp. 51–56. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.270>. (In Russian)
3. Dugalich N.M. Constitutive characteristics of a medical poster. *Rossiiskii Sotsial'no-Gumanitarnyi Zhurnal (Vestnik MGOU)*, 2023, no. 4. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-4-1366>. (In Russian)
4. Saraeva E.E., Detinko Yu.I. Multimodal specifics of the COVID-19 prevention poster: Impacts on the audience. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2023, no. 1 (225), pp. 49–57. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-49-57>. (In Russian)
5. Akaeva E.V. Communication strategies of professional medical discourse. *Cand. Philol. Diss.* Omsk, 2007. 149 p. (In Russian)

6. Barsukova M.I., Sheshneva I.V., Ramazanova A.Ya. The risks in doctor–patient interaction: A focus on communicative aspect. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 2019, no. 3 (76), pp. 486–487. (In Russian)
7. Goncharenko N.V. Suggestiveness of medical discourse. *Izvestiya VGPU*, 2008, no. 2 (26), pp. 12–16. (In Russian)
8. Zhura V.V. Speaking strategies of a doctor in oral medical discourse. *Al'manakh Sovremennoi Nauki i Obrazovaniya*. Tambov, Gramota, 2007, no. 3 (3), pt. II, pp. 59–61. (In Russian)
9. Zubkova O.S. Representation of semantic predication in medical discourse. *Teoriya Yazyka i Mezhhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2020, no. 4 (39), pp. 83–90. (In Russian)
10. Mishlanova S.L., Utkina T.I. *Metafora v nauchno-populyarnom meditsinskom diskurse (semioticheskii, kognitivno-kommunikativnyi, pragmaticheskii aspekty)* [Metaphors in Popular Scientific Medical Discourse (Semiotic, Cognitive-Communicative, and Pragmatic Aspects)]. Perm, Permsk. Gos. Univ., 2008. 427 p. (In Russian)
11. Tkacheva T.A. Initial abbreviations resulting from compression during the formation of medical terms and their linguistic status (based on the Russian and French languages). *Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika*, 2022, no. 19 (1), pp. 42–48. <https://doi.org/10.14529/ling220106>. (In Russian)
12. Stepanova E.S. Metaphorical representation of coronavirus in medical myths. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya Yazyka. Semiotika. Semantika*, 2022, vol. 13, no. 1, pp. 174–183. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-174-183>.
13. Dugalich N.M. Ways to create a comic effect in caricatures of medical discourse. *Teoriya Yazyka i Mezhhkul'turnaya Kommunikatsiya*, 2023, no. 4 (51), pp. 46–58. (In Russian)
14. Kustova O.A. Comic effect in small polycode texts (based on caricatures). *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya Yazyka. Yazykovoe Obrazovanie*, 2011, no. 2 (8), pp. 114–119. (In Russian)
15. Novospasskaya N.V., Dugalich N.M. Terminological system of the polycode text theory. *Rusistika*, 2022, no. 20 (3), pp. 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>.
16. Poimanova O.V. Semantic space of video-verbal text. *Cand. Philol. Diss.* Moscow, 1997. 237 p. (In Russian)
17. Tayupova O.I., Polyakova E.V. Visualization in the medical advertising discourse of Germany. *Medialingvistika*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 393–403. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.406>. (In Russian)
18. Belova M.A., Shaklein V.M. Linguistic and culturological analysis of caricature texts. *Rusistika*, 2012, no. 2, pp. 19–24. (In Russian)
19. Zou H., Novospasskaya N.V. Classification of linguocultural elements in polycode texts of print advertising from Russian and Chinese sources. *Litera*, 2021, no. 2, pp. 1–10. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.2.35001>. (In Russian)
20. Chigrinova E.A. Features of the linguocultural stereotypical image “doctor” from the perspective of direct association experiment. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*. Tambov, Gramota, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 153–157. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.33>. (In Russian)
21. Ebzeeva Y.N., Dugalich N.M. Methodology for analyzing creolized text of political cartoon in the Arabic and French languages. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 127–133. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133>. (In Russian)
22. Ruban A.E. On synonymous and confusable series (defining the metalanguage of functional and communicative grammar of the Russian language). *Rusistika*, 2010, no. 2, pp. 45–51. (In Russian)

Для цитирования: Дугалич Н.М. Медицинская реклама как жанр поликодового текста // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 93–107. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.93-107>.

For citation: Dugalich N.M. Medical advertising as a polycode text genre. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 93–107. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.93-107>. (In Russian)

ОНТОЛИНГВИСТИКА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.108-117

ПОНИМАНИЕ НЕЗНАКОМОГО СЛОВА В ТЕКСТЕ: РАЗЛИЧНЫЕ ТАКТИКИ ДЕТЕЙ-МОНОЛИНГВОВ И ДЕТЕЙ-ИНОФОНОВ

Г.Р. Доброва¹, П.М. Трифонова²

*¹Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, 191186, Россия*

*²Средняя общеобразовательная школа № 310 Фрунзенского района,
г. Санкт-Петербург, 195274, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос о различных тактиках, используемых детьми, в ситуации необходимости понять значение незнакомого им слова в тексте. Исследование основано на эксперименте, проведенном в выборке из 24 детей 8–9 лет (12 монолингвов и 12 инофонов). Отмечено, что в названной ситуации возможны две основные тактики, помогающие понять значение незнакомого слова в тексте: опора на контекст и опора на внутреннюю форму слова. Результаты эксперимента четко показали, что дети-монолингвы в такой ситуации более склонны опираться на контекст, а дети-инофоны – на внутреннюю форму слова. При этом дети-инофоны не просто опираются на внутреннюю форму, но и очень часто полностью игнорируют контекст – и его смысл, и его грамматическую оформленность. Кроме того, было выявлено, что склонность детей-инофонов к опоре именно на внутреннюю форму настолько сильна, что проявляется даже в ситуациях, когда все остальные слова в контексте им понятны. Следовательно, дело не только в незнании детьми-инофонами каких-то русских слов, но и в отсутствии привычки опираться на контекст вообще, обращать на него внимание, что обязательно следует учитывать при работе с инофонами.

Ключевые слова: агнонимы, инофоны, контекст, внутренняя форма слова

В последние десятилетия в научной литературе получил довольно широкое распространение термин «агноним», под которым принято понимать неизвестное (кому-либо) слово. Агноним – это лексическая или фразеологическая единица языка, которая неизвестна, непонятна или малопонятна одному или многим его носителям [1]; это такое слово, которое непонятно индивиду [2]. При этом, как отмечает В.Д. Черняк, «в системном аспекте понятие “агнонимы” соотносится с пассивным словарным составом, непосредственно связано с периферийными пластами лексики» [3, с. 296]. Именно поэтому, по-видимому, термин «агноним» часто используется при разговоре об устаревшей/устаревающей лексике, хотя, как представляется, те, кто вводил этот термин, не имели в виду лишь такое ограниченное его использование, а предполагали более широкое его понимание,

подразумевая под агнонимами не только слова, непонятные носителю языка по причине их перемещения из активного словаря в пассивный из-за их устаревания, но и слова, непонятные носителю языка по другим причинам, причем не только из-за низкой частотности их использования (например, вследствие принадлежности к лексике ограниченного употребления: диалектизмам, профессионализмам и др.), но и из-за незнания данного слова конкретным индивидом по каким-то иным, в том числе и личным, причинам.

Однако, несмотря на то что многие исследователи используют термин «агнонимы», есть некоторые обстоятельства, которые заставляют нас относиться к нему с настороженностью. По самой своей природе этот термин релятивен. Если мы сравним его с другими лингвистическими терминами, то увидим, что он в некотором смысле выбивается из общего ряда. Так, синонимы и антонимы являются таковыми для всех носителей языка, а тот языковой знак, который будет агнонимом для одного человека, может вовсе не являться им для другого.

Следовательно (в отличие от синонимов, антонимов и т. д.), агнонимия – это не столько факт языка, сколько факт *сознания* индивида. Недаром много занимавшаяся агнонимами и агнонимией Г.М. Мандрикова говорит об агнонимах прежде всего как об антропоцентрических единицах (см., например, [4]). При этом сам по себе агноним – лексическая или фразеологическая единица *языка*.

Кроме того, как представляется, при определении слова как агнонима слишком значим субъективный фактор. Так, если обратиться к разновидностям агнонимов, выделяемых В.В. Морковкиным, то, например, в шестую разновидность попадают слова, которые сам человек, в силу особенностей своего жизненного опыта, знает и использует, однако полагает, что другие люди их не знают или знают плохо. В качестве примера, который кажется нам несколько сомнительным, приводится слово *менталитет* [1, с. 106]. Возможно, именно в силу нашего собственного жизненного опыта это слово не представляется нам неизвестным или плохо известным носителям русского языка. Точнее – не более редким (агнонимичным?), чем какие-то другие слова иноязычного происхождения. По всей видимости, вопрос о том, насколько вероятны частотность употребления и знание (или незнание) именно этого слова носителями языка, является достаточно дискуссионным, однако с помощью приведенного примера можно показать, насколько субъективны критерии отнесения слов к агнонимам – даже у тех лингвистов, чьи труды являются «классическими» в этой области.

Еще больше смущает существования словарей агнонимов (например, словаря агнонимов чувашского языка Э.В. Фомина [5]). Возникают следующие вопросы. Для кого эти слова являются агнонимами? Для всех носителей чувашского языка? (Как тогда можно эти слова относить к чувашскому языку?) Или для многих носителей? Или только для некоторых? Или для самого автора-составителя этого словаря? Ответов на перечисленные выше вопросы в указанной статье Э.В. Фомина не обнаруживается. Следовательно, представляется, что нецелесообразно говорить о каких-то словах как об «агнонимах вообще»; в каждом случае надо добавлять, что некое слово является агнонимом для кого-то с указанием того, для кого именно. Поэтому из-за некоторой «несамодостаточности», с нашей точки зрения, термина «агноним» последний в настоящей статье использоваться не будет, речь пойдет просто о словах с неизвестным, незнакомым (кому-то конкретному) значением.

Еще один термин, требующий предварительного обсуждения, – это часто используемый в последние годы (например, в [6, 7] и др.) термин «инофон». Инофон – человек, родной язык которого отличается от языка, доминантного для данного общества. Данный термин, кстати, тоже является релятивным, потому что инофон будет считаться таковым по отношению к какому-либо языковому коллективу. Так, тот, кто является инофоном в России (например, приехавший из Узбекистана), вовсе не является инофоном в Узбекистане.

Однако здесь релятивность термина оправдана тем, что в каждом конкретном случае вполне очевидно, что человек является инофоном по отношению к языковому коллективу страны проживания.

Обсуждаемое в данной статье исследование проводилось в 2022 г. на базе средней школы № 310 Фрунзенского района г. Санкт-Петербурга. В эксперименте участвовало 24 младших школьника 8–9 лет: 12 детей-инофонов (6 мальчиков и 6 девочек) и 12 детей-монолингвов (6 мальчиков и 6 девочек). Учащиеся-инофоны были детьми-билингвами с родными языками узбекским, азербайджанским и таджикским. Все они либо родились уже в России, либо приехали в РФ относительно давно и владеют русским языком в такой степени, что могут принять участие в эксперименте. Задания выполнялись в письменной форме.

Целью исследования было выяснить, какими тактиками пользуются дети-инофоны (в сопоставлении с детьми-монолингвами) в ситуации, когда они сталкиваются в тексте со словом, значение которого им неизвестно.

Следует отметить, что, как ни странно, вопросами о том, как человек-инофон (не обязательно ребенок) пытается понять значение незнакомого ему слова в тексте, а также о различиях в тактиках инофона и монолингва в описанной ситуации долгое время вообще практически никто не занимался. Назовем лишь две статьи М.Б. Елисеевой и В.Г. Романенко 2014 г. [8, 9], а также нашу статью 2015 г. [10].

Так, в нашем предыдущем исследовании было выявлено, что:

1) чтобы понять незнакомое слово в тексте, из двух возможных тактик (опора на внутреннюю форму слова и опора на контекст) дети-монолингвы чаще опираются на контекст, а дети-инофоны – на внутреннюю форму слова;

2) при опоре на внутреннюю форму слова, если у ребенка не получается опереться и на семантику корня, и на значение аффиксов, русскоязычные дети-монолингвы гораздо чаще, чем инофоны, опираются на семантику аффиксов (то есть на словообразовательную модель), а дети-инофоны – на корень, игнорируя словообразовательную модель, либо вообще ориентируются на фонетические аналогии.

Сразу отметим, почему мы считаем важным (и продуктивным) опираться на контекст. Необходимость учета контекста определяется той ролью, которую он играет в осуществлении вероятностного прогнозирования, поскольку подсказывает семантику слова, тематическую область, к которой оно относится [11, с. 85].

Итак, на основании предшествующих исследований была выдвинута гипотеза, согласно которой у человека существуют две основные возможности понять значение неизвестного ему слова в тексте: а) опереться на его внутреннюю форму, б) опереться на контекст; при этом дети-монолингвы чаще пытаются опереться на контекст, а дети-инофоны (в силу недостаточного знания русского языка) – на внутреннюю форму слова.

Заметим, кстати, что сказанное касается не только детей. То же может быть отнесено и к взрослым индивидам – монолингвам и инофонам.

Проведенный нами эксперимент состоял из пяти заданий.

В первом задании детям предлагались три предложения, которые содержали по одному предположительно незнакомому им слову (*обечайки, обабки и гимнастерка*). Например:

Прочитай предложение и определи значение слова «гимнастерка». Выбери вариант ответа.

Мы снимали гимнастерку с наградами и оставались или в свитере, или в меховой куртке, если она была (ДР):

а) гимнастка; б) рубашка; в) гимназистка.

Для каждого предложения было предусмотрено по три варианта ответа, среди которых были предполагающие опору как на внутреннюю форму слова, так и на контекст. Так, при определении значения слова *гимнастерка* варианты **а** и **в** соотносятся с опорой на его внутреннюю форму, а вариант **б** – с опорой на контекст.

При выполнении подобного задания дети-монолингвы чаще выбирают вариант «рубашка», а дети-инофоны – «гимнастка» или «гимназистка». Необходимо обратить внимание на то, что варианты, выбираемые детьми-инофонами, абсолютно не подходят к данному тексту, если обращать внимание на контекст: ведь речь идет о предмете, который кто-то снимает с себя, то есть явно о предмете одежды. Поэтому ответы «гимнастка» или «гимназистка» с очевидностью противоречат контексту.

Отметим также, что при выполнении этого задания детьми-монолингвами наблюдалось большое количество самоисправлений. Многие сначала выбирали ответ с опорой на внутреннюю форму слова, а затем исправляли его на ответ с опорой на контекст. На этом основании можно предположить, что опора на внутреннюю форму слова – это то, что первым приходит человеку в голову, а опора на контекст возникает при более внимательном прочтении.

Во втором задании детям предлагалось прочитать отрывки сказки или рассказа и сформулировать значение предположительно неизвестных им слов. Так, они должны были прочитать отрывок из русской сказки «Колобок», определить значение слова *завалинка* и записать свой ответ:

Замесила она тесто, испекла колобок и положила его остывать на окошко. Надоело колобку лежать. Соскочил он с окна на завалинку, с завалинки на дорожку – и покатился по дорожке... (КОЛ).

В этом же задании им было нужно было прочитать отрывок из рассказа, определить и записать значение слова *повойник*:

Это были какие-то блуждающие тени, пугавшие наше детское воображение, тем более что моя старая бабка, которую я не могу иначе вообразить себе, как в огромном повойнике, с нависшими бровями и грозным сковородником в руке, сильно их недолюбливала и называла «шатунами», «шатуцими людьми» и «людишками» (ИЗ).

В этом задании уже не было «подсказок» (вариантов ответа). Испытуемые должны были самостоятельно определить значение слов *завалинка* и *повойник* – опираясь либо на их внутреннюю форму, либо на контекст.

Сравним примеры ответов на это задание детей-монолингвов и детей-инофонов.

Определяя, что такое *завалинка* (*скатился он с окна на завалинку*), дети-монолингвы чаще опирались на контекст и давали ответы типа *подоконник, полка, доска возле окна* и т. д., а дети-инофоны чаще опирались на внутреннюю форму слова и давали ответы типа *падаю, завалился, катится, валенки* и т. д. (что никак не подходит к контексту и демонстрирует полное непонимание смысла предложения).

При ответе на вопрос, что такое *повойник* (*бабка в огромном повойнике*), дети-монолингвы чаще опирались на контекст, почти все поняли, что речь идет о головном уборе, и давали ответы типа *кепка, платок, парик, шляпа* и т. д., а дети-инофоны чаще опирались на внутреннюю форму слова и предлагали ответы типа *зверь, вой, подвал, повозка, воняет* (что никак не соответствует контексту и также демонстрирует полное непонимание смысла предложения).

В третьем задании дети должны были прочитать предложение, подобрать синоним к предположительно неизвестному им слову и записать ответ. Так, им нужно было подобрать синоним к слову *бархан*:

За очередным барханом открылась скромная хижина на берегу озера, окруженная чалхymi пальмовыми деревьями (ДТ).

Также в этом задании испытуемые должны были подобрать синоним к слову *маринист*:

И.К. Айвазовский – известный русский маринист, посвятивший свою жизнь воспеванию моря (РЯ7).

Таким образом, дети должны были самостоятельно подобрать синонимы (что это такое – им к этому моменту уже объяснили) к словам *бархан* и *маринист* – опираясь либо на их внутреннюю форму, либо на контекст.

При подборе синонимов к слову *бархан* (*за очередным барханом открывалась скромная хижина*) дети-монолингвы чаще опирались на контекст и давали ответы типа *гора, двери, заросли, лес, дебри* и т. д., а дети-инофоны чаще опирались на внутреннюю форму слова и предлагали ответы типа *хан, бархатный, бархатистый* (никак не подходящие к контексту и демонстрирующие полное непонимание смысла предложения). Аналогичным образом при подборе синонима к слову *маринист* дети-монолингвы также чаще опирались на контекст, а дети-инофоны – на внутреннюю форму слова». Так, дети-монолингвы к слову *маринист* подбирали в качестве синонима слово *художник*, однако некоторые из них назвали в качестве синонима слова *краски, кисточка, рисовать*. Такие ответы, естественно, в первую очередь свидетельствуют о том, что многие учащиеся-монолингвы явно не поняли, что такое синонимы. Однако для целей данного исследования важнее сам факт опоры на контекст. Отметим также данный одним из детей-монолингвов ответ *музыкант*, возникший, видимо, из-за незнания ребенком второго значения слова *воспевать*: наличие в предложении еще одного незнакомого слова привело к неверному восприятию смысла текста. Однако нельзя не заметить, что и этот ответ – тоже ответ с опорой на контекст (хотя и неверно понятый). Большинство же детей-инофонов опиралось на внутреннюю форму слова: *морьяк, лодка, море* и даже *Марина*.

В четвертом задании детям предлагалось прочитать текст, устно объяснить значение указанного слова, придумать с ним предложение и записать его. Так,

учащиеся должны были на основе приводимого ниже отрывка устно определить значение слова *сдобрить*, придумать и записать с ним предложение:

– *Ох, и каша хороша! – облизнулся солдат. – Как бы сюда да чуток масла – было б вовсе объедение. Нашлось у старухи и масло. Сдобрили кашу* (РНС).

Во второй части этого задания детей просили на основе приведенного ниже отрывка устно определить значение слова *ручник*, придумать и записать с ним предложение:

К основным видам столового белья относят скатерти, салфетки, ручки. Также ручник необходим при подаче напитков (РЕСТ).

Таким образом, в четвертом задании испытуемые должны были не только объяснить значение слов *сдобрить* и *ручник*, но и самостоятельно составить с ними предложения. (Отметим, кстати, что во втором предложении детям мог быть знаком омоним слова *ручник* ('ручной тормоз'), и задачей было проверить, будут ли дети опираться на это, знакомое им, слово, невзирая на его противоречие контексту).

При ответе на вопрос о том, что такое *ручник* (*к основным видам столового белья относят скатерти, салфетки, ручки*), и составлении предложений с этим словом дети-монолингвы чаще опирались на контекст и придумывали предложения типа *Мама дала на ручнике кофе / На столе ручник / Постелили красивый ручник* (хотя многие из этих детей наверняка знают омоним этого слова в значении 'ручной тормоз'). Дети же инофоны создавали предложения типа *В машине ручник / Ручник на двери* и т. д., то есть они (вопреки значению слова в прочитанном тексте) опирались либо на уже известное им значение слова, либо на его внутреннюю форму, но не на контекст. Отметим тот факт, что почти все дети-монолингвы при выполнении этого задания опирались на контекст, хотя, по всей вероятности, многие из них слышали омоним слова *ручник* как разговорную форму наименования стояночного тормоза в автомобиле. Многие же дети-инофоны (возможно, именно те, кто знал этот омоним) опирались именно на него. По-видимому, этот факт свидетельствует о том, что дети-монолингвы, имеющие гораздо более богатый словарный запас, уже понимают, что в языке существуют омонимы, а детям-инофонам, с их более бедным словарным запасом, это еще не известно или для них это пока неактуально. По крайней мере, в данном задании они, не сомневаясь, заменили слово его омонимом (тем более что внутренняя форма у слова *ручник* в значении 'ручной тормоз' более очевидна, чем у слова *ручник* в значении 'разновидность столового белья'), полностью игнорируя контекст, в котором прямо сказано о том, что речь идет именно о столовом белье.

Ключевым было пятое задание эксперимента. Здесь испытуемые сознательно ставились в «конфликтную» ситуацию: задание было составлено таким образом, что необходимо было сделать выбор, на что опираться – на внутреннюю форму слова или на контекст, при этом одно противоречило другому. Кроме того, в пятом задании слова, которые испытуемым требовалось «расшифровать», имели очень явную (прозрачную) внутреннюю форму, а остальные слова в контексте были знакомы всем детям, в том числе и инофонам.

Итак, в пятом задании детям предлагался следующий текст:

Я нашла конверт со странными записками, там – предложения с непонятными мне словами. Помоги мне расшифровать значения выделенных слов. Запиши свой ответ.

1. В пластмассовой сольнице лежал наполовину использованный кусок мыла.
2. Туфельник хотел с помощью красок передать красоту природы.
3. В столовой над стойкой висел температурник, и мы молча смотрели местные новости.
4. Она размешивала кипящий суп в конфетнике с мятыми боками.
5. Здесь стояла кровать и небольшой помойник с одеждой.

В приведенном задании испытуемым предлагалось расшифровать значения выдуманных слов (*nonsense words*): *сольница*, *туфельник*, *температурник*, *конфетник*, *помойник*, и дети должны были либо опереться на контекст, но проигнорировать внутреннюю форму, либо наоборот. При этом важно, что остальные слова в контексте были им знакомы.

Результаты выполнения последнего задания полностью соответствуют результатам предшествующих заданий эксперимента. Так, при ответе на вопрос о том, кто такой *туфельник* (внутренняя форма слова вступает в противоречие с контекстом), дети-монолингвы чаще опирались на контекст и отвечали *художник*; а дети-инофоны чаще опирались на внутреннюю форму слова и давали ответы типа *туфли* (чаще всего), *красить туфли* и т. п. Аналогичным образом при попытках детей объяснить значение остальных «выдуманных слов» дети-монолингвы опирались на контекст, а дети-инофоны – на их внутреннюю форму.

Таким образом, по результатам проведенного эксперимента можно сделать нижеследующие выводы.

1. Большинство детей-монолингвов при необходимости понять смысл незнакомого им слова в тексте, действительно, опирается на контекст, а большинство детей-инофонов – на внутреннюю форму слова.

2. Дети-инофоны не просто более, чем их сверстники-монолингвы, склонны опираться на внутреннюю форму слова, но они при этом чаще вообще не обращают внимания на контекст и дают ответы, которые противоречат последнему как по смыслу, так и с точки зрения грамматики (используя другие части речи (например, глагол) в качестве синонима к существительному).

3. Дети-инофоны, даже если они понимают все остальные слова в контексте, все равно чаще всего при попытке понять значение незнакомого им слова в тексте не опираются на контекст, а используют привычную для них тактику – опору на внутреннюю форму слова. Это позволяет нам сделать вывод о том, что при работе с детьми-инофонами (и, видимо, вообще с инофонами) следует не только насыщать их речь новыми для них словами (чтобы незнакомых им слов становилось меньше), но и формировать у них привычку ориентироваться на контекст при необходимости понять семантику незнакомого слова.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- ДР – Драбкин А.В. Я дрался на штурмовике. М.: Яуза: Эксмо, 2015. 637 с.
- ДТ – Сазерленд Туи Т. Драконья сага. Драконья тьма. М.: АСТ, 2019. 448 с.
- ИЗ – Златовратский Н.Н. Деревенский король Лир: Повести, рассказы, очерки / Сост. и примеч. Т.А. Полторацкой; вступ. ст. С.П. Залыгина. М.: Современник, 1988. 684 с.
- КОЛ – Русская народная сказка «Колобок» / Под. ред. Е.К. Сачковой. М.: Буква-ленд, 2020. 10 с.

- РЕСТ – Кучер Л.С., Шкуратова Л.М., Ефимов С.Л., Голубева Т.Н. Ресторанный бизнес в России: технология успеха / Под ред. С.Л. Ефимова. М.: Рконсульт, 2002. 464 с.
- РНС – Русские народные сказки. М.: Омега, 2021. 128 с.
- РЯ7 – Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / Л.М. Рыбченкова, О.А. Александрова, О.В. Загоровская и др. М.: Просвещение, 2014. 207 с.

Литература

1. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы: слова, которые мы не знаем. М.: Астра семь, 1997. 414 с.
2. Липнина Е.М. Антропоцентрическая сущность агнонимов // Психология, социология и педагогика. 2012. № 11. URL: <https://psychology.snauka.ru/2012/11/1227>, свободный.
3. Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. Вып. 2. М.: Азбуковник, 2003. С. 295–304.
4. Мандрикова Г.М. Агнонимы в современном словоупотреблении: особенности функционирования // Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. 2021. № 14. С. 119–125.
5. Фомин Э.В. Опыт составления словаря агнонимов чувашского языка // Вестн. чуваш. ун-та. 2013. № 4. С. 259–263.
6. Цейтлин С.Н. Иноязычный ребенок в русскоязычной школе // Universum: Вестн. Герценовск. ун-та. 2010. № 1 (75). С. 79–85.
7. Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб: Златоуст, 2012. 488 с.
8. Елисеева М.Б., Романенко В.Г. Освоение значений прилагательных инофонами и русскоязычными младшими школьниками // Языковое и литературное образование в современном обществе – 2013: сб. науч. ст. по итогам Междунар. научно-практ. юбилейной конф. (12–14 декабря 2013 г.). СПб.: ВВМ. С. 206–213.
9. Елисеева М.Б., Романенко В.Г. Типы толкований значений имен прилагательных детми-инофонами и русскоязычными детьми // Начальная школа. 2014. № 6. С. 91–94.
10. Доброва Г.Р., Чернышенко Т.В. Стратегии поиска семантики незнакомого слова детми-инофонами и русскоязычными детьми младшего школьного возраста // Уральский филологич. вестн. Сер.: Психолингвистика в образовании. 2015. № 4. С. 89–97.
11. Цейтлин С.Н., Чиршева Г.Н., Кузьмина Т.В. Освоение языка ребенком в ситуации двуязычия: научная монография. СПб.: Златоуст, 2014. 139 с.

Поступила в редакцию 10.01.2024

Принята к публикации 10.03.2024

Доброва Галина Радмировна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
наб. р. Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: galdobr@peterlink.ru

Трифопова Полина Михайловна, учитель

Средняя общеобразовательная школа № 310 Фрунзенского района
пр. Славы, д. 35, к. 2, г. Санкт-Петербург, 192286, Россия
E-mail: pkhalanskaya@inbox.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.108-117

**Understanding Unfamiliar Words in a Text:
Different Tactics Used by Monolingual and Foreign-Language-Speaking Children**G.R. Dobrova^{a*}, P.M. Trifonova^{b**}^aHerzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 191186 Russia^bGeneral Secondary School No. 310 of the Frunzensky District in St. Petersburg,
St. Petersburg, 195274 RussiaE-mail: galdobr@peterlink.ru, pkhalanskaya@inbox.ru

Received January 10, 2024; Accepted March 10, 2024

Abstract

This article explores various tactics used by children to understand the meaning of unfamiliar words while reading. The study was performed on 24 children aged 8–9 years, including 12 monolinguals and 12 foreign-language speakers. In such a situation, the two primary tactics are relying on either context or the internal forms of words. The results of the experiment show that monolingual children typically focus on context, while children speaking a foreign language depend more on the inner forms of words, which often means giving priority to the second tactic and completely disregarding context, in terms of meaning and grammar. It was also revealed that the reliance on the internal forms of words persists even when all other words in a given context are clear, suggesting that children speaking a foreign language not only face challenges with comprehending certain Russian words but also have the habit of overlooking context in general. It is therefore important to address this tendency and emphasize the need for contextual understanding when working with such children.

Keywords: agnonyms, foreign-language speakers, context, word's inner form**Conflicts of Interest.** The authors declare no conflicts of interest.**References**

1. Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [Russian Agnonyms (Words We Don't Know)]. Moscow, Astra Sem', 1997. 414 p. (In Russian)
2. Lipnina E.M. Anthropocentric nature of agnonyms. *Psikhologiya, Sotsiologiya i Pedagogika*, 2012, no. 11. Available at: <https://psychology.snauka.ru/2012/11/1227>. (In Russian)
3. Chernyak V.D. Agnonyms in the lexicon of a linguistic personality as a source of communication breakdowns. In: *Russkii yazyk segodnya* [Russian Language Today]. Moscow, Azbukovnik, 2003, no. 2, pp. 295–304. (In Russian)
4. Mandrikova G.M. Modern use of agnonyms: Functional features. *Sevastopol'skie Kirillo-Mefodievskie chteniya* [Proc. Sevastopol Cyril and Methodius Lect.], 2001, no. 14, pp. 119–125. (In Russian)
5. Fomin E.V. An attempt of compiling a dictionary of agnonyms for the Chuvash language. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 2013, no. 4, pp. 259–263. (In Russian)
6. Tseitlin S.N. Children speaking a foreign language in a Russian school. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo Universiteta*, 2010, no. 1 (75), pp. 79–85. (In Russian)
7. Chirsheva G.N. *Detskii bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvukh yazykov* [Childhood Bilingualism: Dual Language Acquisition]. St. Petersburg, Zlatoust, 2012. 488 p. (In Russian)

8. Eliseeva M.B., Romanenko V.G. The mastery of adjective meanings among Russian- and non-Russian-speaking primary schoolchildren. *Yazykovoie i literaturnoe obrazovsnie v sovremennom obshchestve – 2013: sb. nauch. st. po itogam Mezhdunar. nauchno-prakt. yubileinoi konf. (12–14 dekabrya 2013 g.)* [Language and Literary Education in Modern Society – 2013: Proc. Int. Sci.-Pract. Anniv. Conf. (Dec. 12–14, 2013)]. St. Petersburg, VVM, 2013, pp. 206–213. (In Russian)
9. Eliseeva M.B., Romanenko V.G. Different ways in which Russian- and non-Russian-speaking children interpret adjective meanings. *Nachal'naya Shkola*, 2014, no. 6, pp. 91–94. (In Russian)
10. Dobrova G.R., Chernyshenko T.V. Strategies used by Russian- and non-Russian-speaking primary schoolchildren to search for the semantics of unfamiliar words. *Ural'skii Filologicheskii Vestnik. Seriya: Psikholingvistika v Obrazovanii*, 2015, no. 4, pp. 89–97. (In Russian)
11. Tseitlin S. N., Chirsheva G.N., Kuz'mina T.V. *Osvoenie yazyka rebenkom v situatsii dvuyazychiya: nauchnaya monografiya* [Language acquisition by Bilingual Children: A Research Monograph]. St. Petersburg, Zlatoust, 2014. 139 p. (In Russian)

Для цитирования: Доброва Г.Р., Трифонова П.М. Понимание незнакомого слова в тексте: различные тактики детей-монолингвов и детей-инофонов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 108–117. [https://doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.108-117](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.108-117).

For citation: Dobrova G.R., Trifonova P.M. Understanding unfamiliar words in a text: Different tactics used by monolingual and foreign-language-speaking children. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 108–117. [https://doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.108-117](https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.108-117). (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.118-130

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РЕЧИ ОДНОГО РЕБЕНКА В ВОЗРАСТЕ ОТ 4 ДО 5 ЛЕТ

М.Б. Елисеева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, 191086, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрено детское окказиональное словообразование в его динамике: словообразовательные инновации в речи одного ребенка в возрасте от 4 до 5 лет сопоставлены с инновациями этого же информанта до 4 лет, проанализированными ранее. Представлен качественный и количественный анализ направлений словообразовательной деривации (прямого, обратного, заменительного) и всех способов словообразования, используемых ребенком при словопроизводстве. Описана (качественно и количественно) частеречная природа мотивирующих и мотивированных слов (инноваций). Рассмотрены словообразовательные модели, по аналогии с которыми ребенок конструирует окказионализмы, и сопоставлены с данными предшествующего этапа. Проанализированы причины утраты актуальности некоторых деривационных моделей в речи ребенка: исчезновение потребности в вербализации определенных фрагментов действительности, освоение модели в предшествующий период и потеря интереса к ее формальной стороне, коммуникативная прозрачность модели (однозначность ее понимания взрослым); продуктивность морфем. Описано появление новых словообразовательных моделей (общих и частных) рассматриваемого возрастного периода, поставлен вопрос о типичном и индивидуальном в детском словообразовании.

Ключевые слова: онтолингвистика, речевой онтогенез, окказиональное детское словообразование, детские инновации, окказионализмы, индивидуальная языковая система

Детское словообразование – невероятно привлекательная область для исследователей речи детей. Ему посвящены основополагающие работы С.Н. Цейтлин: описана история изучения детских речевых инноваций русскими и зарубежными лингвистами начиная с XIX в., а с 50-х годов XX в. – психологами и психолингвистами; подробно рассмотрены различные точки зрения, касающиеся обоснования причин окказионального словообразования (прежде всего – систематизации и генерализации языковых фактов и построения в результате собственной грамматики языка). Исследователем скрупулезно проанализированы механизмы образования инноваций и модели окказиональной детской деривации [1].

Собственно языковые и внеязыковые факторы, помогающие ребенку дошкольного возраста овладеть словообразованием, также указаны в работах С.Н. Цейтлин: «наибольшее подобие в формообразовательном отношении производного и производящего слова» [2, с. 107]; унифицированность основы мотивирующего и мотивированного слова; продуктивность словообразовательного

типа; частотность в речи взрослых производящих слов, а также производных слов, созданных по определенной модели [1].

Вслед за основоположником отечественной онтолингвистики Н.М. Введенская описывает «каркас русской грамматики», обобщая типичные явления детской речи, анализируя в том числе и окказиональное словообразование. Конструирование слов русскоязычным ребенком следует определенными тенденциями: основа слова не изменяется, используется один продуктивный словообразующий элемент (или набор элементов) для создания одного типа форм или слов; грамматические правила применяются всегда, заполняя не только относительные языковые лакуны, но и абсолютные [3].

В настоящей статье анализируется окказиональное словообразование в речи одного ребенка – Лизы Е. – от 4 до 5 лет. Дневник спонтанной речи велся автором исследования от рождения девочки до 10 лет и является частью Фонда данных детской речи Лаборатории онтолингвистики РГПУ им. А.И. Герцена. Словообразовательные инновации этого ребенка были подробно рассмотрены в прежних публикациях [4–6].

Мы ставили своей целью изучить, как постепенно развивается детское словообразование (его особенности у детей до 4 лет и от 4 до 5); в частности, нас интересовали ответы на следующие вопросы:

- 1) каковы направления деривации (прямое, обратное, заменительное) и способы словообразования, используемые ребенком при создании собственных слов;
- 2) к каким частям речи относятся инновации и каково количественное соотношение слов каждой части речи в общем числе инноваций;
- 3) от каких частей речи образуются окказионализмы и какова частеречная пропорция производящих слов;
- 4) по каким моделям ребенок конструирует окказионализмы и что можно назвать типичным;
- 5) какие модели теряют актуальность к 4 годам и почему;
- 6) какие новые модели (общие и частные) появляются в речи ребенка от 4 до 5.

Для возможности сопоставления следует указать и количество словообразовательных инноваций в речи нашего информанта в разные возрастные периоды: с 1.9 до 3 – 83, от 3 до 4 – 196, от 4 до 5 – 113. Мы наблюдаем незначительное количество словообразовательных окказионализмов до 3 лет (формообразовательных в этот период – более чем в три раза больше), затем значительный рост, а впоследствии даже некоторое (относительное) уменьшение.

Однако проявления языковой рефлексии ребенка свидетельствуют о внимании и интересе к словообразовательной структуре слова, о психологической реальности морфем в детском сознании. Приведем фрагмент из дневника, где вопрос о суффиксе эксплицирован: «Несколько раз читали один и тот же рассказ Грабовского – “Муха с капризами”. Книга большая, но Л. просит читать каждый раз один и тот же рассказ. Спрашивает: “А почему он Лордишка?”. Реагирует на экспрессивный суффикс, хочет снова и снова слушать мое объяснение» (4,5,9¹). Этот вопрос можно отнести к «эксплицированным рассуждениям о языке» [7] как проявлениям языковой рефлексии: не высказано прямо, но имеется в виду

¹ Возраст ребенка указан нами следующим образом: количество лет, месяцев, дней (например, 1,2,3 – один год, два месяца и три дня).

(почему его называют *лордишка*?) В 4,4,23 рассуждает перед сном, в кровати: «*Бывает муравьед, бывает мухо-ед, бывает саба-ед*». – *Кого же он ест?* – «*Собак*». (В зоомузее был осоед, я думаю, он превратился в мухоеда)». В этом случае рефлексия еще более очевидна и развернута, и фокус внимания ребенка – опять морфемный состав слова.

Представим результаты количественного анализа, сопоставляя данные периода до 4 лет (см. [4–6]) и от 4 до 5 (рис. 1).

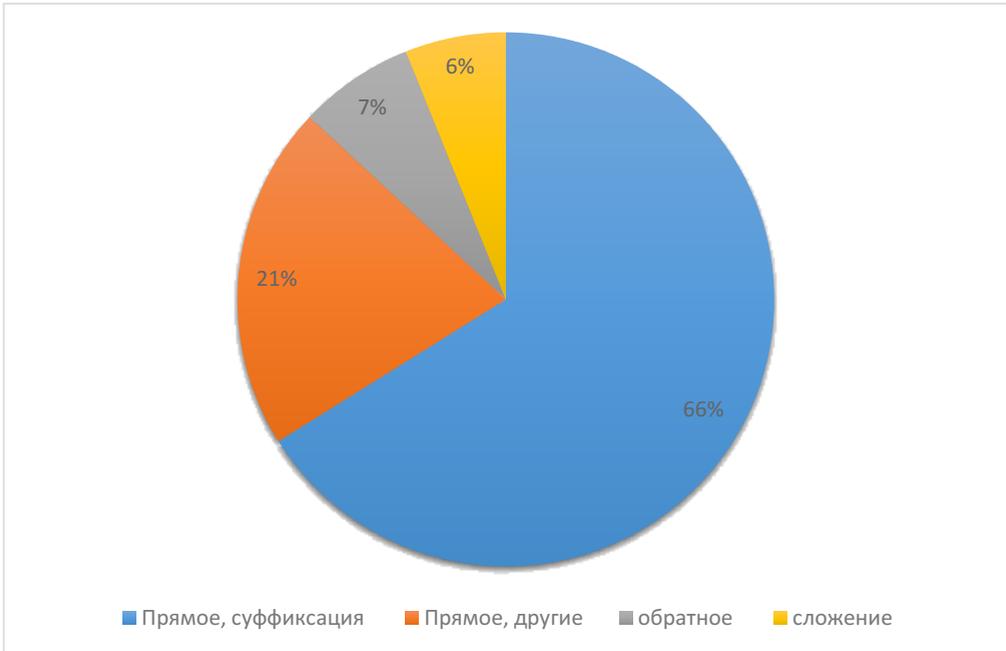

Рис.1. Направления деривации и способы словообразования (в процентах) от 4 до 5 лет

Процентное соотношение направлений деривации и способов словообразования в возрасте от 4 до 5 лет мало отличается от аналогичного соотношения в предыдущий период – от 3 до 4: доли прямого суффиксального словообразования совпадают – 66%, процент остальных способов прямого словообразования стал чуть больше – 21%, но учтем, что в этот показатель попали и случаи сложения (4 примера), которое сейчас мы сочли необходимым дать отдельно: оно становится более продуктивным (6%).

Количественный показатель обратного словообразования совпадает с предыдущим периодом – 7%. Однако качественно оно отличается: на данном этапе (4–5 лет) это исключительно депостфиксация, причем есть только один глагол в инфинитиве (*появить детей*²), остальные случаи – действительные причастия, причем в дневнике отмечено, что такие ошибки частотны: «*“Это лежит кончившее уже”* – в значении *кончившееся, отрывающая=отрывающаяся; валящие=валящиеся*³; *открывающая крышка=открывающаяся*. Возможно, одна

² В 4,3,24 придумывает сказку, глядя на горшок с кактусами: «*Они думали, что появил папа этих детей. А на самом деле это дочка появилась этих детей*» (имела в виду: дочка этого папы).

³ Действительное причастие было образовано, вероятно, от собственной формообразовательной инновации, отмеченной в 3,11,25: «**Я увидела валящиеся палочки. Они валялись**». В 4,2,21 записан следующий пример: «*Валящие буквы надо сюда класть в пакетик=валяющиеся (на полу)*».

из причин устойчивости таких ошибок – фонетическая: непросто сказать такое длинное слово: (4,3,25) “У меня такая открывающая крышка”. Не могла даже повторить правильно вслед за мной причастие». Известно, что это одна из разновидностей грамматических ошибок, характерных для просторечия, но в детской речи они появляются независимо от речи взрослых. В 4,7,27 в дневнике отмечается, что ребенок употребил деепричастие *увидев*, и рядом указано: «Кажется, перестала терять постфикс у причастий (сказала “потерявшийся”»).

Разновидности обратного словообразования в предшествующий период (до 4 лет) – в основном образование глаголов в различных формах (но не в форме причастия) с депостфиксацией, а также десуффиксация существительных (*удка* от *удочка*, *матрѐха*) и депрефиксация глаголов и прилагательных.

Отметим, что в речи Лизы от 4 до 5 полностью отсутствует заменительная глагольная префиксация (до 4 лет было пять таких случаев – 3%), поэтому общее количество случаев прямого словообразования увеличилось – 97% (от 3 до 4 – 91%). Позже заменительная префиксация появится снова, ср. в 8,4,5: «“Колобок вспух, а потом опух”. Я исправляю, говорю, что есть слово *опух* с другим значением. Л. повторяет свое и показывает, как именно колобок “опух”». Другой пример – инновация с большей степенью осознанности, на грани с языковой игрой – в 8,1,29: «Украшали елку. Говорит: “Сейчас наряжаем, а завтра будем разряжать”. Я уверена, что Л. знает, что такого слова нет, но это ее не смущает».

Слова каких частей речи образует ребенок? Как мы видим, в целом их соотношение осталось тем же самым: больше всего существительных (их процент стал еще выше – 43% в сравнении с 37%), на втором месте – глаголы (их относительная доля, напротив, несколько уменьшилась – 30% в сравнении с 38%), на третьем – прилагательные (количество осталось таким же – 24%). Процент наречий по-прежнему очень низок, однако чуть увеличился. Сравнение с данными предшествующего периода см. на рис. 2.

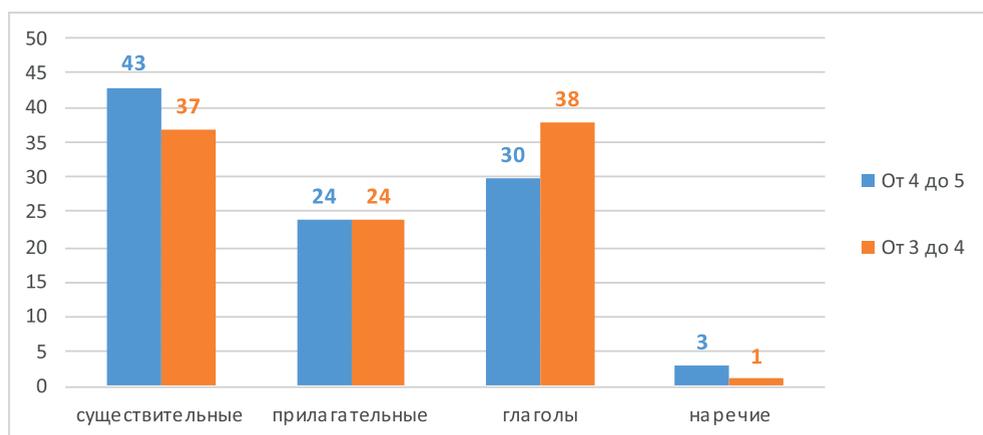

Рис. 2. Частеречное соотношение словообразовательных инноваций (в процентах) от 4 до 5 лет

Следующий вопрос – от каких слов ребенок образует свои окказионализмы? Среди производящих слов предсказуемо больше существительных и глаголов. Аналогичная картина наблюдается как в возрасте от 3 до 4 лет, так и от 4 до 5: но если доли отсубстантивов и отвербативов ранее были одинаковы (по 46%), то

теперь отглагольные дериваты преобладают (46% при 40% отсубстантивных). С.Н. Цейтлин писала об абсолютном приоритете отглагольных дериватов в речи детей, не указывая на возраст, – мы видим это как тенденцию.

Несколько возросло количество отадъективных окказионализмов (9% по сравнению с 6%) и отадвербиальных (4% по сравнению с 1%). Производных от междометий глаголов по-прежнему 1%⁴. Соотношение типов инноваций по частеречной природе производящего слова от 4 до 5 лет представлено на рис. 3:

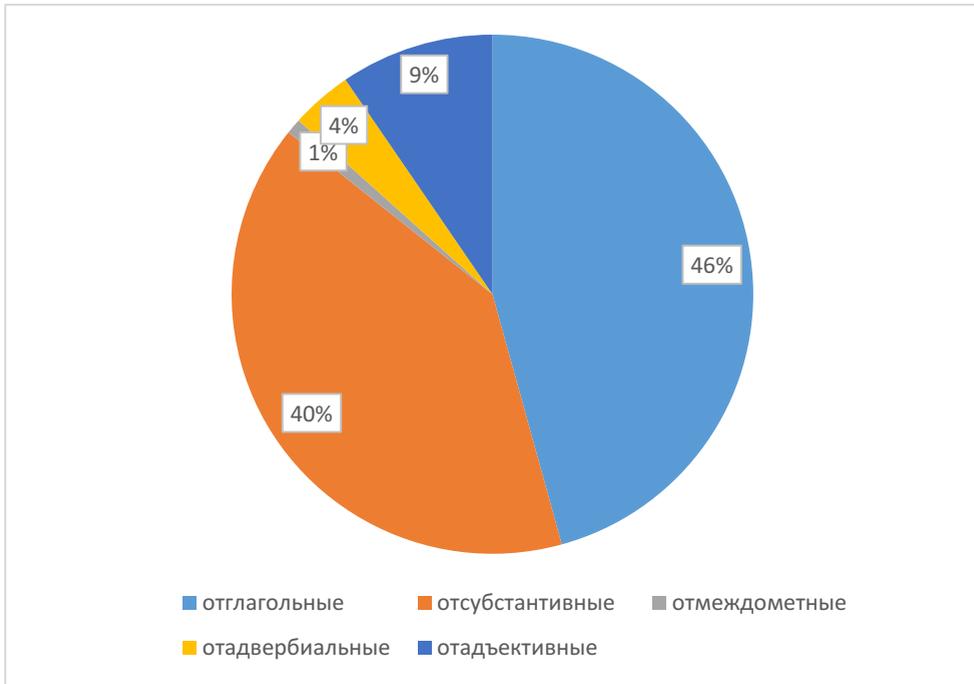

Рис. 3. Типы инноваций по частеречной природе производящего слова (в процентах) от 4 до 5 лет

Переходим к анализу словообразовательных моделей, осваиваемых ребенком от 4 до 5 лет. Мы обнаруживаем, что подавляющее большинство моделей, по которым ребенок создает инновации, «перекочевали» из предшествующего периода, хотя морфемарий пополнился некоторыми новыми суффиксами. Некоторые из морфем, использовавшиеся ранее, теперь не отмечены.

Назовем основные модели с примерами из речи ребенка.

1. Отглагольные существительные с нулевой суффиксацией и с суффиксом *-ниј-*, обозначающие отвлеченный процессуальный признак: *напада*⁵, *пах* («По паху подумала, что это картошка»), *заниманье*, *прыганье* (от 3 до 4 лет подобных образований было больше). Новыми являются суффиксы *-тьј-* (*грызтьё*), *-ств-/тельств-* («Я в бегство играю» (бегая с раскидаем – игрушечным мячиком на веревочке – по квартире), *съедательство растеньев*). Сюда примыкает одно отсубстантивное существительное с суффиксом *-ств-*, обозначающее наличие того, что названо в мотивирующей основе: *водопадство*.

⁴ В 4,2,16: «Играет в лошадку. Я не поняла, кто она – лошадка или ездок. – Лошадка, иди сюда. – Я не лошадка. Я нокаю – значит, я человек».

⁵ В 4,5,6: «Лиса только на курицу может напасть. На курицу будет страшная напада».

2. Отглагольных существительных со значением 'предмет или лицо, совершающие действие' стало меньше (из прежних есть суффиксы *-к-* и *-лк-*, хотя прежде употреблялись также *-вк-*, *-юшк-*, *-очк-*): *отпечатка* (о маленькой печати), *вырезалка* (о том, что можно вырезать). Зато зафиксировано три новых суффикса: *-унец* («*Детки все одеты в такие плавунцы*») и новые суффикса лица *-вник*⁶ (*шаловник*) и *-тель* (*креститель* – о священнике). В последнем случае «ребенок учитывает прежде всего базовое словообразовательное значение слова, а не частное. Вследствие этого сконструированные ребенком слова могут совпадать с существующим в конвенциональном (стандартном) языке, но не соответствовать частному» [2, с. 107].

3. Отадъективные существительные, обозначающие абстрактный признак, встретились только дважды, уже использован не только суффикс *-ость*, но и *-от-*: *сладкость* и *сухота*. Не было зафиксировано производных от прилагательных слов со значением лица с суффиксом *-як*, но появилась единица с суффиксом *-иц-*: *отважница* (о мышши). Новые суффиксы *-ниц-* и *-щиц-* со значением лица и модификационным значением женскости использованы при образовании отсубстантивных существительных: *поварищица*, *нарядница* и *красотница*.

4. Отсубстантивные существительные с нулевой суффиксацией, обозначающие родовые корреляты мужского пола, встречаются, как и раньше, хотя их стало меньше (о папе, в игре: *крольчих*, *зайчих*; *подруг*, *подружк*), в то время как женские корреляты по-прежнему многочисленны – в основном с суффиксом *-их-* (*кактусиха* (говорили о «детках» растений), *медвежиха-точилка*, *медвежиха*, *котиха*, *мышиха*, *лягушиха*, *утиха*, *кенгуриха*), а также впервые использованы суффиксы *-иц-* и *-к-* (*кенгурица*⁷ и *петербуржска*⁸). Частотность окказиональных родовых коррелятов обусловлена желанием играть и необходимостью этих слов в игре: «*Давай ты будешь мамой-утихой, а я буду девочкой*». Предлагает мне также быть *медвежихой*, *котихой*. При этом на картинке, выполняя задание, называет правильно: *курица*, *утка*, *крольчиха*, *кошка*. *Кошка* и *утка* – не обязательно «мамы» и даже не обязательно самки животных, а существительные с суффиксом *-их-* – единственное продуктивное средство образования названий самок животных. В «Русской грамматике» указано, что такие слова образуются от существительных мужского рода, обозначающих животных вне зависимости от пола (*дельфиниха*), в то время как от существительных женского рода (*акула*, *лягушка*) подобные единицы не образуются [8], однако в детской речи это ограничение снимается.

5. Остаются многочисленными относительные прилагательные с разнообразными суффиксами: *-ов-*, *-н-*, *-очн-*, *-ин-* (в *пóздвом платье*, *сольный человек*, *штанное (платье)*, *дамочный*, *занавесочная*, *котóвичный(?)*, *бельчинный*, *кабачкиный*, *человéчинная девочка*⁹, *ваннинный (для ванны)*, *рыб́инный*). Отмечены новые суффиксы *-ск/-ическ-* (*бассейнские тапки*, *леопардическая*). Зафиксировано три отглагольных прилагательных с суффиксами *-чив-*, *-льн-*, *-юч-*: *я выдумчивая*; *снимальный хвостик* (для игры в ката); *ходючий детский сад* (в стихотворении

⁶ Этот суффикс в «Русской грамматике» отмечен только у отсубстантивных существительных.

⁷ В 4,1,23: «*Мама кенгуриха... кенгурица... нет, кенгуру!*»

⁸ В 4,4,29: «*Я не испанка, я петербуржска*».

⁹ В 4,1,22: «*Все-таки я челóвéчинная девочка**. Это не так уж очевидно, поскольку постоянно играет в ката или других животных».

С.Я. Маршака есть строчка: «Не такой, как все сады, Этот сад ходячий». Вспоминая стихотворение, ребенок то ли модифицировал суффикс, то ли образовал слово заново с другим суффиксом).

6. Возросло количество притяжательных прилагательных с суффиксами *-ий, -ячий* (*котячий, верблюдий, Винни-Пушья, балеринье, телепузичий*). Появился новый суффикс *-ичий: лошадичий*. Отмечено прилагательное, образованное от собственной инновации, которую трудно назвать словообразовательной, так как она не мотивирована деривационно и носит фоносемантический характер: *китики-бититики, но в китико-бититичью страну* – вполне закономерное образование притяжательного прилагательного. Заметим, что есть еще слова, не мотивированные деривационно, – *тикакуся* (об обезьянке) и *афликация*: «4,1,12 *Всё. Афликация* коней. – *Почему афликация?* – *Ну, потому что много.* Возможно, от аппликация (в садике узнала)».

7. Зафиксировано много случаев имперфективации, в изобилии присутствовавшей и от 3 до 4 лет, причем вместо *-а-* чаще используются суффиксы *-ива-/-ыва-* (*спадывают, приснивается, заплзывают, засунывают, уронивать, пробегиваться, перехатывает, перенашивает*), но бывает и наоборот (*высушить, вытряхала, унесал, подкрадывается*). Отмечен только один пример образования глагола совершенного вида от имперфектива: *улетел* (от *улетывать: куда папа улетел?*). Таким образом, прежде всего для ребенка оказывается необходимым передать значение не ограниченного пределом целостного действия. Характерно, что все это приставочные глаголы: от них возможна или имперфективация (что и делает ребенок), или депрефиксация типа **ронить* от *уронить* (таких случаев не встретилось). У некоторых глаголов в норме видовой пары нет: это несоотносительные глаголы либо совершенного (*присниться, перехотеть, переносить*), либо несовершенного вида (*улетывать*) – ребенок заполняет абсолютные языковые лакуны. Остальные парно-видовые глаголы, от которых образованы окказионализмы, в норме имеют пары, но другие, как правило, сопровождающиеся дополнительными грамматическими трудностями: усечением основы, перемещением ударения или чередованием гласных корня или согласных на конце основы (*засунуть – засовывать, унести – уносить, уронить – ронять, пробежаться – пробегаться, высушить – высушивать, подкрасться – подкрадываться*). Иногда ребенок выбирал другой суффикс, ср. примеры выше и норму: *спасть – спадать, заплзти – заплзать, вытряхнуть – вытряхивать*.

Подобные ошибки будут встречаться и значительно позже (*увольнивают с работы; очистивали аквариум, 7,4*).

8. Префиксально-суффиксальное образование наречий от прилагательного – в этот период таких слов три (ранее было одно): *по-цыплячьему, по-котячьему, кричали по-человеческому*. Сравните в речи Жени Гвоздева в 4,9,9: «*Ты пиццишь по-самоварьему*» [9, с. 314].

9. Суффикс однократности *-ну-* также отмечался прежде, а в рассматриваемый период это одно слово – *киднуть* («*Можно еще раз раскидайчик киднуть?*»).

10. Сложение стало более продуктивным и изменилось качественно. Если прежде это было в основном простое соединение существительных (*ремешок-змея*) и отмечены лишь первые случаи сложения основ с суффиксацией (*красноглазка и длинноглазый* – о двух куклах с удлиненными глазами), теперь

все примеры – сложение или сращение с суффиксацией, причем производящие слова относятся к разным частям речи: *дваголовая чашка*, *другаягруппочная девочка* (сращение), *многоколючница*, *сладкоежка-кефирешка*, *детскосадочный*, *какбудтошное какао* и *кверхногамашный дом*¹⁰. (К двум последним примерам примыкают еще два: *целикомашина слива*, *я босикомашинная* – с тем же необычным суффиксом, который явно нравился ребенку. Вероятно, к таким примерам подходит определение А.М. Шахнаровича: «...это аналогии особого рода: это подражание себе» [10, с. 203]).

В книгах С.Н. Цейтлин не рассматриваются случаи сложения, однако в словаре «Говорят дети» оно упомянуто [11, с. 7] и приведены два примера образования слова путем сращения и суффиксации: *никуда не пускать* — *никуда не пускатель* (4 года) [11, с. 91] и *лучше всех ний* (3 года) [11, с. 76]. В другом словаре, который, по мнению С.А. Смирновой, «представляет собой лингвистическую базу данных детской речи» [12, с. 1501], приведен пример *полиэтиленочка*: «*Это ленточка такая полиэтиленовая, для красоты. Полиэтиленочка, в общем.* (Даша С.; 7,2) Полиэтиленовый + ленточка. Сращение словосочетания с усечением финали основы одного из слов» [13, с. 132].

Зафиксировано несколько инноваций, построенных по новым моделям, но однократно или двукратно: с суффиксом *-ушк-* (*всегдаушки* – ‘тапочки’, информант объясняет: *всегда живут*; *темнушка* – о темном месте); *изгрязнишь*, *вытяпывать*, *украсивилась*, *украсивила*.

Слова *всегдаушки* и *темнушка* необычны: в норме нет отадвербиальных образований с суффиксом *-ушк-*. Однако, кажется, что здесь, скорее, можно «говорить не об окказиональных моделях, а о единичных инновациях» [1, с. 379].

Модель, по которой построен глагол *изгрязнить* («*Не ходи по моему полу: ты все изгрязнишь*»), у С.Н. Цейтлин не рассматривается, однако в «Русской грамматике» указано: «§ 889. Глаголы, мотивированные прилагательными, имеющие знач. “наделить в изобилии тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным”: истончить (сделать совсем тонким)... Тип проявляет продуктивность» [8, с. 375]. Модель, по которой создана инновация *вытяпывать*, тоже не описана автором, но в «Русской грамматике» тип упомянут как продуктивный: «§ 914. Глаголы с преф. *вы-* и суф. *-ива-* имеют знач. “тщательно, интенсивно совершать действие, названное мотивирующим глаголом, отчетливо выделяя каждый акт этого действия”: *вытанцовывать* (старательно танцевать, отчетливо выделяя каждую фигуру танца)» [8, с. 381].

С.Н. Цейтлин отмечает, что подобная модель образования глагола от прилагательного с префиксом *у-* и суффиксом *-и-* активно используется детьми [1, с. 375]. После вопроса взрослого ребенок поясняет свой окказионализм: «*Это двор я украсивила. – Что? – Двор я буду красивым делать*».

Глагол *украсивилась* (употреблен дважды: о себе, в бархатном платье; позже – о маме) построен по той же модели, что и *утишииться* (отмечен в предшествующий период). Подобные окказионализмы часто встречаются в речи детей: *убольшиться*, *усильниться*, *утолститься*, но в нормативной речи они редки. С.Н. Цейтлин указывает, что в детской речи подобная модель отличается очень

¹⁰ В 4,1,26: «*Кромеэтажный домик*. О стуле. Кажется, первый корень – что-то вроде филлера, поскольку не запомнила корень “много”».

высокой степенью продуктивности, и отмечает, что большая часть детских префиксально-суффиксально-постфиксальных дериватов образована по окказиональным моделям [1].

Уникальны примеры, созданные в результате многошаговой деривации: *кошечки завидаются; зачем я сделала такое разлепёшенное лицо? Как оладушек** (то есть плоское); *почему ты папу запрашиваешь вспоминать?; в таком располохе; смотринки; дотрогивалка* (о себе).

Далее рассмотрим, какие типы инноваций, продуктивные в предшествующие периоды, исчезли.

1. Притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин-*; их было много до 3 лет и всего два от 3 до 4. Однако стремление выразить идею посессивности не исчезло и реализуется другими суффиксами, более сложными, хотя и не более продуктивными (см. выше).

2. Диминутивы; отмечены только *стольчик* и *стулик* (и то, возможно, это результат перестановки суффиксов) и необычное образование с суффиксом *-еньк-* от порядкового числительного (*третьенькая остановка*). Любопытно, что полностью исчезли и окказионализмы с суффиксами увеличительности

Эти две, самые ранние, словообразовательные модели, теперь освоены и поэтому уже не используются ребенком в создании окказионализмов. Ребенок как будто потерял интерес к тому, чем уже овладел.

3. Инновации, обозначающие детенышей животных (бывшие многочисленными именно от 3 до 4 и отсутствующие теперь). В данном случае причина их исчезновения могла быть внеязыковая: ребенок перестал играть в детенышей животных, и слова оказались невостребованными. Потребность в вербализации этого фрагмента действительности исчезла – исчезла и модель.

4. Относительные прилагательные с суффиксами *-ичн-/ -ишн-/ -аст-/ -ист-* (используются другие суффиксы, более продуктивные, см. выше).

5. Почти исчезло префиксальное образование глаголов, весьма активное в возрасте от 3 до 4. Отмечено всего три глагола (а было 18), и два из них употреблены в форме краткого страдательного причастия прошедшего времени: *причѐним*, *уклеена* (имеется в виду: лейкопластырями), *приделены к лесу*. Можно высказать предположение, что ребенок отказался от таких инноваций, поскольку значение префиксальных глаголов не всегда понятно даже в контексте в силу многозначности приставок – и значит, нарушает коммуникацию. Свойство модели однозначно передавать лексическое значение построенных по ней слов предлагаем назвать ее коммуникативной прозрачностью. Напротив, если такой однозначности нет, модель является коммуникативно непрозрачной.

6. Отглагольная постфиксация была частотна до 4 лет, при этом, как и бывает в речи детей, не отмечалось «семантического различия между производящим и производным глаголом» [1, с. 158]: «*Я достанусь до этих книжечек или не достанусь?*»; «*Вот корова и козочка. Они дружатся*». Теперь таких слов стало меньше: *выздороветься* («*Почему он не может выздороветься?*»), *лопнуться* в значении ‘раскрылся’ («*Второй мак лопнулся! Теперь по каждому дню будут маки лопаться!*»), *мочиться* («*Я пойду по сухоте, не хочу мочиться*»), зато появляются «противоположные» случаи: отбрасывания постфикса, тоже семантикой не наполненного.

7. Слово с приставкой *не-* тоже одно – *нерукодельница* (было три): «Сказка есть – *нерукодельница* и *рукодельница* – вспомнила сказку про рукодельницу и

ленивицу, которую я ей рассказывала». С.Н. Цейтлин пишет, что образование антонимов от существительных и прилагательных путем присоединения этого префикса, «безусловно, продуктивный тип» [14, с. 90]. Казалось бы, это так, но окказионализмов подобного типа практически нет. Нельзя исключать, что слова, самостоятельно созданные ребенком таким образом, совпали с нормативными словами и поэтому остались незамеченными.

Делая общие выводы, можно сказать, что у детей дошкольного возраста есть предпочитаемые словообразовательные модели: следуя аналогии, большинство хотя бы один раз создает по ним слова. Это диминутивы; притяжательные и относительные прилагательные; имперфективы; отглагольные существительные, обозначающие отвлеченный процессуальный признак; отсубстантивные родовые корреляты, особенно с суффиксами женскости; отглагольные и отагдъективные существительные со значением лица или предмета; глаголы с суффиксом однократности и др. В речи Жени Гвоздева в 3,9 были зафиксированы слова *пивну* и *скабльну* [9, с. 301]. Примеры из словарей детской речи прежних лет дополняются примерами из речи современных детей – они редко совпадают, но деривационно однотипны: *баловнемся разок – и спать, печатну на машинке, страус может немножко взлетнуть* [11].

Некоторые утверждения С.Н. Цейтлин требуют пояснения. Таково высказывание о том, что случаи совпадений в речи разных детей сконструированных ими слов (в отличие от формообразовательных инноваций типа *рисовая, ухи, человеки*) крайне редки – инновации будут «авторскими» [15]. Словообразовательные модели, востребованные многими детьми, типичны – речь, по всей вероятности, идет о редкости совпадений конкретных слов в речи разных детей. Действительно, поскольку возможные комбинации разнообразных производящих основ, аффиксов и их сочетаний чрезвычайно многочисленны, детские инновации, даже самые простые, редко совпадают. Конечно, отдельные примеры совпадений есть: в речи Лизы была *грецкая ваза*, а в речи ее старшего брата, в другое время и в другом возрасте, – *грецкий язык; убольшить* тоже говорили оба ребенка. Многие дети говорят *льзя* и *брежно*, отсекая часть *не-*, воспринимаемую как приставку.

Интересно, что ранее С.Н. Цейтлин считала возможным наличие в речи разных детей одинаковых инноваций. В предисловии к «Словарю детских словообразовательных инноваций» указано, что в словарь не включаются «так называемые “общедетские слова”, которые не изобретаются каждым ребенком заново, но передаются из поколения в поколение, например, “*бойка*”, “*вода*” – о том, кто водит в игре», и подчеркивается, что их «не следует путать... с частотными детскими инновациями, создаваемыми многими детьми независимо друг от друга» [13, с. 5]. Сегодня такими «общедетскими» словами будут уже другие, например *однёрка* (единица). Слово *вода* в значении ‘водящий’ сегодня нередко используется и взрослыми.

Судя по нашему исследованию, ребенок использует «правильные», «хорошие» словообразовательные модели: то есть «окказиональное словообразование по имеющимся в языке моделям» [15, с. 41], как и полагается монолингву с нормотипичным развитием.

Как отмечено в дневнике (об информанте в возрасте 4,8,6), «общее впечатление от речи Лизы – впечатление речи правильной, почти нормативной. Даже фонетика уже не так сильно отличается от нормы (не совсем правильно – шипящие и дрожащие). Но если записывать, видишь, сколько окказионального в речи.

Я записываю далеко не все». Заметим, что почти все модели из отмеченных выше (за исключением некоторых «эксклюзивных») описаны в книгах С.Н. Цейтлин, то есть являются типичными в детской речи, но далеко не все модели, описанные ею, используются ребенком. Возможно, дело не в возрасте, а в индивидуальных отличиях окказионального словообразования у разных детей. Однако этот вопрос требует дальнейших исследований.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *Цейтлин С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
2. *Цейтлин С.Н.* К вопросу о словообразовании в русской детской речи // Рос. гуманитар. журн. 2021. Т. 10, № 2. С. 99–110. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2021.2.4>.
3. *Введенская Н.М.* Каркас русской грамматики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 67–78. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.67-78>.
4. *Елисеева М.Б.* Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: ЯСК, 2015. 344 с.
5. *Елисеева М.Б.* Суффиксальные словообразовательные модели в речи ребенка от 3 до 4 лет (на материале лонгитюдного исследования) // Современная онтолингвистика: проблемы, методы, открытия: материалы ежегодной междунар. науч. конф. Иваново: Листос, 2019. С. 152–156.
6. *Елисеева М.Б.* Онтогенез словообразования в речи ребенка от 3 до 4 лет (на материале лонгитюдного исследования) // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2020. № 196. С. 86–96. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-86-96>.
7. *Трифонова Т.А.* К вопросу о разграничении метаязыковой деятельности и языковой рефлексии детей // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2020. № 196. С. 61–68. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-61-68>.
8. Русская грамматика: в 2 т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова и др. М.: Наука, 1980. 783 с.
9. *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-пресс, 2007. 470 с.
10. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М.* Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Либроком, 2018. 328 с.
11. Говорят дети: словарь-справочник / С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева, Л.Н. Галактионова, Т.А. Трифонова. СПб.: Изд-во РГПУ, 2021. 175 с.
12. *Смирнова С.А.* «Словарь детских словообразовательных инноваций» С.Н. Цейтлин как лексикографический информационный ресурс //Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. Т. 14. Вып. 5. С. 1497–1502. <https://doi.org/10.30853/phil210217>.
13. Словарь детских словообразовательных инноваций / Авт.-сост. С.Н. Цейтлин. СПб.: Златоуст, 2006. 201 с.
14. *Цейтлин С.Н.* Лингвистические этюды. СПб.: Изд-во РГПУ, 2013. 407 с.
15. *Пивень А.В., Доброва Г.Р.* Словообразовательные инновации детской речи: потенциальность и уникальность // Филологич. класс. 2014. № 2 (36). С. 39–45.

Поступила в редакцию 10.01.2024

Принята к публикации 05.03.2024

Елисеева Марина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкового и литературного образования ребенка

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

наб. р. Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191086, Россия

E-mail: melyseeva@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 1, pp. 118–130

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.118-130

Derivational Occasionalisms in the Speech of One Child Aged from Four to Five Years

M.B. Eliseeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 191086 Russia

E-mail: melyseeva@yandex.ru

Received January 10, 2024; Accepted March 5, 2024

Abstract

This article explores the dynamics of various techniques used by children to create occasionalisms, focusing on the derivational innovations of one child at the age from four to five years and before turning four years (as shown by the earlier research). The results of a qualitative and quantitative analysis of the directions of derivation (direct, reverse, and substitutive) were thoroughly studied. All ways in which the child derived words were examined. The part-of-speech nature of both motivating and motivated (innovations) words was described qualitatively and quantitatively. The models that the child used as analogies to derive occasionalisms were considered and compared for both ages. The primary reasons behind the decline in relevance of certain derivational models with age were singled out: no urge to speak about certain elements of the real world, mastering the model in the previous period and losing interest in its formal side, communication transparency (ensuring that adults can understand the intended meaning without ambiguity), and the productivity of morphemes. The emergence of new derivational models (general and specific) in the child's speech was discussed. The question of typical and individual features of derivation in children was raised

Keywords: ontolinguistics, speech ontogenesis, derivation of occasionalisms by children, children's innovations, occasionalisms, individual language system

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Figure Captions

Fig. 1. The directions of derivation and the ways in which the child aged from four to five years forms words.

Fig. 2. The part-of-speech ratio (%) of derivational innovations used by the child aged from four to five years.

Fig. 3. Types of derivational innovations according to the part-of-speech nature of the base word used by the child aged from four to five years.

References

1. Tseitlin S.N. *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays about Inflection and Derivation in Children's Speech]. Moscow, Znak, 2009. 592 p. (In Russian)
2. Tseitlin S.N. On derivation in the speech of Russian children. *Rossiiskii Gumanitarnyi Zhurnal*, 2021, vol. 10, no. 2, pp. 99–110. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2021.2.4>. (In Russian)

3. Vvedenskaya N.M. Russian grammar framework. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki*. 2023, vol. 165, no. 3, pp. 67–78. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.67-78>. (In Russian)
4. Eliseeva M.B. *Stanovlenie individual'noi yazykovoï sistemy rebenka: rannie etapy* [Language System Development in Children: Early Stages]. Moscow, YaSK, 2015. 344 p. (In Russian)
5. Eliseeva M.B. Suffixal derivation models in the speech of children aged between 3 and 4 years (a case study). *Sovremennaya ontolingvistika: problemy, metody, otkrytiya: materialy ezhegodnoi mezhdunar. nauch. konf.* [Modern Ontolinguistics: Problems, Methods, and Breakthroughs: Proc. Annu. Int. Sci. Conf.] Ivanovo, Listos, 2019, pp. 152–156. (In Russian)
6. Eliseeva M.B. The ontogenesis of word formation in a child's speech between 3 and 4 years of age (a case study). *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena*, 2020, no. 196, pp. 86–96. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-86-96>. (In Russian)
7. Trifonova T.A. On differentiating metalinguistic activity from language reflection in children. *Izvestiya Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A.I. Gertsena*, 2020, no. 196, pp. 61–68. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-196-61-68>. (In Russian)
8. Avilova N.S., Bondarenko A.V., Bryzgunova E.A. et al. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Shvedova N.Yu. et al. (Eds.) Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology. Moscow, Nauka, 1980. 783 p. (In Russian)
9. Gvozdev A.N. *Voprosy izucheniya detskoï rechi* [Problems of Studying Children's Speech]. St. Petersburg, Detstvo-Press, 2007. 470 p. (In Russian)
10. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Shakhnarovich A.M. *Teoreticheskie i prikladnye problemy rechevogo obshcheniya* [Theoretical and Applied Problems of Speech Communication]. Moscow, Librokom, 2018. 328 p. (In Russian)
11. Tseitlin S.N., Eliseeva M.B., Galaktionova L.N., Trifonova T.A. *Govoryat deti: slovar'-spravochnik* [Children Talk: A Reference Dictionary]. 2nd enlarged ed. St. Petersburg, Izd. RGPU, 2021. 175 p. (In Russian)
12. Smirnova S.A. The Dictionary of Children's Derivational Innovations by S.N. Tseitlin as a source of lexicographic information. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki (Philology. Theory & Practice)*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 1497–1502. <https://doi.org/10.30853/phil210217>. (In Russian)
13. Tseitlin S.N. *Slovar' detskikh slovoobrazovatel'nykh innovatsii* [The Dictionary of Children's Derivational Innovations]. St. Petersburg, Zlatoust, 2006. 201 p. (In Russian)
14. Tseitlin S.N. *Lingvisticheskie etyudy* [Linguistic Essays]. St. Petersburg, Izd. RGPU, 2013. 407 p. (In Russian)
15. Piven' A.V., Dobrova G.R. Derivational innovations in children's speech: Potential and originality. *Filologicheskii Klass*, 2014, no. 2 (36), pp. 39–45. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Елисеева М.Б. Словообразовательные окказионализмы в речи одного ребенка в возрасте от 4 до 5 лет // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 118–130. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.118-130>. ⟩

⟨ **For citation:** Eliseeva M.B. Derivational occasionalisms in the speech of one child aged from four to five years. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 118–130. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.118-130>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.131-143

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ ДЕТЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ СТРАТЕГИЯМИ ОСВОЕНИЯ ЯЗЫКА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ СПОНТАННОЙ РЕЧИ)

Т.А. Трифонова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, 191086, Россия*

Аннотация

В статье описаны результаты изучения особенностей языковой рефлексии детей с различными стратегиями освоения языка. В качестве материала исследования использованы записи спонтанной речи детей. Предложено провести разграничение двух явлений – языковой рефлексии и метаязыковой деятельности. В результате анализа данных спонтанной речи были получены следующие выводы: 1) проявления языковой рефлексии наблюдаются у детей с различными путями вхождения в язык не сразу; 2) для всех детей, принимавших участие в исследовании, были характерны метаязыковые проявления, что указывает на важность метаязыковой деятельности для речевого онтогенеза в детском возрасте вне зависимости от стратегий освоения языка; 3) в проявлениях языковой рефлексии детей каждой из групп (мальчики/девочки, референциальные/экспрессивные дети) обнаружилось определенные особенности и тенденции, специфичные только для той или иной группы; 4) до 5 с половиной лет к языковой рефлексии в большей степени способны референциальные дети по сравнению с экспрессивными, а также больше девочки по сравнению с мальчиками.

Ключевые слова: онтолингвистика, языковая рефлексия, метаязыковая деятельность, стратегии освоения языка, референциальные дети, экспрессивные дети, вариативность речевого развития

Изучению детских рассуждений о языке, называемых многими авторами детской языковой рефлексией (например, в [1]), посвящено большое количество трудов отечественных ([2–4] и др.) и зарубежных ([5, 6] и др.) ученых. Различные аспекты данной темы долгое время находятся в центре внимания многих исследований, поскольку метаязыковая деятельность и метаязыковые процессы значимы для изучения различных особенностей речевого онтогенеза, что отмечается, например, в [7, 8].

Тем не менее языковая рефлексия детей с различными стратегиями освоения языка (и шире – языковая рефлексия в контексте вариативности речевого онтогенеза) остается сегодня практически не изученной [9]. С целью заполнения данной лакуны нами был проведен анализ спонтанной речи детей с различными путями вхождения в язык (подробнее о стратегиях освоения языка см. в [9]), в которой были обнаружены проявления метаязыковой деятельности и языковой рефлексии. Исследование, описываемое в настоящей статье, является продол-

жением изучения нами особенностей языковой рефлексии детей с различными путями вхождения в язык (экспрессивных и референциальных детей, мальчиков и девочек, детей из семей с высоким и низким социокультурным статусом) (подробнее см. в [10]). В связи с тем, что нами было проанализировано небольшое количество материалов спонтанной речи детей с различными стратегиями освоения языка (экспрессивных и референциальных детей, мальчиков и девочек), при подведении итогов исследования представляется допустимым лишь обозначить существование некоторых тенденций, связанных с особенностями языковой рефлексии детей разных групп; для получения однозначных выводов необходима проверка тенденций-гипотез в рамках онтолингвистического эксперимента.

Нами были рассмотрены три дневника референциальных детей¹ (Жени Г. (1,8,23²–5,6), Алеши Д. (2,0–5,0), Вари П. (1,5–2,11), расшифровки аудиозаписей экспрессивных – Вани Я. (2,0–5,4) и Филиппа С. (диалоги с мамой (2,7,19–2,9,8) и дневник (0,11,9–5,3,27)).

Кроме того, анализировались записи спонтанной речи других шести девочек и семи мальчиков, стратегия усвоения языка у которых не была известна, с целью выявления особенностей языковой рефлексии мальчиков и девочек. Были изучены дневники Миши М. (2–2,9,22), Вити О. (1,8–4,8,29), Насти Н. (1,6–4,3,20), Оли М. (1,5–4,1,26), Ани С. (1,6–3,5,27), Аси П. (2,1–5,6, с 4,11 до 5,5 записи не велись), Алисы Н. (1,6–2,10), Тани Г. (1,6–5,6); расшифровки аудио- и видеозаписей Вити О. (2,0,5–4,0,6, всего 84 фрагмента); дневники Алеши (3,0–5,6,13) и Лени Г. (1,11,21–5,6); дневники Миши Т. (2,6–5,6,12) и Вани П. (1,6–4,0,28). Источники записей спонтанной речи – материалы, представленные в [9, 11–13]. В тех случаях, где источник детского высказывания не указан, им является Фонд данных детской речи Лаборатории онтолингвистики РГПУ им. А.И. Герцена.

Языковая рефлексия и метаязыковая деятельность рассматриваются нами как два разных явления: «...к метаязыковой деятельности относятся как вербализованные размышления ребенка о языке, так и менее словесно эксплицированные, «свернутые», а языковая рефлексия представляет собой высказывания индивида о языке, склонность к анализу как своего языкового поведения, так и языкового поведения других индивидов» [10, с. 106] (подробнее о предложенных нами ранее критериях разграничения данных понятий см. в [10]).

Обратимся к проявлениям языковой рефлексии детей с экспрессивной и референциальной стратегиями освоения языка, подробно рассмотрев наиболее характерные (с нашей точки зрения) для детей с той или иной стратегией проявления вербализованных размышлений о языке.

Одним из подобных проявлений можно считать комментирование/уточнение значений собственных инноваций; оно свидетельствует об осознании ребенком того, что значения его инноваций могут быть неясны собеседнику. Данная разновидность рассуждений о языке была обнаружена у всех референциальных детей, чьи дневники были нами проанализированы, и частично – у экспрессивного Вани (все три референциальных ребенка оказались способны к подобному уточнению инноваций намного раньше (приблизительно в 2,2), чем Ваня (при-

¹ Дети были отнесены нами к экспрессивному или референциальному типу на основании анализа их речи в [9].

² Возраст ребенка указывается нами следующим образом: количество лет, месяцев, дней (например, 1,2,3 – один год, два месяца и три дня).

мерно с 3,4); при этом таких комментариев у референциальных детей было обнаружено намного больше, чем у Вани). Приведем примеры: Варя П. в 2,3: «*Это такая хлопа, потому что она все время хлопает (игрушка в воде)», Ваня Я. в 3,4,6 (впервые): «Тягач маленький» (о собственной инновации *тягачик).

Сравним толкования существующих в языке слов референциальными и экспрессивными детьми. Уже в довольно раннем возрасте (в 2,6) референциальная Варя дает слову *очечник* верное толкование: «*Очешник – очки – апчхи, это такой для них домик» (ср. с толкованием этого слова в Малом академическом словаре (СРЯ4): «ОЧЕЧНИК, -а, м. Футляр для очков»); референциальный Женя в более позднем, чем Варя, возрасте также верно формулирует значение слова *кресло*: «(3, 11, 19)... *Кре'сль – эт сту'л*»³ [11, с. 228] (ср. с первым значением данного слова в Малом академическом словаре (СРЯ4): «КРЕСЛО... 1. Род широкого стула с ручками-подлокотниками»). Если Женя в своем определении верно сформулировал лишь ядерную сему значения слова, то Варя дала слову (с учетом ее возраста) абсолютно верную дефиницию. Референциальный Алеша, в свою очередь, дает словам толкования, еще более напоминающие представленные в толковых словарях: «Стол – это устройство, на котором едят и пишут» (4,9) [9, с. 236].

Теперь рассмотрим, как дает толкование слову экспрессивный Ваня. В 4,8,18 он формулирует определение слова *обречен* неверно, хотя его предыдущие реплики позволяют предположить, что значение слова ему в целом понятно («*Охота обречена, говорю. Нет охоты больше»): «Обречен, – это когда... проучить кого-нибудь». Таким образом, к толкованию слов оказываются способны в основном именно референциальные, а не экспрессивные дети, и количество толкований (как спонтанных, так и в ответ на просьбу собеседника) больше именно у референциальных детей по сравнению с экспрессивными.

Освоение грамматики вызывает языковую рефлексию как у референциальных детей, так и у экспрессивного Вани. Рефлексия в данной области у референциальных детей, в отличие от экспрессивных, усложняется – со временем референциальные дети рассуждают о все более сложных и разнообразных грамматических явлениях, а подобные размышления становятся все более развернутыми вербально, содержат пояснения, комментарии и аргументацию в случае протеста/несогласия с тем или иным языковым фактом. У экспрессивного Вани языковая рефлексия «замораживается» на (условно) одном из начальных этапов, практически не вербализована и не вербализуется в дальнейшем, а круг осмысляемых Ваней явлений невелик. Так, в 3,10,12 Ваню удивило, что можно сказать и *ловить рыбу*, и *ловить рыб*. Однако то, как Ваня эксплицирует свои размышления, можно назвать только попыткой рефлексии: «Бабушка: – Мы ее ловить будем? Ваня: – Угу, рыб. Ваня задумался. Ваня: – Рыбы. Много... это рыба, а много – это рыб». Сравним это Ванино высказывание с примером из речи референциальной Вари в более раннем возрасте (2,9): «Папа: – «Против молодца и сам овца». Варя: – *Нет, сама овца. Ведь овца же женщина! Зачем ты так сказал?»). Такой протест содержит аргументацию и основан на уже возникшем понимании того, что определительные местоимения согласуются в роде с существительным.

³ Фрагмент из дневника А.Н. Гвоздева, далее фонетические записи передаются автором дневника по такому же принципу.

Кроме того, приведем пример рассуждения Алеши в более старшем возрасте о довольно сложном явлении – многозначности предлогов, что свидетельствует о постепенном усложнении объекта «грамматической» языковой рефлексии у референциальных детей, в отличие от экспрессивных (у Вани проявления рефлексии о грамматических явлениях немногочисленны, а объект рефлексии не становится сложнее; у Филиппа рассуждений о грамматике обнаружено не было): «А.: Бабуля, а Выборг – на горе? – Б. удивляется вопросу (поскольку А. прекрасно знает, что Выборг – не на горе). – А.: Так ты сказала, что наша дача – под Выборгом (4.2)» [14, с. 23]. Освоение грамматики может побуждать и к исправлению речи окружающих (один из видов языковой рефлексии); исправления могут относиться как к метаязыковой деятельности (например, в 2,7,10 Женя исправляет Олечку «Ни йи'бь, а ры'ба» [11, с. 108] – такое исправление не содержит метаязыкового комментария), так и к языковой рефлексии (исправления, содержащие вербальные комментарии-пояснения различной степени развернутости); подобные исправления-протесты были обнаружены нами только у референциальных детей. Приведем один из таких примеров: Алеша исправляет взрослого собеседника и протестует: «Почему ты Катиного папу называла Никита Николаевич? Он же папа. Значит, *Никит (4.10) (протест против принадлежности существительных, обозначающих лиц мужского пола, к склонению на -а, преимущественно женскому)» [9, с. 132].

К поиску этимологии слов оказались способны все референциальные дети и экспрессивный Филипп; однако этимологизация у Филиппа (единственная в дневнике) отмечается впервые позднее, чем у референциальных детей; у последних подобные примеры многочисленны и начинают встречаться значительно раньше, чем у экспрессивных. Например, уже в 3,0 Варя ищет этимологию слова *пылесос*: «*Полесос – это потому что он пол сосет, да?» (Ср. с единственным отмеченным у Филиппа поиском этимологии в 5,2,19: «*А почему его назвали камин?* (задает сам себе вопрос). И отвечает: *Потому, что он из камней*»).

К оценке своих произносительных способностей оказались склонны дети обеих групп. Однако у референциальных детей такие суждения были обнаружены в более раннем возрасте, чем у экспрессивного Вани; если Ваня рефлексировал об этом впервые, согласно дневниковым записям, только в 2,8,17 («– Я только умею ибеть, ибеть» (о том, что не может фонетически верно передать облик слова *медведь*)), то референциальная Варя – уже в 2,1 («*Я не могу сказать слово»).

Метаязыковые комментарии о собственных произносительных способностях в более младшем возрасте и в момент высказывания (по сути рассуждения о том, как по-разному говорят дети и взрослые) уже на ранних этапах речевого развития у референциальных детей более развернуты по сравнению с экспрессивным Ваней. Ср. высказывание референциальной Вари, в котором отражается сравнение произношения слова «тогда» и «сейчас»: «*Когда я была маленькая, я говорила «бых», а теперь я говорю «был»» (2,8), и высказывание экспрессивного Вани – Ваня оценивает свои способности, не упоминая, как именно у него звучало слово *пингвин* раньше: «Я теперь лучше говорю: пигвин» (2,10,16).

Обратимся к рассуждениям, свидетельствующим о попытках определения семантических границ слова. Вербализованные размышления о семантических границах лексемы могут быть связаны с незнанием одного из лексических значений многозначного слова; такие комментарии оказались характерны для всех

референциальных детей и для экспрессивного Вани; при этом у первых подобные рассуждения появляются значительно раньше. Так, Ваня в 3,4,21 протестует против использования бабушкой слова *сейчас*, поскольку усвоил только одно значение 'в этот момент', но пока не знаком со значением 'в самое ближайшее время': «Бабушка: – Сейчас, еще не готовы. Ваня: – Сейчас надо говорить, когда уже готовы». Референциальный Алеша уже в 2,7 комментирует неверное, с его точки зрения, использование бабушкой слова *сесть* в словосочетании *сесть в троллейбус*: «Бабуля сказала: мама села в троллейбус. Нет, я видел: она встала в троллейбус» [9, с. 216].

У двух референциальных детей (Жени и Алеши) была обнаружена языковая игра (Алеша (в 2,10) «видит в телевизоре утку. А: Это утка-мама. Помолчал и добавляет лукаво, смотря на мать: Это – утка-галка (маму зовут Галиной, дома – Галка) (очень доволен собой)») и попытка определения семантических границ слова, вызванная обнаружением в языке омонимов (Женя в 4,5,19 «неожиданно заявляет: “Дядю Мишу-то, как медведь, зовут”. Очевидно, он подметил омонимичность слова “миша, мишка”») [11, с. 255]). Различные варианты произнесения окружающими одного и того же слова становятся объектом внимания референциальных Жени и Алеши. Например, у референциального Алеши: «А.: Папа и мама говорят “только”, а баба – “тока” (3.1)» [14, с. 22]; ср. с высказыванием Жени в более раннем возрасте, когда мальчик обратил внимание на фонетически неверную передачу звукового облика слова маленьким ребенком, имплицитно сравнив ее с образцом – звуковым обликом этого слова, который слышал от взрослых: «(2, 10, 9). Вдруг сообщает: *Мама', Валод'дя “така'ля” гъвари'т* – Мама, Володя “такаля” говорит. Володя, действительно, говорил л мягкое вместо йота» [11, с. 138].

Рассуждения, описываемые далее, были обнаружены только у одного из трех референциальных детей, в связи с чем предполагаем следующее: их наличие может быть не связано с экспрессивностью или референциальностью ребенка. Женя рассуждает о семантических границах слова, уточняя объем понятия («Какой большой сад. Да это целый лес называется») (3, 8, 27) [11, с. 215]; с точки зрения мальчика, слово *сад* не подходит для обозначения настолько большого сада (для этого необходимо использовать слово *лес*). Кроме того, Женя эксплицирует свое осознание стилистической окрашенности слова *жрать* («(3, 9, 9)... (Помнишь, дядя Миша пришел к нам и сказал: “Я жрать хочу”), – говорит с явной насмешливостью. Потом прибавляет: ... (Зачем он так говорил?). Я: А как надо было сказать? Он: ... (Я есть хочу)» [11, с. 218]). Только у референциального Алеши в 2,6 было обнаружено «открытие» закона открытого слога (если несколько раз произнести «ап», то получится «папа»): «Он спрашивает мать: А почему в апе папа сидит?» (Пример из [14, с. 21], там же см. его подробный анализ).

Итак, и у референциальных, и у экспрессивных детей были обнаружены комментирование и уточнение значений собственных инноваций, толкование существующих в языке слов, различные рассуждения, сопровождающие освоение грамматики, поиск этимологии, оценка своих произносительных способностей, размышления об особенностях речи взрослых и детей, попытки рассуждений об определении семантических границ слова (вызванные незнанием одного из значений многозначной лексемы), высказывания, свидетельствующие о внимании к звуковому облику слова (к сходному звучанию слов).

Только у референциальных детей были выявлены языковая игра, размышления о различных вариантах произнесения окружающими одного и того же слова, рассуждения об омонимах. Для одного референциального ребенка было отмечено обнаружение закона открытого слога, для другого – уточнение объема понятия как один из видов рассуждений о семантических границах слов и комментариев о стилистической окрашенности лексической единицы.

Наличие «единичных», то есть зафиксированных в дневнике только у одного из детей с той или иной стратегией освоения языка, проявлений языковой рефлексии может быть вызвано двумя причинами. Во-первых, это связано с особенностями дневниковых записей (предпочтениями взрослого, ведущего дневник, относительно отражаемого в записях материала, степенью подробности, регулярностью ведения дневника). Во-вторых, единичные проявления языковой рефлексии могут быть характерны для детей с иными стратегиями освоения языка (например, социокультурный статус семьи и др. для мальчиков и девочек; в таком случае гипотеза о большей склонности мальчиков или девочек к тем или иным проявлениям языковой рефлексии требует проверки в онтолингвистическом эксперименте).

Анализ особенностей перечисленных нами рассуждений о языке референциальных и экспрессивных детей, проведенный на основе материалов спонтанной речи, позволяет сделать выводы о существовании ряда тенденций в особенностях их языковой рефлексии:

1) языковая рефлексия в большей степени характерна для референциальных детей, ее проявления обнаруживаются у них раньше (впервые отмечаются после двух лет), чем у экспрессивных (первые простейшие проявления рефлексии о языке фиксируются у них примерно после 2,6), у референциальных детей они более многочисленны и разнообразны;

2) одни и те же проявления языковой рефлексии у референциальных детей в дошкольном возрасте (до 5,6) по сравнению с рассуждениями о языке экспрессивных детей проходят эволюцию по разным показателям: а) возрастанию развернутости (степени вербализованности), б) усложнению аргументации, усложнению наблюдаемых и описываемых детьми языковых явлений;

3) языковая рефлексия экспрессивных детей, в отличие от размышлений о языке референциальных, в дошкольном возрасте (до 5,4) «замораживается» на определенном этапе и не развивается в данном возрастном промежутке; экспрессивные дети по сравнению с референциальными рассуждают о тех же языковых фактах позднее и намного менее развернуто вербально, чем референциальные; с попыткой аргументировать свою точку зрения / дать какие-либо пояснения к ней экспрессивные дети по сравнению с референциальными справляются с меньшей легкостью;

4) у экспрессивных детей неоднократно встречаются факты вербализованных размышлений о языке; на относительно регулярной основе они начинают появляться примерно в то время, когда такие дети приближаются к статусу «бывших» экспрессивных детей (у Филиппа с 4,11, у Вани примерно после 3,6).

Обратимся к исследованию особенностей языковой рефлексии мальчиков и девочек, рассмотрев в первую очередь общие для детей двух групп типы рассуждений о языке.

Так, освоение грамматики побуждает к рассуждению о различных ее аспектах как мальчиков, так и девочек. Например, неверно выбранное бабушкой слово мужского рода по отношению к лицу женского пола вызывает у Насти Н. в 2,9,2 протест, поскольку девочка уже осознает существование родовых коррелятов для обозначения лиц мужского/женского пола: «Настя: – А я кем буду? Бабушка: – А ты будешь охотником. Настя: – Девочки не бывают охотниками! Девочки бывают охотницами». Леня рефлексировал о неверно произнесенном другим ребенком мужском имени (с «лишним» окончанием *-а*) и в связи с этим – о неверно подобранной (с точки зрения грамматической категории рода) форме глагола (выбран женский род с окончанием *-а* вместо мужского): «Леня (5.1.) пришел из садика и говорит маме и Алеше: – Валя сказала: «А Айдына сломала». А ведь Айдын мальчик» [12, с. 86]. Сопоставление подобных рассуждений о грамматических явлениях у мальчиков и у девочек позволяет предположить, что представление о грамматическом роде имен существительных формируется и вербализуется у девочек раньше, чем у мальчиков; если у девочек такие размышления обнаруживаются уже в 2,9, то у мальчиков замечены намного позднее (в 5,1).

О своих/чужих особенностях речи «тогда» и «сейчас» (о речи взрослых и «малышей»), то есть детей более младшего, чем говорящий ребенок сейчас, возраста) оказались, по данным дневников, способны рассуждать Леня Г., Настя Н., Аня С. и Алеша Г. Например, Алеша Г. в 5,8,21 обращает внимание на использование детьми и взрослыми для передачи одного и того же смысла слов из разных языковых подсистем (термин используется вслед за [15]) – слова *бо-бо* из языка нянь и «взрослого» слова *больно* (в ответ на произнесенное матерью слово *бо-бо*): «– Ты неправильно говоришь, как маленькая, “бо-бо”, а надо “больно”» [12, с. 69]. Если у мальчиков первое такое проявление отмечается в 4,9,25, то у девочек – в более раннем возрасте (в 3,2,3); тем не менее у последних оно является все же не в полной мере эксплицированным, а, скорее, «пограничным» между языковой рефлексией и метаязыковой деятельностью. Таким образом, представляется, что к вербально развернутым рассуждениям о речи взрослых и «малышей» и мальчики, и девочки становятся способны как минимум после трех лет; до этого возраста у детей обоих полов начиная примерно с одного и того же возраста (2,4–2,5) наблюдаются проявления метаязыковой деятельности, свидетельствующие о понимании особенностей речи взрослых и детей.

Толкования слов (например, «Велосипед – это кочующее кресло» (Миша Т., 4,6,13) [13, с. 53]) были обнаружены у Миши Т., Вити О., Насти Н., Оли М., Ани С. и Аси П.; при этом у девочек спонтанные толкования существующих в языке лексических единиц появляются раньше, чем у мальчиков (у девочек впервые в 3,8,14, а у мальчиков – в 4,3,10). Кроме того, в отличие от многих толкований слов мальчиками, абсолютно все толкования девочек (кроме одного) в той или иной степени можно назвать успешными – они основаны на частичной (только на корень) или на полной опоре на внутреннюю форму слова. Такая тактика опоры на внутреннюю форму слова, характерная, судя по материалам спонтанной речи, в большей степени для девочек, свидетельствует о лучшей способности девочек к поиску внутренней формы и к морфемному членению.

Толкования собственных инноваций, представляющие собой комментарии, раскрывающие в той или иной степени их значения, были найдены в записях речи и мальчиков, и девочек (Миши Т., Алеши Г., Лени Г., Насти Н., Оли М. и

Аси П.); как и в случае с толкованиями существующих в языке слов, первые случаи комментирования инноваций впервые отмечаются у девочек начиная с 3,6,3, а у мальчиков – с 4,3,17. Приведем пример такого комментирования Алешей Г. в 4,3,17: «Я уже умею (залез на стеллажи с книгами). Так как я умею» [12, с. 27].

К языковой игре, точнее к простейшим шуткам, оказались способны почти все мальчики и девочки (Леня Г., Алеша Г., Алиса Н., Настя Н., Аня С., Витя О.), например: «Хлопнула себя по попе и смеется: “Попе дала по попе!”» (Настя Н., 3,5,30). Если у девочек первые простейшие шутки отмечаются в 2,9, то у мальчиков несколько раньше – в 2,7,16.

Различные высказывания, связанные с осмыслением семантических границ слова, были обнаружены не у всех девочек и мальчиков. Так, вопросы и рассуждения, вызванные существованием полисемии, оказались характерны только для Насти Н.; при этом первые такие комментарии девочки отнесены нами все-таки к метаязыковой деятельности, а не к языковой рефлексии. Например, в 3,9,9 она удивляется словам папы, поскольку не знакома с одним из значений глагола *ловить* («4. Стараться не упустить что-л., воспользоваться чем-л. быстро исчезающим, проходящим» (СРЯ4)) в словосочетании *ловить машину* (в значении ‘останавливать проезжающие мимо машины с просьбой подвезти куда-либо’ (РРАЛ, с. 24)), но знает значение данного глагола в словосочетании *ловить рыбу* (СРЯ4): «2. (сов. поймать). Захватывать живьем каких-л. животных посредством особых приспособлений»: «3.09.09 Папа рассказывает, что долго ловил машину и не поймал. Настя: Почему уловил? Она что, утонула?».

Высказывания, свидетельствующие об интересе к этимологии слов и о ее поиске, оказались характерны только для некоторых мальчиков и девочек (Миша Т., Аня С., Ася П.); при этом у девочек первые попытки поиска этимологии были обнаружены в 3,3,27, у мальчиков в 3,0,3.

Для двух мальчиков (Миша М., Алеша Г.) и для одной девочки (Насти Н.) оказались характерны высказывания, свидетельствующие об их внимании к словообразовательным значениям, к оттенкам значений, в частности – осознание существования пейоративных суффиксов. Если у мальчиков первый такой пример отмечается в 2,6, то у Насти Н. – в 3,9,8.

Перечислим индивидуальные проявления языковой рефлексии, обнаруженные нами только у одного из детей: рассуждения о контекстуальных синонимах были зафиксированы лишь у Вити О. в 4,6,5; рассуждения об относительности способа именованности человека в зависимости от точки отсчета (от того, кто именуется человеком) были отмечены только у Миши Т. в 4,4,6 [13, с. 52], комментирование стилистической окрашенности слов оказалось очень характерно для Насти Н. (например, в 3,9,1) (подобные комментарии, относящиеся к метаязыковой деятельности, были обнаружены у Ани С. в 3,1,11 и у Вити О. в 4,5,30); только у Насти Н. были зафиксированы рассуждения и вопросы о допустимости произнесения того или иного слова (например, в 3,6,30).

Итак, можно сформулировать нижеследующие выводы.

1. Ряд проявлений языковой рефлексии был обнаружен как у мальчиков, так и у девочек. Другие проявления метаязыковой деятельности оказались характерны и для мальчиков, и для девочек, что связывается нами вслед за Г.Р. Добровой [9] с важностью существования подобных проявлений у любого ребенка для овладения языком вне зависимости от пола.

2. Некоторое количество проявлений языковой рефлексии, а также других разновидностей метаязыковой деятельности, было отмечено у детей обеих групп. Как мальчики, так и девочки обращали внимание на словообразовательные значения и оттенки их семантики, а также – что более важно – вербализовали такие значения. Как толкования существующих слов, так и комментарии к инновациям, позволяющие в той или иной мере раскрыть их семантику, оказались в равной степени характерны для мальчиков и для девочек. Тем не менее толкования девочек по сравнению с толкованиями мальчиков представляются более «успешными» вследствие использования таких тактик, как частичная (только на корень) или полная опора на внутреннюю форму слова. Обозначенная тенденция позволяет предположить, что девочки обладают лучшими, чем мальчики, способностями к поиску внутренней формы, а также к морфемному членению. Толкования существующих слов и комментарии к инновациям появляются у девочек раньше (впервые отмечены в 3,8,14), чем у мальчиков (впервые – в 4,3,10), толкования инноваций – у девочек с 3,6,3, а у мальчиков – с 4,3,17.

Освоение грамматики побуждает к рассуждению о различных ее аспектах как мальчиков, так и девочек. Тем не менее сопоставление проявлений языковой рефлексии, предметом которых является грамматический род имен существительных, позволяет сделать предположение о том, что такие представления вербализуются раньше у девочек (с 2,9), а у мальчиков – только с 5,1. С 2,4–2,5 у детей обеих групп уже наблюдаются проявления метаязыковой деятельности, позволяющие сделать вывод об осознании детьми различий между речью взрослых и детей. После трех лет подобные проявления начинают постепенно вербализоваться (сначала – у девочек), переходя в языковую рефлекссию.

Шутки со словами различной степени вербализованности также были обнаружены у мальчиков и у девочек, при этом у девочек простейшие шутки были отмечены несколько раньше, чем у мальчиков (у мальчиков в 2,9, а у девочек в 2,7,16). Различные проявления языковой рефлексии, вызванные интересом детей к этимологии слов, а также сам поиск этимологии были типичны для детей обоих полов. К данной разновидности языковой рефлексии оказались склонны в большей степени девочки, что проявилось в большем (по сравнению с мальчиками) количестве примеров подобных рассуждений о языке; тем не менее первые попытки поиска этимологии были обнаружены у девочек несколько позднее, чем у мальчиков (у девочек в 3,3,27, у мальчиков в 3,0,3). Высказывания, свидетельствующие о внимании детей к словообразовательным значениям, к оттенкам семантики, в частности – об осознании существования пейоративных суффиксов, были обнаружены у нескольких мальчиков (первое такое проявление отмечается в 2,6) и у одной девочки (впервые в 3,9,8). Различные высказывания, связанные с осмыслением семантических границ слова, были обнаружены не у всех девочек и мальчиков. Так, вопросы и размышления, вызванные существованием полисемии, оказались характерны только для одной девочки, хотя ее высказывания относятся, скорее, к метаязыковой деятельности вообще, но не к собственно языковой рефлексии.

3. К единичным проявлениям языковой рефлексии относятся попытки комментирования стилистической окрашенности слов; вопросы и размышления, связанные с существованием полисемии (у девочки); рассуждения о контекстуальных синонимах и размышления об относительности способа именования

человека в зависимости от точки отсчета (от того, кто его именуется); комментарии о схожем звучании различных слов (фонетическом облике слов) (у двух мальчиков).

Итак, анализ записей спонтанной речи позволяет сделать выводы о том, что языковая рефлексия появляется у детей с различными стратегиями освоения языка не сразу, а начинается с других проявлений метаязыковой деятельности. Ее проявления были обнаружены нами у всех детей с различными стратегиями освоения языка, что подтверждает мнение Г.Р. Добровой [9] о важности метаязыковых проявлений для освоения языка любым ребенком – вне зависимости от «стратегии вхождения в язык» (термин используется вслед за [9]). Проявления языковой рефлексии у детей с различными стратегиями освоения языка, в свою очередь, имеют свои особенности, а в их рассуждениях о языке существуют некоторые тенденции, более характерные для детей той или иной группы (что требует дальнейшей проверки на экспериментальном материале).

Наиболее яркие различия у детей с двумя полярными стратегиями освоения языка были обнаружены у экспрессивных и референциальных детей: языковая рефлексия оказалась в большей степени характерна для референциальных детей по сравнению с экспрессивными; ее проявления наблюдаются у референциальных детей раньше, чем у экспрессивных, более многочисленны и разнообразны. Даже одинаковые для детей двух групп проявления языковой рефлексии (одни и те же разновидности, например, поиск этимологии) имеют свои различия: у референциальных детей они усложняются и эволюционируют, а у экспрессивных в возрасте до 5,4 (по данным спонтанной речи) «замораживаются» на определенном этапе без дальнейшего развития (с точки зрения словесного разворачивания).

Для девочек по сравнению с мальчиками оказалось в целом характерно более раннее появление языковой рефлексии (хотя шутки со словами и осмысление пейоративных суффиксов, по данным рассматриваемых дневниковых записей, появляются у мальчиков раньше, чем у девочек), примеры которой нередко более развернуты вербально и разнообразны. Кроме того, именно у девочек были обнаружены наиболее «успешные» толкования слов и собственных инноваций: девочки оказались способны в большей степени, чем мальчики, опираться на внутреннюю форму слова – частично или полностью.

В некоторых случаях рассуждения о языке были обнаружены только у отдельных детей, чьи дневники были нами проанализированы, что может быть связано как с индивидуальными особенностями ребенка, так и с отсутствием фиксации подобного факта в дневниках речевого развития.

Таким образом, согласно изученным материалам спонтанной речи, стратегия освоения языка оказывает влияние на особенности рассуждений детей о языке; данный вывод, полученный в исследовании, требует дальнейшей проверки экспериментальными методами⁴ и анализом других родительских дневников.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

⁴ Ряд выводов (об особенностях языковой рефлексии мальчиков и девочек, экспрессивных и референциальных детей), полученных в результате данного исследования, коррелирует с некоторыми результатами серии онтолингвистических экспериментов, проведенных также нами (подробнее об этом см. в [10]).

Источники

- СРЯ4 – Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>, свободный.
- РРАЛ – *Стернин И.А., Шаламова Э.В.* Русская разговорная автомобильная лексика: словарь. Воронеж: Истоки, 2016. 63 с.

Литература

1. *Еливанова М.А., Семушина В.А.* Некоторые особенности лексики в русскоязычных диалогах англо-русских детей-билингвов // Проблемы онтолингвистики – 2021: языковая система ребенка в ситуации одно- и многоязычия: материалы ежегод. междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во «ВВМ», 2021. С. 60–69.
2. *Гвоздев А.Н.* Значение изучения детского языка для языкознания. Как дети дошкольного возраста наблюдают явления языка. СПб.: БИОНТ, 1999. 64 с.
3. *Доброва Г.Р.* Креативная доминанта в формировании языковой личности // Лингвистика креатива 4: коллективная монография / Под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2018. С. 40–47.
4. *Елисеева М.Б.* Метаязыковая деятельность ребенка раннего и дошкольного возраста // Рус. яз. в школе. 2017. № 6. С. 35–39.
5. *Clark E.V.* Awareness of language: Some evidence from what children say and do // The Child's Conception of Language / Ed by A. Sinclair, R.J. Jarvella, W.J.M. Levelt. Ser.: Springer Series in Language and Communication. V. 2. Berlin, Heidelberg: Springer, 1978. P. 17–43. https://doi.org/10.1007/978-3-642-67155-5_2.
6. *Gombert J.E.* Metalinguistic Development. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 1992. 237 p.
7. *Гридина Т.А.* Метаязыковая рефлексия как форма лингвокреативного мышления ребенка // Проблемы онтолингвистики – 2016: материалы ежегод. междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 23–26 марта 2016 года / [редкол.: Т. А. Круглякова (отв. ред.) и др.]. Иваново: ЛИСТОС, 2016. С. 182–188.
8. *Goldsworthy C.L.* Developmental Reading Disabilities: A Language Based Treatment Approach. Ser.: Clinical Competence Series / Ed. by R.T. Wertz. San Diego, CA: Singular Publ. Group, 1996. 301 p.
9. *Доброва Г.Р.* Вариативность речевого развития детей. М.: Языки славянской культуры, 2018. 262 с.
10. *Трифоновна Т.А.* Особенности языковой рефлексии детей с различными стратегиями освоения языка (по результатам экспериментального исследования) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2023. Т. 165, кн. 3. С. 105–118. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.105-118>.
11. *Гвоздев А.Н.* От первых слов до первого класса: дневник науч. наблюдений. М.: УРСС: Ленанд, 2005. 322 с.
12. *Головенкина Л.Х.* От двух до восьми и от трех до девяти: Дневниковые записи. Архангельск: Изд-во ПГУ, 2001. 141 с.
13. *Детская речь: Учеб. материалы / Сост. М.Д. Воейкова, М.Б. Елисеева.* СПб.: Образование, 1993. Вып. 1. 142 с.
14. *Доброва Г.Р.* Детские высказывания о языке в динамике: на примере одного ребенка // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2017. № 15. С. 17–32.
15. *Елисеева М.Б.* Речевой онтогенез: взгляд лингвиста // Логопед. 2005. № 4. С. 18–28.

Поступила в редакцию 14.12.2023

Принята к публикации 14.02.2024

Трифорова Татьяна Александровна, младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории онтолингвистики

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

наб. реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия

E-mail: maiden.deu@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 1, pp. 131–143

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.131-143

Linguistic Reflection in Children with Different Language Acquisition Strategies (Based on the Study of Spontaneous Speech)

T.A. Trifonova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 191186 Russia

E-mail: maiden.deu@gmail.com

Received December 14, 2023; Accepted February 14, 2024

Abstract

This article presents the results of a case study of linguistic reflection among children with different language acquisition strategies based on the analysis of spontaneous speech recordings obtained from them. A distinction was made between linguistic reflection and metalinguistic activity. It was found that the ability to reflect on language develops gradually in children with different strategies of language acquisition. The important role of metalinguistic activity in speech ontogenesis, regardless of language acquisition strategies, was highlighted, as it was exhibited by all the participants. Furthermore, linguistic reflection proved to be group-specific: each group (boys/girls, referential/expressive children) showed unique patterns and trends. It was also revealed that children under the age of five and a half years are more likely to engage in linguistic reflection when they are referential rather than expressive. The same trend was observed in girls compared to boys.

Keywords: ontolinguistics, linguistic reflection, metalinguistic activity, children's language acquisition strategies, referential children, expressive children, variability in language acquisition

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Elivanova M.A., Semushina V.A. Some lexical features in the Russian-language dialogues of bilingual English-Russian children. *Problemy ontolingvistiki – 2021: yazykovaya sistema rebenka v situatsii odno- i mnogoyazychiya: materialy ezhegod. mezhdunar. nauch. konf.* [Problems of Developmental Linguistics – 2021: The Child's Language System in the Situation of Mono- and Multilingualism: Proc. Annu. Int. Sci. Conf.]. St. Petersburg, "VVM", 2021, pp. 60–69. (In Russian)
2. Gvozdev A.N. *Znachenie izucheniya detskogo yazyka dlya yazykoznaniya. Kak deti doshkol'nogo vozrasta nablyudayut yavleniya yazyka* [The Importance of Learning Children's Language for Linguistics. How Preschool Children Perceive Language Phenomena]. St. Petersburg, BIONT, 1999. 64 p. (In Russian)
3. Dobrova G. R. Creativity as a dominant factor in linguistic identity development. In: *Lingvistika kreativa 4: kollektivnaya monografiya* [Linguistics of Creativity 4: A Joint Monograph]. Gridina T.A. (Ed.). Yekaterinburg, 2018, pp. 40–47. (In Russian)
4. Eliseeva M.B. Metalinguistic activity in early and preschool childhood. *Russkii Yazyk v Shkole*, 2017, no. 6, pp. 35–39. (In Russian)

5. Clark E.V. Awareness of language: Some evidence from what children say and do. In: Sinclair A., Jarvella R.J., Levelt W.J.M. (Eds.) *The Child's Conception of Language*. Ser.: Springer Series in Language and Communication. Vol. 2. Berlin, Heidelberg, Springer, 1978, pp. 17–43. https://doi.org/10.1007/978-3-642-67155-5_2.
6. Gombert J.E. *Metalinguistic Development*. Chicago, IL, Univ. of Chicago Press, 1992. 237 p.
7. Gridina T.A. Metalinguistic reflection as a form of linguo-creative thinking in children. *Problemy ontolingvistiki – 2016: materialy ezhegod. mezhdunar. nauch. konf.* [Problems of Developmental Linguistics – 2016: Proc. Annu. Int. Sci. Conf, St. Petersburg, March 23–26, 2016]. Kruglyakova T.A. et al. (Eds.). Ivanovo, LISTOS, 2016, pp. 182–188. (In Russian)
8. Goldsworthy C.L. *Developmental Reading Disabilities: A Language Based Treatment Approach*. Ser.: Clinical Competence Series. Wertz R.T. (Ed.). San Diego, CA, Singular Publ. Group, 1996. 301 p. (In English)
9. Dobrova G.R. *Variativnost' rechevogo razvitiya detei* [Variability in Children's Language Acquisition]. Moscow, Yazyki Slavyan. Kul't., 2018. 262 p. (In Russian)
10. Trifonova T.A. The features of linguistic reflection in children with different language acquisition strategies (based on the results of an experimental study). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2023, vol. 165, no. 3, pp. 105–118. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.3.105-118>. (In Russian)
11. Gvozdev A.N. *Ot pervykh slov do pervogo klassa: dnevnik nauch. nablyudenii* [From the First Words to the First Grade: A Diary of Scientific Observations]. Moscow, URSS, Lenand, 2005. 320 p. (In Russian)
12. Golovenkina L.Kh. *Ot dvukh do vos'mi i ot trekh do devyati: Dnevnikovye zapisi* [From Two to Eight and from Three to Nine: Diary Entries]. Arkhangel'sk, Izd. PGU, 2001. 141 p. (In Russian)
13. Voeikova M.D., Eliseeva M.B. *Detskaya rech': Ucheb. materialy* [Children's Speech: Educational Resources]. St. Petersburg, Obrazovanie, 1993, no. 1. 142 p. (In Russian)
14. Dobrova G.R. Children talking about language in dynamics: A case study. *Psikholingvisticheskie Aspekty Izucheniya Rechevoi Deyatel'nosti*, 2017, no. 15, pp. 17–32. (In Russian)
15. Eliseeva M.B. Speech ontogenesis: From the linguist's perspective. *Logoped*, 2005, no. 4, pp. 18–28. (In Russian)

Для цитирования: Трифонова Т.А. Особенности языковой рефлексии детей с различными стратегиями освоения языка (по результатам исследования спонтанной речи) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 131–143. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.131-143>.

For citation: Trifonova T.A. Linguistic reflection in children with different language acquisition strategies (based on the study of spontaneous speech). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 131–143. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.131-143>. (In Russian)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 655.552

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.144-156

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ И БИБЛИОГРАФИИ ИВАНА АНТОНОВИЧА ЕФРЕМОВА

[Рец. на кн.: Ефремов И.А. Мои женщины: Рассказы; Письма. М.: Издатель Юхневская С.А., 2022. 480 с. (Ретро библиотека приключений и научной фантастики. Серия «Коллекции. Собр. соч. И. Ефремова», [Т. VIII]) ISBN 978-5-600-03201-9]

Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Рецензия на впервые опубликованные материалы из архива скончавшейся в 2019 г. вдовы Ивана Антоновича Ефремова (1908–1972) – Таисии Иосифовны Юхневской. Основу публикации составляет сборник автобиографических и эротических новелл, названный автором по-английски “Women in my life”. По косвенным данным, собрание четырнадцати рассказов (один из которых не завершён автором) создавалось приблизительно в 50–60-е гг. XX в. Новеллы могут рассматриваться в контексте литературного творчества Ивана Ефремова, в котором вопросы физической стороны любви не отделялись от духовного развития каждого здорового человека. Одновременно они содержат обширный пласт биографической информации, позволяя скорректировать некоторые сложившиеся представления о ранних годах будущего ученого-геолога и социального мыслителя. Как беллетристика, ранее неизвестный цикл продолжает «Рассказы о необыкновенном» 40-х гг. XX в., содержит жанровые маркеры романтического повествования, колониального романа и вестерна. Несомненны также переключки и сюжетные параллели с произведениями И.А. Ефремова в жанре романа: «Туманность Андромеды», «Час быка», «Лезвие бритвы» и «Таис Афинская». В переписке с женой писатель предстает с неожиданной личностной стороны, особенно это касается чувства юмора, которое не проявлялось в полной мере в его литературном творчестве.

Ключевые слова: литературоведение, культурология, советская литература, научная фантастика, И.А. Ефремов, Т.И. Ефремова, античность, Серебряный век

Имя Ивана Антоновича Ефремова (1908–1972), в отличие от многих его современников – ученых и писателей, не кануло в Лету постсоветской реальности. Достаточно сказать, что написанные им романы, в особенности «Таис Афинская», продолжают регулярно переиздаваться; в Вырице, под Петербургом, регулярно проводятся «Ефремовские чтения». После кончины писателя, по нашим подсчетам, по крайней мере пять раз выпускались собрания его со-

чинений – в том числе дважды «Молодой гвардией» и один раз «Советским писателем». XXI век оказался весьма плодотворным для ефремовского наследия во всех отношениях: были защищены диссертации и вышли в свет научные исследования, посвященные его гуманитарной составляющей и литературному миру И.А. Ефремова [1–5], и даже его биография в серии «Жизнь замечательных людей» [6]¹.

Касается это и текстологических открытий. В 2007–2009 гг. в журнале «Студенческий меридиан» были опубликованы фрагменты так и не оконченного И.А. Ефремовым цикла (или романа) «Краса ненаглядная»: рассказ «Каллиройя» и повесть «Тамралипта и Тиллоттама»². Эти тексты, как и другие малодоступные интервью и критические заметки И.А. Ефремова, вошли в состав семитомного новейшего собрания сочинений, в 2017–2020 гг. изданного в серии «Ретро библиотека приключений и научной фантастики». Оказалось, что это собрание может быть дополнено.

“**Women in my life**”. Изящно изданный в оформлении, имитирующем классическую «рамку»³, том «Мои женщины» включает отличающиеся по объему и содержанию тексты. Основной объем книги (ЕМЖ, с. 27–381) занимает сборник “Women in my life”, снабженный небольшим числом комментариев. Чуть более восьмидесяти страниц занимает публикация переписки Ивана Антоновича Ефремова и Таисии Иосифовны Юхневской-Ефремовой (1926–2019)⁴. Датированные тексты этого блока охватывают период с 12 июня 1952 г. по 21 апреля 1966 г., часть писем лишена датировок (ЕМЖ, с. 385–468). К ним примыкает небольшой описательный этюд, условно названный по первой строке «Огромные заиндевелые березы...», который в авторской машинописи был представлен в двух вариантах, воспроизведенных и в настоящем издании (ЕМЖ, с. 469–470). В виде приложения даны «Основные даты жизни и творчества И.А. Ефремова» (ЕМЖ, с. 473–477). Содержательный анализ мы считаем уместным дать в порядке следования текстов.

Предисловие «От редакторов» (ЕМЖ, с. 5–25) не подписано конкретными именами, однако на 480-й странице среди прочих технических данных заявлены следующие имена редакторов: А.С. Артеян, Н.Н. Смирнов, О.А. Ерёмкина. Два последних имени образуют тандем исследователей ефремовского творче-

¹ Данное издание вызвало резкую критику со стороны внучки И.А. Ефремова – скульптора Дарьи Ефремовой («выдумали там очень многое, написали, что дед был адептом агни-йоги, пропагандировал идеи Блаватской, Рерихов») [7] и писателя В.Л. Терехина («невычитанный, небрежно скомпилированный текст последних глав биографии, теоретическое дилетантство и позорная редакторская безграмотность») [8].

² Написанный в 1946 г. рассказ «Каллиройя» спустя четверть века целиком вошел в первую главу «Таис Афинской». Повесть 1954 г. «Тамралипта и Тиллоттама» в начале 60-х гг. XX в. стала основой третьей (индийской) части «Лезвия бритвы»

³ «Библиотека приключений и научной фантастики» публиковалась с 1936 г. (наиболее узнаваемое название и формат существовали в 1954–1993 гг.), из-за особенностей оформления получив обиходное именование «рамка». Общий объем серии до начала 90-х гг. XX в. составил более 250 книг, после чего произошло присвоение вариантов названия и художественного оформления разными коммерческими структурами.

⁴ Д. Ефремова так характеризовала в 2019 г. семейные материалы: «Архив почти полностью опубликован, за исключением некоторых материалов, хранящихся у Таисии Иосифовны. Это ее личная переписка с Иваном Антоновичем и “Премудрые тетради” – это такие эскизы. Зарисовки из жизни. Дед всегда говорил: я не писатель, я описыватель. <...> Там содержатся, как я уже сказала, словесные зарисовки каких-то картин жизненных, природные пейзажи, образы, фотографии людей с какими-то пояснениями... Вся его философия, все, что касается творчества, – опубликовано. Никаких тайн, кроме личных, думаю, нет и в этих “Тетрадах”...» [7].

ства, создавший жэзэловскую биографию писателя⁵, а также опубликовавший фундаментальный том переписки И.А. Ефремова (П-ИАЕ) с указателями (П-У). В предисловии дан достаточно обстоятельный анализ публикуемых текстов и сделана попытка определить время написания текстов, основываясь как на упоминаемых событиях, так и текстологических данных. Например, авторская орфография сохраняла особенности, присущие реформированному варианту 1918–1956 гг. («итти», «безконечный», «официальный» и т. п.). Новелла «Кунико» и письма, адресованные Т.М. Юхневской в 1952 г., отпечатаны на одной пишущей машинке, отличавшейся шрифтом от обычно используемой писателем в тот период. В новелле «Тамара», действие которой отнесено к 1930 г., упоминается, что со времени описываемых событий прошло 36 лет, то есть текст создавался в 1966 г. (ЕМЖ, с. 7). Само по себе это не может служить достаточным основанием для датировок, так как в новелле «Последняя богиня», действие которого отнесено к 1950 г., определенно говорится о Т. Юхневской, впрочем, не названной по имени, развитие отношений с которой происходило несколькими годами позже (ЕМЖ, с. 12).

Цикл “Women in my life”, озаглавленный в рукописи по-английски, снабжен английским же посвящением: «Моей последней и, безусловно, самой дорогой и любимой женщине и жене Таис (Таюте) – эти искренние истории об исключительных женщинах, которых я встретил в свои молодые годы» (ЕМЖ, с. 27). Примерно та же мысль содержится в авторском предисловии, из которого следует, что автор, не будучи скованным цензурными и даже самоцензурными ограничениями, стремился раскрыть духовное через описание бытийного. Познакомившись с содержанием новелл, внимательные читатели «Туманности Андромеды», «Лезвия бритвы», «Часа Быка» и «Таис Афинской», несомненно, узнают многие характерные для творчества И.А. Ефремова детали, обороты и сокровенные мысли. Этот факт, а также факсимильные репродукции авторской рукописи полностью снимают появившиеся в электронных сетевых изданиях предположения о фальсификации.

Опубликованный сборник новелл “Women in my life” включает 14 текстов, однако в предисловии И.А. Ефремова названы лишь 13, чему мы находим объяснение, приводимое ниже. Авторская задача выражена в предельно откровенном виде: «...Суть – в великой красоте Эроса, физической любви как сочетания красивых тел и, главное, в постепенном восхождении к чистым высотам пламенной страсти и постепенном поиске этой красоты, с годами становившимся все более осознанным. Встречи, описания здесь отобраны именно по этому признаку – каждая из возлюбленных, которая дала мне очередное посвящение Афродиты и подняла от животного желания к человеческой страсти, как орудие взлета духовных и физических сил или просто чистого и благородного порыва к красоте, счастью и помощи своей подруге» (ЕМЖ, с. 30). Как обычно у И.А. Ефремова, он прилагал к рукописям изображения – в основном вырезанные из западных журналов фото актрис или

⁵ В 2017 г. соавторы выпустили второе, несколько дополненное, издание своей биографии, распространяемое через электронную книготорговую площадку “Litres”. В нем, в частности, охарактеризованы взаимоотношения Ефремова с В.Д. Ивановым (1902–1975), автором «Руси изначальной», но “Women in my life” не упоминается.

моделей с пояснениями, указывающими на сходства и различия с описываемыми им персонажами (ЕМЖ, с. 6)⁶.

В жанровом, формально-литературном и содержательном отношении новеллы поразительно разнообразны. Поскольку повествование идет от первого лица, следует сразу оговориться, что “Women in my life” есть художественное произведение, образы которого подвергались переосмыслению, типизации и прочим операциям, причем в литературном сознании незаурядного мыслителя на закате его жизни. В этом плане «Мои женщины» являются ценным источником сведений о творческой и жизненной биографии И.А. Ефремова, но, к сожалению, публикаторы не стали акцентировать внимание во введении или примечаниях на специфике работы с такого рода источниками. Так, в первой новелле «Царица ночи» рассказчик повествует о своем первоначальном любовном (в физическом смысле тоже) опыте, эта история протекала достаточно долго и имела свое продолжение. По стилю изложения это едва ли не дневниковые записи, однако не следует забывать, что данный текст был совершенно невозможен к публикации в Советском Союзе середины XX в. Тем не менее внимательный читатель сразу же поймет, что имеет дело и с творческой лабораторией. Когда Жека-искусительница (сама ненамного более опытная, чем лирический рассказчик) впервые называет протагониста «милый» (ЕМЖ, с. 39), мы сразу же вспоминаем, как многоопытная при всей своей юности гетера Таис накануне Тесмофорий⁷ впервые назвала так Птолемея – в самой завязке действия «Таис Афинской» (Т.А., с. 30). В обоих случаях «нежный оттенок призыва и ласки» подчеркнута помещен в будничную обстановку.

В этом плане удобно использовать опыт братьев А.Н. и Б.Н. Стругацких (постоянные сравнения их с И.А. Ефремовым вызывали протест В.Л. Терехина [4]), чей творческий метод работы в соавторстве предполагал ведение рабочего дневника и обмен идеями в совместной переписке. Во время работы над романом «Хромая судьба» в 1982 г. братья Стругацкие приняли решение наделить главного героя – Феликса Сорокина – биографией и воспоминаниями старшего из братьев – Аркадия Натановича. В письме Б.Н. Стругацкому от 5 сентября 1982 г. А.Н. Стругацкий дословно писал: «...эпизод моей первой любви – когда-то я его набросал, да никому не показывал, стыдно было, а нынче уже не стыдно» (С-ПСС, с. 341). Эти материалы сохранились в рабочих заметках А.Н. Стругацкого и были опубликованы под условным названием «История Кати» (С-ПСС, с. 474–477). Сопоставление текста романа и рабочих записей показывают большую аналитическую работу, например, все имена «Оля» исправлены на «Катя». Все «А. Стругацкий» исправлены на «Ф. Сорокин» и так далее, включая детали окружения пятнадцатилетнего Стругацкого-Сорокина (С-ПСС, с. 544).

Перечисленное выше следует иметь в виду, обращаясь к материалам «Моих женщин» в контексте уточнения и дополнения биографии И.А. Ефремова, а не только сугубо литературоведческих выкладок о лепке образов

⁶ Вкусовую (в том числе читательскую) «всеядность» И.А. Ефремова и его любовь к эротике отмечал лично знавший его американский геолог Эверетт Олсон.

⁷ Тесмофории (Θεσμοφορια) – официальный праздник Аттического государства в честь Деметры Законодательницы и Девы Персефоны, справлявшийся исключительно при участии свободнорожденных женщин. Как и в других агональных действиях, предназначенных для женщин, на Тесмофориях проводились состязания в беге.

и психологическом обосновании тех или иных действий персонажей⁸. Впрочем, в рассказах содержатся и вполне проверяемые свидетельства, значимость которых еще и в коррекции сложившегося (сознательно или бессознательно) мифа о Ефремове-человеке. Отчасти этот миф культивировал и он сам, тиражируя суждения о несчастном детстве, некультурном деспоте-отце и тому подобном⁹. Иногда такие слова «прорывались» и в переписке (П-ИАЕ, с. 420). Однако это довольно плохо сочетается с наличием у отца библиотеки и ранним увлечением Ивана писателями приключенческого жанра от Жюль Верна до Дж. Конрада, Г. Уэллса или Р. Хаггарда, в честь героя которого – Аллана Квотермейна – И.А. Ефремов затем назвал сына. Даже на этом уровне мы можем обнаружить трансляцию личностных особенностей в художественном творчестве. Еще ребенком Иван Ефремов питал пристрастие к тяжелым вещам: свинцовым часовым гилям, медным ступкам и утюгам [3, с. 9] – и наделил тяжелыми игрушками из иридия, платины и осмия Эрга Ноора – звездолетчика из романа «Туманность Андромеды», родившегося и выросшего на звездолете во время экспедиции (Тум.А., с. 25). Аналогичный прием регулярно встречается в «Моих женщинах». В новелле «Е.П.М.» упоминается пребывание автора у матери в Ростове-на-Дону в 1926 г., брат мужа которой, Георгий Болеславович Змигродский, руководил коммуной «Звезда Красноармейца». Здесь до отъезда в Ленинград двадцатилетний И.А. Ефремов работал трактористом. Мельком указано также, что второй муж матери Ивана «проигрывался иногда, что и довело его печального конца» (ЕМЖ, с. 87–88). Вышеперечисленное открывает возможность дальнейших архивных изысканий, не связанных с академическими и писательскими архивными структурами. В той же новелле упоминается, как И.А. Ефремов со станичным кузнецом пытались построить из старых сельскохозяйственных машин дореволюционного имения сухопутную дрезину – «Пролетарский самоход» (ЕМЖ, с. 89). Корректировке следует подвергнуть и представления о якобы отсутствовавших отношениях Ивана Ефремова с отцом: в новелле «Царица ночи» упомянуто, как осенью 1923 г. он уехал в Вырицу, «чтобы помочь отцу в уборке картофельного урожая и раскорчевать поле под капусту» (ЕМЖ, с. 42).

Вообще, из цикла И.А. Ефремова историк может многое почерпнуть для понимания духа революционной эпохи, даже в сугубо бытовом преломлении. Традиционно (и в художественной литературе тоже) мы привыкли ассоциировать с эпохой военного коммунизма и НЭПа понятия дефицита и квартирного вопроса.

⁸ Е.В. Агапитова выявила уникальный в своем роде пример инверсии в творческой лаборатории И.А. Ефремова. Используя ранний неопубликованный рассказ «Каллиройя» в первой главе «Таис Афинской», писатель заменил имена и занятия героев, сохранив сцену их знакомства во время купания в бурном море. Скульптор Антенор стал воином-полководцем Птолемеем, поэтому сделались ненужными искусствоведческие рассуждения о красоте, труде скульптора и поиске идеальной модели. Эротическая сцена на поле Скирона в ночь Геи, в сущности, не нужна в романе ни по сюжету, ни по логике: цель ритуала – «принять в себя могучую плодоносную силу Геи, пробудить ее», то есть рождение ребенка. Птолемеею предстоит отъезд вместе с Александром Македонским, а дитя поставило бы на «карьеру» семнадцатилетней гетеры крест. Однако в 1946 г. Ефремов выписал этот эпизод «настолько совершенно и поэтично», что включил его в роман даже вопреки психологической достоверности образа главной героини [1, с. 65–66].

⁹ Ярким примером аутифологии такого рода, относящейся к той же эпохе, являются воспоминания Ф.И. Шалапина, созданные при участии М. Горького. В свое время о подчеркивании певцом того, «из какой грязи попал он в князи», весьма язвительно высказывался И.А. Бунин (*Дмитриевский В.Н., Дмитриевская Е.Р. Федор Шалапин. Царь-бас Федор Иванович. М., Смоленск: Олимп, Русич, 1998. С. 13*).

Выясняется, что в опустевшем Петрограде – просторной императорской столице – квартирный вопрос не ощущался по крайней мере до середины 20-х гг. XX в. Шестнадцатилетний И.А. Ефремов (а не его лирический герой) в том же 1923 г. «получил чудесную квартирку на Каменноостровском 71/73, на верхнем этаже, из двух маленьких комнат. Это был предел мечтания, и... совершенная заграница (по тогдашним кинофильмам)» (ЕМЖ, с. 42). Неоднократно и в других новеллах упоминаются опустевшие особняки. В новелле «Лиза» (в рукописи рассказ именовался по-латыни “Eros catoptricus”¹⁰ и по-английски “A thousand faces of love”, то есть «Тысяча ликов любви») И.А. Ефремов особо обращал внимание, что и к 1925 г. в Петрограде никто не грабил жилья, ничего не разоряли, бессмысленно не били и не ломали (эти фразы отчеркнуты и снабжены *Nota bene*: «написать об этом как-нибудь»), комхозы были начеку, да и «дикой деревни в городе не было» (ЕМЖ, с. 64–65). В новелле «Е.П.М.» также упоминается, что петроградцы в первые годы НЭПа не привыкли ценить своих квартир, будучи избалованными изобилием свободной жилплощади (ЕМЖ, с. 92). Не менее поразительны «байкерские» наклонности писателя: И.А. Ефремов всю жизнь был страстным любителем автотранспорта. Вспомним хотя бы «капсулу времени» докоммунистического прошлого из романа «Туманность Андромеды», наполненную разнообразными автомобилями престижных марок (Тум.А., с. 297–298), или описание «Олдсмобила-Старфайр» в «Лезвии бритвы» (Л.Б., с. 473, 483–487). Тема самостоятельных путешествий на авто является постоянной в переписке И.А. Ефремова 40–50-х гг. XX в. Из новеллы «Вторая Люда» становится известным, что шестнадцатилетний Иван, работая автомехаником в пароходстве, смог заработать на мотоцикл «Харлей», выписанный прямо из США: «Я часто ездил на нем в Петергоф, потому что Петергофское шоссе было в хорошем состоянии (асфальта тогда на нем не было и в помине – щебень и булыжник!)» (ЕМЖ, с. 124). Небезынтересны и отсылки к деятельности АКОСПО – акционерного общества по сбору и переработке опия Наркомата внутренней торговли СССР (в новелле «Сахавет») (ЕМЖ, с. 226)¹¹.

Новеллы из цикла “Women in my life”, рассматриваемые как беллетристика, содержат разнообразные жанровые маркеры, и каждой из них могут быть подобраны разнообразные аналоги в литературе XX в. и собственном творчестве И.А. Ефремова. Так, описания внешности и характера японской *юдзё* Кунико-сан явно соотносятся с героиней «Туманности Андромеды» Миико Эйгоро, потомка пловчих и ныряльщиц за жемчугом. Женщина-врач из среднеазиатской больницы, врачующая собственные душевные раны амазонскими скачками по степи, безусловно, нашла воплощение в восьмой главе «Таис Афинской»¹² (Т.А., с. 201; Т.А.-Б, 204). Описание тела неукротимой Сахавет из одноименной новеллы, несомненно, отразилось в образе тантрических жриц («раскосых Лилит»)

¹⁰ По-латыни – «зеркальный Эрос»: отсылка к особняку общества Антэроса, участники которого обустроили многогранную зеркальную комнату тысячеликого Эроса, где встречаются лирические герои (ЕМЖ, с. 64, 66). При желании здесь можно отыскать параллели раннему роману А.Н. Толстого «Две жизни» (1911 г., в последующих редакциях – «Чудаки»), в котором Андрюшка Образцов устроил себе для забав с девками купальню с зеркалами по всем стенам и потолку, или новелле «Ад зеркал» (*Kagami dзигоку* 鏡地獄) японского писателя Эдогава Рампо (1894–1965), написанной в 1926 г. и опубликованной на русском языке в 1956.

¹¹ В другом контексте об этом упоминается в новелле «Последняя богиня» (ЕМЖ, с. 346, 348).

¹² Обложка издания (ЕМЖ) тоже украшена иллюстрацией обнаженной амазонки, волосы которой реют по ветру, как и грива и хвост ее коня.

четырнадцатой главы того же романа (Т.А., с. 390–391; Т.А.-Б, с. 394–395). Подобного рода параллели можно умножать, но оставим подробности ефремоведов. Плодотворность таких изысканий подтверждается прямой отсылкой из новеллы «Тамара»: «Я взял образ этой женщины за прототип образа Чары Нанди в “Туманности Андромеды”» (ЕМЖ, с. 244)¹³.

Для будущих исследователей сборника «Мои женщины» перспективной представляется раскодировка жанровых формул, которые были характерны для ефремовских предшественников, в том числе Р. Хаггарда, и с которыми он должен был быть знакомым и соразмерять свои литературные опыты. Как минимум, новеллы «Зина-Зейнаб» и «Сахавет» могут рассматриваться в качестве представителей жанра вестерна (точнее, истерна – по аналогии с кинопродукцией ГДР середины XX в.), с их описаниями бешеных скачек по пустыне, борьбы с дикими племенами и неперенным мотивом похищенной красавицы. В новелле «Сахавет», несомненно, содержатся элементы колониального романа с присущими жанру этнографическими подробностями и разнообразными описаниями снаряжения, как в «Копях царя Соломона» Райдера Хаггарда или «Похитителях бриллиантов» Луи Буссенара. С последним у нас возникли ассоциации из-за предельно конкретных и притом поэтичных описаний оружия. Едва ли мы погрешим против истины, если будем утверждать, что в «Сахавет» описания женских статей девственной дочери таранчинца и киргизки (ЕМЖ, с. 207–208) и в буквальном смысле убойных достоинств винтовки «Манлихер-Шенауэр 9,5» (ЕМЖ, с. 214–215) с точки зрения чистой эстетики равнозначны и едва ли не равноценны. Мотив похищения и вызволения из рабства у дикарей экзотической красавицы, обычный для фантастики и приключенческой литературы первой четверти XX в., еще сильнее выражен в «Зине-Зейнаб» (да еще и с толикой жесткого натурализма), тогда как фабула «Кунико-сан» может сравниваться, хотя бы с точки зрения декораций, с «Мадам Хризантемой» Пьера Лоти.

Напоследок разьясим нашу догадку относительно 13 новелл, упомянутых в авторском предисловии И.А. Ефремова, а также то, почему в напечатанном цикле их 14. Публикаторы расположили архивные тексты в соответствии с хронологической канвой по внутреннему времени действия, в котором повествование разворачивается. В тексте одиннадцатой новеллы – «Валерия» – лирический герой оказывается в «неуютном, запустелом и голодном» осеннем Хабаровске 1931 г. после возвращения из тяжелой экспедиции к низовьям Амура (ЕМЖ, с. 264). Повстречавшаяся ему библиотекарша Дальзолота¹⁴ Валерия Вивиановна, аристократка «из бывших» с характерно «серебряковской» внешностью, оказалась еще в отрочестве связанной с какими-то тайными сексуальными культурами, практикуемыми в монастырях Маньчжурии и Забайкалья, следами чего оказались татуировки в виде змей, опоясывавших ее тело (ЕМЖ, с. 269–275)¹⁵.

¹³ Героиня новеллы «Мириам» и Мириам Нургалиева из рассказа «Тень минувшего» (1945 г.) описаны практически в одинаковых выражениях (ЕМЖ, с. 20–21).

¹⁴ Маркер недоработанности сюжета или трансформации реальности, внешние детали которой казались неважными в контексте художественного замысла. Частный грест «Дальзолота», существовавший с дореволюционных времен, был ликвидирован в 1927 г., а во время действия новеллы существовало Всесоюзное объединение «Цветметзолото».

¹⁵ У нас возникли ассоциации с «Землей Санникова» геолога академика В.А. Обручева (первое издание 1926 г.). Туземные героини этого романа – из племени онкилонов, родственного чукчам, также татуировались, в том числе украшая себя фигурами змей.

Однако столь интригующая завязка, по-видимому, не стыковалась с предельно кратким – трехнедельным – пребыванием рассказчика в городе (что диктовалось невымышленной биографической канвой, задающей ритм повествования) и возможностями И.А. Ефремова как романиста-сюжетника. Рукопись в результате обрывается на полуслове, и едва ли автор имел возможность хоть как-то иначе распорядиться данной фабулой. Вдобавок, возможные варианты оказывались предельно мелодраматическими или даже «бульварными», чего внутренняя культура И.А. Ефремова не принимала ни при каких обстоятельствах.

Письма И.А. Ефремова, адресованные Т.И. Юхневской, ставшей в дальнейшем его третьей женой, дополняют объемный корпус переписки, выпущенный в 2016 г. В этих свободных от всякой самоцензуры текстах Иван Антонович предстает с личностной стороны, которую не пытался подчинять неким правилам, в том числе сочиненным им самим; в особенности это касалось чувства юмора, проявления которого И.А. Ефремов старательно избегал в творчестве. Таисию Иосифовну он с самого начала стал именовать «Таис», что, несомненно, было связано и с его писательскими устремлениями. Почти наверняка в послании от 27 июня 1952 г. содержится аллюзия на «Каллиройю» («увидеть Таис, загорелую, как это¹⁶ можно загореть лишь на море, омытую солнцем и сотнями морских купаний») (ЕМЖ, с. 396). В письме от 22 июля того же 1952 г. И.А. Ефремов пересказывал Т. Юхневской сюжет романа Анатоля Франса «Таис» как наилучшего для него в то время изложения легенды о гетере, хотя и признавался, что не любит роман из-за мистицизма и «всяческих психологических заскоков» (ЕМЖ, с. 404). О дальнейшем развитии отношений свидетельствует изменение именования: Т. Юхневская в письмах 1953 г. именуется последовательно «Таютой» (и эта форма использовалась и в посвящении к “Women in my life”), вариативно «Тасей» (ЕМЖ, с. 410) и на «ты». Подробности появления семейно-эмоционального «треугольника» И.А. Ефремова, Т.И. Юхневской и жены писателя Е.Д. Конжуковой, освещение которого в биографии О.А. Ерёминной и Н.Н. Смирнова критики сравнивали с историей из глянцевого журнала (напр., [7]), предстают в опубликованной переписке совершенно в ином свете. Более того, события, зафиксированные в послании 7 марта 1953 г., способны поразить сочетанием тяжелейших жизненных потрясений на фоне эпохи. И.А. Ефремов, как следует из предыдущего послания, был угнетен известиями о болезни и кончине И.В. Сталина (ЕМЖ, с. 412, 415)¹⁷. Это наслаивалось на сложные интриги в Палеонтологическом институте, в котором Таисия Иосифовна работала лаборанткой, а учитывая высокий формальный статус И.А. Ефремова, «аморалка» могла иметь весьма серьезные последствия для них обоих, чуть ли не с привлечением правоохранительных органов. Объяснение с Еленой Дометьевной было в этой ситуации неизбежно и, отчасти, спасительно (ЕМЖ, с. 415–416). Примечательно использование для описания эмоционального состояния образов из романа Г. Сенкевича «Камо грядеши», когда И.А. Ефремов сравнивал себя и Таисию с

¹⁶ Так в оригинале. – Д.М., Ю.М.

¹⁷ Очень показательная фраза: «...утрата товарища Сталина, – с которым связана вся сознательная жизнь моя – так или иначе, с его именем, с его делами» (ЕМЖ, с. 416). Выпад против «опасной для всякого интеллигента кровавой сталинщины» в “Women in my life” («От автора») (ЕМЖ, с. 31) включен в иной контекст, рассмотрение которого заняло бы слишком много места.

Лигией и Виницием (ЕМЖ, с. 417). В переписке 1955 г. Е.Д. Конжукова уже делала приписки, обращенные к Т.И. Юхневской (ЕМЖ, с. 427).

В плане анализа литературной составляющей творчества И.А. Ефремова и отражения окружающей его реальности в фантастическом метамире большой интерес представляет письмо из Пекина, датированное 13 октября 1958 г. И.А. Ефремов находился тогда в Китае в длительной командировке. К тому времени роман «Туманность Андромеды» уже вышел в свет, и писатель, который летел на пассажирском самолете Ил-14, называет его «замечательной машиной, вроде звездолета» (ЕМЖ, с. 435). Более того, некоторые детали подготовки и функционирования советско-китайской экспедиции 1959–1960 гг. могут быть уточнены именно по переписке И.А. Ефремова и Т. Юхневской. В том же контексте важны письма-исповеди 1966 г. из больницы АН СССР, когда только стараниями Таисии Иосифовны (уже Ефремовой) Иван Антонович в буквальном смысле вернулся с того света и сумел после этого прожить еще шесть лет, опубликовав два объемных романа (Ч.Б. и Т.А.). В недатированном больничном послании он прямо упоминает физические статьи Т.И. Ефремовой, именуя ее «очевидным ... идеалом, который ... описывал уже сто раз в своих произведениях» (ЕМЖ, с. 459). Недатированное письмо-завещание – также замечательная автоэпитафия Ефремова-человека, столь парадоксально содержащая сетования: «не умею я писать как следует, чтобы передать миру всю неувядаемую прелесть твоей души» (ЕМЖ, с. 465–468).

Заключение. Традиционно рецензент должен исполнять и роль критика (в негативном значении этого слова), выискивая разнообразные недостатки. В этом отношении нам почти нечего сказать. Издание не позиционировалось как академическое, и в этом плане его составителям бессмысленно предъявлять претензии к уровню источниковедческого исследования или научного аппарата книги, вернее, к отсутствию таковых. Насколько мы можем судить, транскрипция рукописных материалов проведена корректно, что подтверждается репродукциями (в большем масштабе их можно увидеть в сетевой публикации) [9]. Очень высок и полиграфический уровень издания, напечатанного на отличной бумаге, с использованием хорошо читаемого шрифта. Твердый переплет, как мы упоминали, стилизован под классическую «рамку» и украшен иллюстрацией к новелле «Амазонка»; ляссе одинакового цвета с капталом. Мы не выявили в тексте сколько-нибудь бросающихся в глаза ошибок и опечаток. Единственное, что может вызвать недоумение, – приложенная к книге 32-страничная брошюра с графическими работами И.А. Анашкиной и И.В. Коржева, воспроизводящими представления художников о героинях рукописи И.А. Ефремова. На наш взгляд, уместнее было бы репродуцировать авторские зарисовки и комментированные вырезки из журналов, которые на страницах книги даны в черно-белом воспроизведении, ухудшающем и без того низкое качество «исходника». Единственный образец зарисовок И.А. Ефремова (тыльный ракурс женского торса) с более или менее читаемым образцом его почерка оказался помещен на заднюю страницу обложки брошюры.

Завершение издания новейшего собрания сочинений И.А. Ефремова и ввод в читательский и научный оборот всех его более или менее завершенных литературных произведений следует считать этапным событием, касающимся

как ефремоведения, так и фантастоведения как таковых. Чтение «Моих женщин» натолкнуло нас на мысль, почему именно И.А. Ефремов вызвал интерес А.Н. Толстого, который, как известно, и сделался литературным «крестным отцом» палеонтолога. Роднило обоих писателей «биологическое» отношение к бытию, в случае с Иваном Антоновичем – еще и в научном измерении, а также глубоко здоровое отношение к страстной сфере человеческой жизни и отношений¹⁸. Исследования собственно литературной стороны произведений И.А. Ефремова еще только начинаются, обещаю «обильную жатву», в том числе для конструирования образов желаемого – и лучшего – будущего России и всего человечества.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Тум.А. – *Ефремов И.А.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Мол. гвардия, 1987. Т. 3: Туманность Андромеды; Звездные корабли; Сердце Змеи; Пять картин. 478 с.
- Л.Б. – *Ефремов И.А.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Мол. гвардия, 1988. Т. 4: Лезвие бритвы: Роман приключений. 670 с.
- Ч.Б. – *Ефремов И.А.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Мол. гвардия, 1989. Т. 5, кн. 2: Час быка: Науч.-фантаст. роман. 462 с.
- Т.А. – *Ефремов И.А.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Мол. гвардия, 1989. Т. 5, кн. 3: Таис Афинская: Ист. роман. 494 с.
- Т.А.-Б – *Ефремов И.А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Сов. писатель, 1992. Т. 6: Таис Афинская: Ист. роман. 491 с.¹⁹
- ЕМЖ – *Ефремов И.А.* Мои женщины: Рассказы; Письма. М.: Издатель Юхневская С.А., 2022. 480 с. (Ретро библиотека приключений и научной фантастики. Серия «Коллекции. Собр. соч. И. Ефремова», [Т. VIII]).
- П-ИАЕ – Переписка Ивана Антоновича Ефремова / Сост. И.А. Еремина; послесл. Н. Смирнова. М.: Вече, 2016. 1536 с.
- П-У – Переписка Ивана Антоновича Ефремова: указатели / Сост. И.А. Еремина. М.: Вече, 2016. 176 с.
- С-ПСС – *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Полн. собр. соч. в 33 т. / Сост. С. Бондаренко, В. Курильский, Ю. Флейшман. [Б. м.]: Группа «Людены», 2019. Т. 25: 1981–1982. 600 с.

¹⁸ И.А. Ефремову, в отличие от А.Н. Толстого, не пришлось серьезно переживать «классовый переход» и заново в зрелом возрасте пересматривать социальную самоидентификацию, так как он принадлежал к разноточинской прослойке [10, р. 162]). Принципиально различным было отношение писателей к интеллигенции и т. д. Примечательные суждения об этих вопросах (применительно к личности и творчеству А.Н. Толстого) см.: [11, с. 142–145]. С другой стороны, их роднил подход к реальности со стороны отдельной частной жизни [11, с. 145], «блестящие подробности быта, слова, словечки», «выхваченные интересные клочки жизни», стремление воссоздать «целого человека» в результате «синтетического акта» [11, с. 193]. В известном смысле в ефремовском творчестве нашли отражение идеи А.Н. Толстого о литературе («монументального реализма»: «Ее пафос – всечеловеческое счастье, – совершенствование. Ее вера – величие человека. Ее путь – прямо к высшей цели: в страсти, в грандиозном напряжении создать тип большого человека» [11, с. 201]. «Биологизм» был свойственен русской советской литературе именно в 20-е гг. XX в. [11, с. 69, 141].

¹⁹ Данное издание (Т.А.-Б) анонсировалось как «первое в полной авторской редакции». Источник происхождения данного текста неизвестен, вероятно, в основу была положена авторская рукопись, когда-то переданная И.А. Ефремовым в «Молодую гвардию» [1, с. 63].

Литература

1. *Агапитова Е.К.* Фантастический мир И.А. Ефремова: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2018. 244 с.
2. *Комиссаров В.В.* «Этого ожидали...»: роман И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» и футуристические проекты советской интеллигенции. Иваново: ПресСто, 2017. 116 с.
3. *Сергеев С.А.* Иван Ефремов в контексте духовных конфликтов XX века: монография. Казань: КНИТУ, 2019. 128 с.
4. *Черняховская Ю.С.* Метакультура: политико-философские конструкты Ивана Ефремова. [Б. м.]: Издательские решения, 2019. 176 с.
5. *Юсупова Т.И.* Научный менеджмент по-советски в истории Монгольских экспедиций И.А. Ефремова // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10, № 4. С. 77–91.
6. *Ерёмина О.А., Смирнов Н.Н.* Иван Ефремов. М.: Молодая гвардия, 2013. 682 с. (Жизнь замечательных людей; вып. 1440).
7. *Ефремова Д.* Соцзаказ на расчеловечивание. Что мы не знаем о великом фантасте Иване Ефремове? (Беседу вел Иван Коротков) // Литературная Россия. 2019. № 2019 (37); 10 октября. URL: <https://litrossia.ru/item/soczakaz-na-raschelovechivanie/>, свободный.
8. *Терёхин В.* Успехи и... неудача. О книге Ольги Ерёминой и Николая Смирнова об Иване Ефремове // День литературы: газета русских писателей. 2015. 12 января. URL: http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=373, свободный.
9. *Alex Dragon.* Иван Ефремов. “Women in my life” // Live Journal. 2022. 10 февраля. URL: <https://alex-dragon.livejournal.com/580666.html>, свободный.
10. *Olson E.* The Other Side of the Medal: A Paleobiologist Reflects on the Art and Serendipity of Science. Blacksburg, VA: The McDonald & Woodward Publ. Co., 1990. 182 p.
11. *Гура В.В.* Роман и революция: Пути советского романа 1917–1929. М.: Сов. писатель, 1973. 399 с.

Поступила в редакцию 10.10.2023

Принята к публикации 10.12.2023

Мартьянов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Мартьянова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: juliemartynova82@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 1, pp. 144–156

BOOK REVIEW

doi: 10.26907/2541-7738.2024.1.144-156

**The Biography and Bibliography of Ivan Antonovich Efremov
Expanded with New Materials**

[Review: Efremov I.A. *Women in My Life: Novels; Letters*. Moscow, Izd. Yuhnevskaya S.A., 2022. 480 p. A Retro Collection of Adventure and Science Fiction. Ser.: Collections. Complete Works by I. Efremov. Vol. VIII. (In Russian)]

D.E. Martynov, Yu.A. Martynova
Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru, juliemartynova82@gmail.com

Received October 10, 2023; Accepted December 10, 2023

Abstract

This article reviews the first-ever published materials from the archive of Taisia Iosifovna Yuhnevskaya, the late wife of Ivan Antonovich Efremov (1908–1972). The focus is on I.A. Efremov's collection of autobiographical and erotic short novels titled "Women in My Life". These fourteen stories (one of which is incomplete) are believed to have been written between the 1950s and 1960s. They fit perfectly with the style of the writer, for whom there was no division between the physical aspects of love and the spiritual development of a normal person. The short novels contain a wealth of personal details, thus offering a new and deeper perspective on the early years of the rising geologist and social thinker. In terms of fiction, they continue the 1940s series "Tales of the Extraordinary" and conform to the genre characteristics of romantic storytelling, as well as colonial and Western novels. There are clear similarities and plot parallels with I.A. Efremov's other novels such as "Andromeda: A Space-Age Tale", "The Bull's Hour", "Razor's Edge", and "Thais of Athens". An interesting finding is that the letters between I.A. Efremov and his wife bring out an unforeseen side of the writer's character, especially his ability to inject humor, which is a departure from his usual literary approach.

Keywords: literary criticism, cultural studies, Soviet literature, science fiction, I.A. Efremov, T.I. Efremova, classical antiquity, Silver Age of Russian culture

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Agapitova E.K. The fantastic literary universe created by I.A. Efremov: Problems and poetics. *Cand. Philol. Diss.* Vologda, 2018. 244 p. (In Russian)
2. Komissarov V.V. "Etogo ozhidali...": roman I.A. Efremova "Tumannost' Andromedy" i futuristicheskie proekty sovetskoi intelligentsii ["This Was Expected...": I.A. Efremov's Novel "Andromeda: A Space-Age Tale" and Futuristic Projects of the Soviet Intelligentsia]. Ivanovo, PresSto, 2017. 116 p. (In Russian)
3. Sergeev S.A. *Ivan Efremov v kontekste dukhovnykh konfliktov XX veka: monografiya* [Ivan Efremov and the Spiritual Conflicts of the 20th Century: A Monograph]. Kazan, KNITU, 2019. 128 p. (In Russian)
4. Chernyakhovskaya Yu.S. *Metakul'tura: politiko-filosofskie konstrukty Ivana Efremova* [Metaculture: Unveiling Ivan Efremov's Political and Philosophical Constructs]. S. 1., Izd. Resheniya, 2019. 176 p. (In Russian)

5. Yusupova T.I. The Soviet approach to scientific management as seen through the Mongolian expeditions led by I.A. Efremov. *Sotsiologiya Nauki i Tekhnologii*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 77–91. (In Russian)
6. Eremina O.A., Smirnov N.N. *Ivan Efremov* [Ivan Efremov]. Moscow, Mol. Gvardiya, 2013. 682 p. Ser.: *Zhizn' zamechatel'nykh lyudei* [Lives of Remarkable People]. Vol 1440. (In Russian)
7. Efremova D. Social mandate for dehumanization. What we don't know about the great science fiction writer Ivan Efremov (The interview was held by Ivan Korotkov). *Literaturnaya Rossiya*, 2019, no. 2019 (37), Oct. 10. URL: <https://litrossia.ru/item/soczakaz-na-raschelovechivanie/>. (In Russian)
8. Terekhin V. Success and... failure. Ivan Efremov through the book written by Olga Eremina and Nikolai Smirnov. *Den' Literaturny*, 2015, Jan. 12. URL: http://denlit.ru/index.php?view=articles&articles_id=373. (In Russian)
9. Alex Dragon. Ivan Efremov. "Women in my life". *Live Journal*, 2022, Feb. 10. URL: <https://alex-dragon.livejournal.com/580666.html>. (In Russian)
10. Olson E.C. *The Other Side of the Medal: A Paleobiologist Reflects on the Art and Serendipity of Science*. Blacksburg, VA, The McDonald & Woodward Publ. Co., 1990. 182 p.
11. Gura V.V. *Roman i revolyutsiya: Puti sovetskogo romana 1917–1929* [The Novel and Revolution: The Soviet Novel's Trends in 1917–1929]. Moscow, Sov. Pisatel', 1973. 399 p. (In Russian)

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Новые материалы к биографии и библиографии Ивана Антоновича Ефремова [Рец. на кн.: Ефремов И.А. Мои женщины: Рассказы; Письма. М.: Издатель Юхневская С.А., 2022. 480 с. (Ретро библиотека приключений и научной фантастики. Серия «Коллекции. Собр. соч. И. Ефремова», [Т. VIII]) ISBN 978-5-600-03201-9] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 1. С. 144–156. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.144-156>.

For citation: Martynov D.E., Martynova Yu.A. The biography and bibliography of Ivan Antonovich Efremov expanded with new materials [Review: Efremov I.A. Women in My Life: Novels; Letters. Moscow, Izd. Yukhnetskaya S.A., 2022. 480 p. A Retro Collection of Adventure and Science Fiction. Ser.: Collections. Complete Works by I. Efremov. Vol. VIII. (In Russian)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 1, pp. 144–156. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.1.144-156>. (In Russian)

Индекс 19421